

ISSN 2412-1762

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК

МЕЖДУНАРОДНОГО
ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Москва

ВЕСТНИК

**Международного юридического института
Научно-информационный журнал**

ISSN 2412-1762

№ 4 (71) 2019

Основан в июле 2001 г.
Выходит 1 раз в 3 месяца

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Международный юридический институт

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Жильцов Н.А., к.ю.н., к. пед. н., проф., председатель редколлегии

Чердаков О.И., д.ю.н., проф. (главный редактор)

Буков В.А., к.ю.н., доцент

Демин А.М., к.и.н., доцент

Жильцова О.Н., к.пол.н.

Милосердов В.Н., к.и.н.

Бит-Шабо И.В., д.ю.н., доцент

Епифанова Т.В., к.и.н., доцент

Ходусов А.А., к.ю.н., доцент

Шеховцева Е.Ю., к.э.н., доцент

Лавицкая М.И., д.ист.н., профессор, доцент

Пахолкин Д.А., к.пол.н., декан юридического факультета

Зикеева К.С., выпускающий редактор

Адрес редакции:

127427 Москва,

Кашенкин луг, д. 4

Тел./факс: (495) 9358256

E-mail: science@lawinst.ru

<http://www.lawacademy.ru>

Свидетельство о регистрации СМИ

ПИ № 77-16506 от 13 октября 2003 г.

© Международный юридический институт, 2019

Все права защищены

Подписано к печати 23.03.2020

14,5 уч. изд. л.

Журнал публикуется на сайте института

<http://lawacademy.ru/>

В НОМЕРЕ

НАУКА И ПРАКТИКА

Гражданское и предпринимательское право / Гражданский процесс

- Воробьев Сергей Владимирович, Тихомиров Кирилл Сергеевич
*ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЁРСТВО В ФОРМЕ
КОНЦЕССИОННОГО СОГЛАШЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТА
«О СОЗДАНИИ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ЛИНИЙ
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО СООБЩЕНИЯ ПО МАРШРУТУ
"ВИТЕБСКИЙ ВОКЗАЛ – АЭРОПОРТ ПУЛКОВО" НА
ТЕРРИТОРИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА»*.....5
- Мережкина Марина Сергеевна
*ПРАВОВОЙ ПОРЯДОК РАЗДЕЛА ИМУЩЕСТВА,
НАХОДЯЩЕГОСЯ В ОБЩЕЙ ДОЛЕВОЙ
СОБСТВЕННОСТИ*.....19
- Сирик Наталия Валерьевна
*ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОЗМЕЩЕНИЯ ПОТЕРЬ КАК
НОВОГО ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА*.....23
- Чижикова Юлия Александровна
*ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОГОВОРА ОБ
ИПОТЕКЕ*.....31

Теория и история государства и права

- Лавицкая Марина Ивановна
*КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ ЛИБЕРАЛЬНОГО И ПОСТЛИБЕРАЛЬ-
НОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА. ЧАСТЬ 2*.....39

Уголовное право

- Абашина Людмила Александровна, Лавицкая Марина Ивановна,
Ефремова Ольга Валентиновна
*ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЛЕГАЛЬНОЙ ДЕФИНИЦИИ
«ВЫМОГАТЕЛЬСТВО» В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ
ПРАВЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ*.....51
- Голованов Константин Викторович
*ПОДДЕЛКА ИЛИ УНИЧТОЖЕНИЕ VIN-НОМЕРА ТС:
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ*.....60
- Долидзе Наталья Ивановна, Карабинцев Вадим Юрьевич
О КОРРУПЦИОННЫХ И ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В

<i>ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ И МЕХАНИЗМЕ ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ</i>	72
Журавлев Андрей Леонардович, Карабинцев Илья Вадимович <i>УБИЙСТВО КАК ДЕСТРУКТИВНОЕ ЯВЛЕНИЕ (НА ПРИМЕРАХ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)</i>	79
Земенков Александр Иванович <i>АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПО ДЕЛАМ О ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ</i>	87
Печников Геннадий Алексеевич <i>МОЖЕТ ЛИ ФОРМАЛЬНО-ЮРИДИЧЕСКАЯ ИСТИНА БЫТЬ ФОРМОЙ ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЫ В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ УПК РФ?</i>	92
Рыжкова Алина Николаевна <i>ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ</i>	98
Столяров Дмитрий Анатольевич, Черкас Захар Олегович, Мышковец Петр Олегович <i>СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ</i>	112
Ходусов Алексей Александрович <i>ТРАНСФОРМАЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА В СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ</i>	121

Конституционное право

Афанасьева Мария Павловна <i>ПОТЕНЦИАЛ КОНСТИТУЦИОННЫХ (УСТАВНЫХ) СУДОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В МЕХАНИЗМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА (НА ПРИМЕРЕ ПРАВА НА ДОСТУП К ПУБЛИЧНОЙ СЛУЖБЕ)</i>	130
--	-----

Международное право

Михайлов Юрий Иванович <i>МЕЖДУНАРОДНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА</i>	139
Фадеева Екатерина Валерьевна <i>ЭВОЛЮЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ</i>	144
Царик Владимир Станиславович <i>ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗАПАДНЫХ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ</i>	

ОРГАНИЗАЦИЙ И АНАЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С «РОССИЙСКОЙ ДЕЗИНФОРМАЦИЕЙ».....	152
--	-----

Философия

Карташова Людмила Эдуардовна <i>ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КЛАССИЧЕСКОГО СТРУКТУРАЛИЗМА. СУТЬ ПОЛЕМИКИ К. ЛЕВИ-СТРОССА И В. ПРОППА</i>	166
---	-----

СЛОВО СТУДЕНТУ

Ерофеев Герман Олегович <i>СРАВНИТЕЛЬНО – ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВ РОССИИ И АНГЛИИ О ВЫМОРОЧНОМ ИМУЩЕСТВЕ</i>	174
Зуева Елена Анатольевна <i>ЗАЩИТА АВТОРСКИХ ПРАВ ДИССЕРТАНТОВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ</i>	178
Лосяков Андрей Викторович <i>ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ В СЛУЧАЕ ПЕРЕМЕНЫ (ИЗМЕНЕНИЯ) ПОЛА ОДНИМ ИЗ СУПРУГОВ</i>	186
Лужаева Оксана Владимировна <i>К ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГО-ВОЗРАСТНЫХ УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ</i>	192
Разумова Валентина Вадимовна <i>ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕВЫШЕНИЕ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ</i>	203
Саратова Виктория Александровна <i>СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЙ СТ. 151.2 УК РФ: КОНСТРУКТИВНЫЕ НЕДОСТАТКИ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОО ПРИМЕНЕНИЯ</i>	217
Сафина Диана Рамилевна <i>К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ НАСЕЛЕНИЯ В САМОУПРАВЛЕНИИ</i>	222
Турянская Алиса Дмитриевна <i>ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СУБЪЕКТОВ КОНТРАКТНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩАЯ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК В РФ</i>	226

НАУКА И ПРАКТИКА

Гражданское и предпринимательское право/ гражданский процесс

Воробьев Сергей Владимирович,
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры теории права
и государственно-правовых дисциплин
Международного юридического института.

Vorobev S. V.
doctor of Historical Sciences, Professor
Professor of the Department of Theory of Law and State
and Legal Disciplines of the International Law Institute.

Тихомиров Кирилл Сергеевич,
специалист 1-й категории отдела закупок
и технической политики
комитета по транспорту Правительства Санкт-Петербурга.

Tikhomirov K. S.
specialist of the 1st category of the procurement
and technical policy Department
transport Committee Of the government of Saint Petersburg.

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЁРСТВО В ФОРМЕ КОНЦЕССИОННОГО СОГЛАШЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТА «О СОЗДАНИИ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ЛИНИЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО СООБЩЕНИЯ ПО МАРШРУТУ “ВИТЕБСКИЙ ВОКЗАЛ – АЭРОПОРТ ПУЛКОВО” НА ТЕРРИТОРИИ САНКТ- ПЕТЕРБУРГА»

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN THE FORM OF A
CONCESSION AGREEMENT ACCORDING TO THE EXAMPLE OF
THE PROJECT «ON THE CREATION AND OPERATION OF
COMMUNICATION LINES ALONG THE ROUTE "VITEBSKY
STATION" - "PULKOVO AIRPORT" IN ST. PETERSBURG»

Аннотация. В статье представлены результаты исследования феномена концессии в современной российской юриспруденции. На примере соглашения «О создании и эксплуатации линий железнодорожного сообщения по маршруту “Витебский вокзал – Аэропорт Пулково” на территории Санкт-Петербурга» и сравнения его реализации с аналогичным опытом других стран авторами выявлены несовершенства правового регулирования концессий и сформулированы основные рекомендации для совершенствования рассматриваемой области российского права.

Annotation. This article presents the results of a study of the phenomenon of concession in modern Russian science of jurisprudence. On the example of the agreement "On the creation and operation of railway lines on the route "Vitebsky Station" - "Pulkovo Airport" in St. Petersburg and comparing its implementation with similar experience in other countries, the author identified imperfections in the legal regulation of concessions and formulated basic recommendations for improving the areas of Russian law.

Ключевые слова: концессионное соглашение, концессия, государственно-частное партнёрство, инвестиции, частный капитал, инфраструктурный объект, линии железнодорожного сообщения, железнодорожная концессия.

Key words: concession agreement, concession, public-private partnership, subsidies, investments, private capital, infrastructure, railway lines, railway concession.

В «Проекте национального доклада о привлечении частных инвестиций в развитие инфраструктуры и применении механизмов государственно-частного партнерства в Российской Федерации» (далее - Проект) программные расходы РФ на 2019 г. на транспортную инфраструктуру составляют 626,9 млрд. руб. При этом непокрытая потребность на 2019 год – 950,0 млрд. руб. Потенциал покрытия через государственно-частное партнерство (далее ГЧП) – 220 млрд. руб (23 %) ¹. Как видно из приведенных данных, в 2019 году потребность в инвестициях в транспортную инфраструктуру в нашей стране в полтора

¹ Проект национального доклада о привлечении частных инвестиций в развитие инфраструктуры и применении механизмов государственно-частного партнерства в Российской Федерации + рейтинг регионов по уровню развития государственно-частного партнёрства 2017–2018. Национальный центр государственно-частного партнерства. Москва. 2018. С. 19.

раза превышает средства, которые государство может себе позволить выделить на эти цели, а перспективы привлечения средств частных инвесторов не превышают четверти от необходимых для развития транспортной инфраструктуры России. И это при том, что в области транспортной инфраструктуры в РФ ситуация с частными инвестициями складывается лучше, чем в других социально-экономических сферах.

Не зря отмечается, что развитие транспортной инфраструктуры характеризуется устойчивым высоким спросом, о чем свидетельствует рынок проектов ГЧП. На 2018 год в России на разных стадиях реализации находилось более 100 проектов с суммарным объемом привлеченных внебюджетных средств в размере 1,28 трлн. руб. На начало 2018 года были заключены всего 87 проектов ГЧП объемом частных инвестиций 1,03 трлн. руб. На стадии конкурсного отбора находилось, как минимум, 25 проектов ГЧП объемом частных инвестиций 241 млрд. руб. Однако динамика привлечения инвестиций за последние 5 лет остается весьма нестабильной. Так, в 2014–2015 г.г. имел место значительный спад инвестиционной активности в транспортном ГЧП, обусловленный, в частности, последствиями валютного кризиса¹.

Как отмечается в Проекте, при реализации проектов ГЧП в транспортной сфере предпочтение по-прежнему отдается концессиям, что обусловлено многолетним опытом структурирования проектов в рамках концессионного законодательства и, как следствие, доверия инвесторов и финансирующих организаций именно данной форме ГЧП². ГЧП в сфере железнодорожного транспорта не является исключением из правил. 36 из 87 проектов партнерства в сфере транспорта в нашей стране, согласно данным этого Проекта, заключены в форме концессионных соглашений³.

Среди важных проектов концессионных соглашений – «О создании и эксплуатации линии железнодорожного сообщения по маршруту “Витебский вокзал — аэропорт Пулково” на территории Санкт-Петербурга» (далее – Аэроэкспресс Пулково) на основе ГЧП. Этот проект включен в первую сотню планируемых инфраструктурных проектов в субъектах РФ с использованием механизмов ГЧП. Субъект РФ, реализующий проект, – г. Санкт-Петербург. Отрасль реа-

¹ Там же. С. 31.

² Там же.

³ Там же.

лизации проекта – железнодорожная инфраструктура. Уровень реализации проекта – региональный. Предварительная предполагаемая стоимость подготовки и реализации проекта – 19 700 000,00 тыс. руб. Предполагаемая организационно-правовая форма реализации проекта – концессионное соглашение (115-ФЗ)¹. На примере данного проекта хорошо заметны особенности железнодорожных концессионных соглашений, механизм и стадии их реализации, нормативно-правовое обеспечение и многие другие вопросы.

Основной особенностью железнодорожных концессионных соглашений является не только долгосрочность их действия, но и длительный этап подготовки концессии. Например, для разработки проекта организации удобной беспересадочной связи между центром Санкт-Петербурга и аэропортом Пулково в 2011 году проектным институтом «Ленгипротранс» по заказу Правительства Санкт-Петербурга и ОАО «РЖД» была проведена предварительная оценка варианта организации пассажирских перевозок в аэропорт с Балтийского вокзала (станция метро «Балтийская»). При этом предусматривалось строительство нового двухпутного участка от существующей станции Шоссейная Октябрьской железной дороги до аэропорта. Ориентировочная стоимость реализации этого варианта составила 18,5 млрд. руб. в ценах 2011 года (с учётом подвижного состава и строительства пассажирской станции в аэропорту).

Этот вариант реализации имел ряд существенных недостатков:

- значительные объёмы и стоимость реконструкции действующих устройств ОАО «РЖД» – около 40% стоимости СМР;
- использование для пересадки из метро на электропоезда перегруженной в часы «пик» удалённой от центра города станции «Балтийская»;
- низкая привлекательность района, непосредственно прилегающего к станции метро «Балтийская» (удалённость от центра, отсутствие парковочных пространств, недостаточное развитие маршрутной

¹ ТОП-100 планируемых инфраструктурных проектов в субъектах Российской Федерации с использованием механизмов ГЧП / Проект национального доклада о привлечении частных инвестиций в развитие инфраструктуры и применении механизмов государственно-частного партнерства в Российской Федерации + рейтинг регионов по уровню развития государственно-частного партнёрства 2017–2018. Национальный центр государственно-частного партнерства. Москва. 2018. С. 73.

сети городского пассажирского транспорта, сложная дорожная обстановка в районе вокзала).

В 2016 году ПАО «Группа «ЛСР» подготовлен проект организации пассажирского железнодорожного сообщения по маршруту «Санкт-Петербург Витебский (Витебский вокзал) – аэропорт Пулково» с учетом возможной трассировки маршрута, технических показателей, внесенных изменений в Генеральный план Санкт-Петербурга. Ориентировочные затраты на строительство линии с учетом закупки подвижного состава составили 18,8 млрд. руб. (в ценах 2016 года).

Исполнительными органами государственной власти Санкт-Петербурга проведен сравнительный анализ предпроектных проработок по организации пассажирского железнодорожного сообщения по маршрутам «Санкт-Петербурга Балтийский - аэропорт Пулково» и «Санкт-Петербург Витебский (Витебский вокзал) – аэропорт Пулково».

Отмечено:

- отсутствие анализа воздействия проектируемой линии на работу Октябрьской железной дороги по Витебскому направлению и южному железнодорожному полукольцу;

- отсутствие решения по устройству железнодорожного депо;

- необходимость предоставления в КГИОП подробного перечня предполагаемых работ, а также детальной схемы трассировки с возможными местами установки необходимого оборудования.

Проектом предусматривается создание и последующая эксплуатация железнодорожной линии по маршруту «Аэропорт Пулково – Витебский вокзал» (далее – железнодорожная линия), которая включает в себя строительство новой двухпутной электрифицированной железнодорожной линии от точки примыкания к сети общего пользования ОАО «РЖД» (станции Шушары) до аэропорта Пулково, конечную станцию Пулково и вокзальный комплекс, непосредственно примыкающий к действующему аэровокзалу. Предполагаемые источники финансирования: собственные средства частного партнера, заемные средства, привлекаемые частным партнером, средства бюджета (капитальный грант на строительство из бюджета Санкт-Петербурга) в размере 10 млрд. руб.

Железнодорожная линия создается от аэропорта Пулково через Пулковское шоссе, Новгородский проспект, Витебский проспект до примыкания к существующей инфраструктуре в районе железнодорожной станции Шушары. Коридор трассы железнодорожной линии принимается согласно утвержденному Генеральному плану Санкт-

Санкт-Петербурга. Общая протяженность трассы составляет не менее 8,4 км. Концессионер собственными силами или с привлечением третьих лиц обязан обеспечить оказание услуг по перевозке пассажиров и багажа железнодорожным транспортом в составе, объеме и на условиях в соответствии с требованиями, предусмотренными концессионным соглашением.

Экономические характеристики проекта:

- срок соглашения составит 30 лет;
- стоимость строительства объекта, согласно расчету капитальных затрат, выполненных по объектам-аналогам (Московская кольцевая железная дорога 2, 4, 8, 27, 38 этапы строительства), составляет 15,6 млрд. руб. в ценах 3 квартала 2017 г.;

Сводная информация по земельным участкам (29 шт.):

- 6 ЗУ – собственность РФ;
- 17 ЗУ – частная собственность;
- 6 ЗУ – собственность СПб.

Кадастровая стоимость всех участков составляет 594,1 млн. руб. Выкуп земельных участков осуществляет Правительство Санкт-Петербурга за счет средств городского бюджета.

24.09.2018 ОАО «РЖД» направлен запрос об отмене Конкурса с целью согласования условий реализации проекта по организации эффективного пассажирского сообщения города с аэропортом Пулково. 05.10.18 в адрес Комитета по инвестициям Санкт-Петербурга в целях организации работы с ОАО «РЖД» в рамках проекта направлена сравнительная характеристика реализации проекта с Витебского и Балтийского вокзалов Санкт-Петербурга и заключение ФГУП «Госкорпорация по ОрВД», а также материалы по созданию Открытого метро Санкт-Петербурга.

Комитетом подготовлены и письмом от 10.10.23018 направлены в адрес вице-губернатора Санкт-Петербурга И.Н. Албина, в адрес исполняющего обязанности Губернатора Санкт-Петербурга А.Д. Беглова и в адрес председателя Правительства Российской Федерации Д.А. Медведева проекты обращений с просьбой о выделении федерального финансирования на реализацию мероприятий, предложенных в Перечне предложений Проекта развития железнодорожного Санкт-Петербургского железнодорожного узла в период до 2024 года.

В связи с обращением ОАО «РЖД» в адрес Губернатора Санкт-Петербурга от 24.09.2018 об отмене объявленного конкурса с целью согласования условий реализации проекта по организации эффектив-

ного пассажирского сообщения города с аэропортом Пулково Комитетом по инвестициям Санкт-Петербурга перенесен срок приема заявок на 28.11.2018, дополнительно продлен конкурс до 08.02.2018.

16.10.2018 на базе Комитета по инвестициям Санкт-Петербурга проведено совещание с ОАО «РЖД» и Октябрьской железной дорогой – филиал ОАО «РЖД», на котором ОАО «РЖД» было поручено в течение двух недель подготовить обоснование реализации проекта от Витебского вокзала в аэропорт Пулково. 12.11.2018 ОАО «РЖД» направило свое видение на сравнение предлагаемых вариантов, которое носило диаметрально противоположные выводы относительно тех выводов, которые были приняты несколько лет назад. Так, в расчетах 2016 года прибытие электричек на Витебский вокзал было экономически эффективней и составляло 24,1 млрд. руб. против 34,0 млрд. руб., приходящихся на подключение линии к Балтийскому вокзалу. В новых расчетах ОАО «РЖД» суммарная стоимость проекта на Витебский вокзал составит 34,4 млрд. руб., а стоимость проекта на Балтийский вокзал составит 18,1 млрд. руб.

Предложение ОАО «РЖД» приводит к необходимости отмены утвержденного конкурса, разработки новой концепции проекта и новой конкурсной документации, проведению новых конкурсных процедур. А сам подход изменяющейся во времени позиции ставит под угрозу реализации проекта в целом.

Попытка заключения концессионного соглашения «О создании и эксплуатации линии железнодорожного сообщения по маршруту “Витебский вокзал – аэропорт Пулково” на территории Санкт-Петербурга» демонстрирует сложность и длительность подготовки подобного рода концессионных соглашений, связанных с высокой стоимостью реализации проекта, большой степенью риска его убыточности из-за изначально неверных расчетов ОАО «РЖД». В итоге сложилась ситуация, когда объявленный конкурс на заключение концессионного соглашения в рамках ГЧП был отложен концедентом на неопределенный срок.

С нашей точки зрения, успешные ГЧП предполагают, что частный партнер получает прибыль, выполняя задачи, поставленные государством. Он несет большее финансовое бремя, чем государственный, что должно компенсироваться другими преимуществами в целях наибольшей эффективности ГЧП. Очень важен, по убедительному мнению специалистов, в каждом отдельном случае тщательный анализ проекта развития транспортной инфраструктуры, прежде всего,

достоверной оценки будущей гравитации грузов и пассажиров на территории, охватываемой проектом. Наибольшей эффективности ГЧП может достичь только в том случае, если будет четко определен и проведен мониторинг ожидаемых результатов¹. Необходимо также признать абсолютно верным утверждение специалистов, что при неблагоприятной конъюнктуре проект ВСЖД лучше закрыть или отложить, чтобы не сделать его излишне затратным для бюджета и налогоплательщиков², что и было сделано концедентом в случае с проектом концессионного соглашения «Аэроэкспресс Пулково».

Очень показательным примером успешности железнодорожного концессионного соглашения является зарубежный опыт строительства и эксплуатации проекта «CANADA LINE» (Канадская Линия), стартовавший в 2003 году в Канаде. Этот опыт был суммирован А.А. Коноваловой и А.П. Пигильдиной³.

В 2004 году было подписано 35-летнее соглашение, включающее проектирование, строительство, частичное финансирование и эксплуатацию объекта. Стадия строительства была завершена на 4 месяца раньше установленного срока и в рамках оговоренного бюджета. Официальное открытие состоялось 17 августа 2009 года. Канадская Линия – это городская железная дорога между Ванкувером, аэропортом Ванкувера и пригородом Ричмонда. Этот проект был призван улучшить железнодорожную систему сообщения в районе Ванкувера в преддверии Зимних Олимпийских игр в Ванкувере. К основным целям проекта относилось, прежде всего, обеспечение дополнительного доступа гражданам в Международный аэропорт Ванкувера в связи с проведением Олимпиады в 2010 году⁴.

Проект стартовал в 2003 году с объявлением торгов, в которых участвовало 10 консорциумов. Победителем стал консорциум Ин-

¹ Журавлева Н.А., Паньчев А.Ю. Финансирование проектов развития железнодорожной инфраструктуры: актуальные решения для России // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2015. № 2. С. 124 – 125.

² Грудцын Н.А. Государственно-частное партнерство при создании объектов высокоскоростного железнодорожного движения: опыт зарубежных стран // Общество. Среда. Развитие. 2016. № 2 (39). С. 7-8.

³ Коновалова А.А., Пигильдина А.П. Государственно-частное партнерство: зарубежный опыт (Канадская линия) // ЭКОНОМИКА, БИЗНЕС, ИННОВАЦИИ. Сб. статей Международной научно-практической конференции. В 2 ч. 2018. С. 64-66.

⁴ Там же.

ТранзитБС (INTransitBS), который должен был закончить строительство в рамках фиксированной стоимости и не с ответственность за любое увеличение изначально заложенного бюджета. Консорциум получал платежи после достижения определённых этапов строительства от компании ТрансЛинк и от Правительства Британской Колумбии. Эти платежи помогли консорциуму покрыть издержки и обеспечить возврат инвестиций¹.

Железнодорожная ветка была официально открыта 17 августа 2009 года, а поставленная цель – обеспечение пассажиропотока 100 000 человек в день – была достигнута в мае 2010 года. Во время Зимних Олимпийских игр в Ванкувере в феврале 2010 года в среднем 228 190 человек пользовались железной дорогой ежедневно, превышая прогнозируемые значения на 118%. Первый год эксплуатации показал, что пассажиры были довольны функционированием железнодорожной линии. В этот год проект достиг 99,99% от запланированного уровня доступности транспортной системы, 99,99% – от запланированного уровня качества подвижного состава и 99,68% – от запланированного уровня качества пассажирских станций².

Канадская Линия стала на тот момент самым масштабным ГЧП проектом в Канаде и первой скоростной железнодорожной линией, созданной в рамках ГЧП в Северной Америке. Согласно министерству транспорта и инфраструктуры Британской Колумбии, пропускная способность новой железнодорожной линии равнялась пропускной способности десяти автомобильных шоссе. Таким образом, проект Канадской Линии является прекрасным примером успешного транспортного проекта, который смог привлечь частных и институциональных инвесторов. То, что проект создавался с нуля и включал в себя стадии проектирования и строительства, делало его достаточно рискованным, но стабильная политическая и нормативная среда страны-члена ОЭСР снизила проектные риски и способствовала привлечению институциональных инвесторов. Строительный риск был снижен выбором крупного и проверенного партнёра, который получил равную долю в частном консорциуме. Инвестиционную привлекательность

¹ Там же.

² Там же.

проекту обеспечило, в том числе, и государство, которое смогло гарантировать доходность за счёт эксплуатационных платежей¹.

Если сопоставить проекты «Аэроэкспресс Пулково» и Канадскую Линию, то можно выявить схожие черты: оба проекта предусматривают проектирование и строительство новой инфраструктуры, а также железнодорожных путей, что делает их довольно рискованными. Соглашения имеют схожие сроки действия: 30 и 35 лет соответственно. Оба проекта предусматривают гарантии концессионеру со стороны концедента – эксплуатационные платежи.

Но есть и существенное различие. В проекте Канадской Линии доли участия в проекте между партнёрами были равными и предусматривали платежи концедента концессионеру после выполнения определённых соглашением этапов работ. Стоимость же доли концессионера проекта «Аэроэкспресс Пулково» составляет 15,6 миллиардов рублей, а доля концедента – 1,2 миллиарда рублей в рамках реализации проекта и автодороги у аэропорта Пулково. Стоимости проектной документации, инженерных изысканий, а также выкупной стоимости земельных участков, находящихся в частной собственности, составляли около 141 миллиона рублей, исходя из кадастровой стоимости (в совокупности чуть более 1,341 миллиарда рублей). Как видим, доли участия в проекте у партнёров различаются в 10 раз, что не может не снизить привлекательность проекта для частных инвесторов.

Пример проекта концессионного соглашения «Аэроэкспресс Пулково» показывает, насколько сложна стадия подготовки концессионного соглашения. Трудоёмкая и долговременная (проектирование, финансовое планирование, мониторинг ожидаемых результатов), она может оказаться неудачной из-за неверных расчётов одного из участников создания проекта. Высокая степень риска, связанная со строительством новых железнодорожных путей и инфраструктуры, может вынудить концедента временно отказаться от реализации проекта и заново проходить подготовительные этапы.

Сравнительный анализ проекта «Аэроэкспресс Пулково» с успешно реализованным и очень прибыльным зарубежным аналогом «Канадская Линия» выявил сходство целей, задач, сроков и гарантий

¹ Коновалова А.А., Пигильдина А.П. Государственно-частное партнерство: зарубежный опыт (Канадская линия) // ЭКОНОМИКА, БИЗНЕС, ИННОВАЦИИ. Сб. статей Международной научно-практической конференции. В 2 ч. 2018. С. 64-66.

концедента концессионеру в этих концессионных соглашениях. Он же показал основное отличие: если в соглашении «Канадской Линии» финансовые доли участников были равны, то в проекте концессионного соглашения «Аэроэкспресс Пулково» финансовое участие частного партнёра по расчётам в 10 раз должно превышать финансовое участие в проекте концедента, что обуславливает ещё большую степень риска для концессионера и без того высокорискового проекта.

Большая социальная значимость проекта, сложная подготовительная процедура, длительность подготовки и действия железнодорожного концессионного соглашения, высокая степень финансовых рисков железнодорожных концессионных проектов позволяют высказать ряд рекомендаций для их совершенствования на основе изучения исследований специалистов в этой области. В частности, Н. А. Грудцын, резюмируя зарубежный опыт, выделил особенности ГЧП при создании объектов ВСЖДД. Он отмечал также важные условия успеха железнодорожного концессионного соглашения:

- анализ географического положения и конфигурации территории, постоянный мониторинг и экспертизу проекта со стороны концедента;

- необходимость осторожности при реализации проекта (проекты ГЧП в ВСЖДД всегда социально значимы, но отдельные из них могут завершиться неудачей (при неблагоприятной конъюнктуре проект лучше закрыть или отложить, чтобы не сделать его излишне затратным для бюджета и налогоплательщиков));

- учёт комплексного характера железнодорожных соглашений (в их разработке должны участвовать разные специалисты, способные в полной мере оценить социальные, экономические, физико-географические и геополитические факторы)¹.

С этим мнением сложно не согласиться. Другие специалисты Н. А. Журавлёва и А. Ю. Паньчев обращают внимание на финансовые аспекты железнодорожных концессионных соглашений. Они пишут, что сложным и зачастую спорным аспектом концессионных соглашений является оценка конечной стоимости, то есть принцип расчёта стоимости частных инвестиций на момент завершения концессии. Если активы просто возвращаются в собственность государства после

¹ Грудцын Н.А. Государственно-частное партнерство при создании объектов высокоскоростного железнодорожного движения: опыт зарубежных стран // Общество. Среда. Развитие. 2016. № 2 (39). С. 7-8.

завершения концессионного контракта, есть вероятность, что операторы не будут заинтересованы осуществлять инвестиции в последние годы действия соглашения, фактически расходуя предыдущие инвестиции. В результате государство получает активы железной дороги в состоянии не лучше того, в котором они были переданы оператору в начале концессии, или даже в худшем, поскольку износ активов увеличился. Другим вариантом является согласие государства заплатить оператору за активы по остаточной стоимости на момент завершения концессии, что требует заблаговременного согласования метода оценки активов¹.

Приведённое выше мнение становится основанием для вывода о необходимости учёта особенностей инвестирования железнодорожных концессий и их отражения в концепциях и документах, сопровождающих соглашения. Порядок инвестирования концессионером железнодорожного проекта уже после завершения стадии строительства или модернизации, то есть на стадии эксплуатации, важно включить в концессионное соглашение для обеспечения поддержания хорошего качества инфраструктуры объекта. А недостаточный объём инвестиций на стадии эксплуатации объекта может сопровождаться риском возникновения масштабных и потенциально неуправляемых инвестиционных потребностей в будущем.

Важно так же понимать, что, если железнодорожный концессионный проект не обещает значительной прибыли, то частного инвестора может привлечь к нему только финансовая поддержка со стороны правительства, гарантии прибыльности долгосрочных инвестиций и разумности рисков. Это может быть достигнуто через выплату дивидендов либо через потенциальный прирост стоимости основного капитала, связанный с получением прав на использование земель, прилегающих к путям и станциям².

Успех потенциального железнодорожного концессионного соглашения зависит от взаимной выгоды сделки. Сделка должна быть выгодной для обеих сторон: односторонние сделки ГЧП обычно оканчиваются банкротством или выходом одной из сторон из соглашения. Статистические данные отражают серьёзный дефицит инве-

¹ Журавлева Н.А., Панычев А.Ю. Финансирование проектов развития железнодорожной инфраструктуры: актуальные решения для России // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2015. № 2. С. 130-132.

² Там же.

стирования в ГЧП в форме концессионных соглашений, что может свидетельствовать о недостаточной выгодности соглашений и высоких рисках для частных партнёров. В этом случае популяризация концессионных соглашений и их реклама государственными органами не принесёт значимых результатов до тех пор, пока не изменятся условия договора в сторону предоставления более выгодных условий концессионеру или снижения его потенциальных финансовых рисков (участие концедента в инвестировании или в рисках). И речь в данном случае идёт не просто о снижении рисков для частного инвестора, а о распределении рисков между концедентом и концессионером. Как пишут Н. А. Журавлёва и А. Ю. Панычев, в случае ГЧП государственный сектор имеет преимущество при управлении рисками, связанными с государственной политикой, а частный сектор – с коммерческими (например, привлечением клиентов). В целях успешного сотрудничества ГЧП должны делить риски таким образом, чтобы сторона, имеющая наибольшие возможности, обладала полномочиями при управлении рисками, реализующими данные возможности, что может способствовать скорейшему получению прибыли проекта¹.

На основании исследования мнений специалистов и изучения нормативной базы регулирования железнодорожных концессионных соглашений можно сделать вывод, что нормативное регулирование железнодорожных концессионных сделок в Российской Федерации осуществляется адекватно целым рядом нормативных актов и не содержит явных пробелов или коллизий. Законодательство содержит типовые формы и регулирует весь процесс подготовки, процедуры заключения, а также реализации железнодорожных концессионных соглашений, предоставляет возможности включения в соглашения любых условий, не противоречащих закону.

Совершенствование железнодорожных концессий находится не в сфере НПА, а в области самих концепций железнодорожных концессионных соглашений и иных документов, необходимых для реализации сделки. Как показывает анализ специальной литературы, успешность железнодорожных проектов зависит от учета и отражения в документах результатов анализа географического положения и конфигурации территории предполагаемого проекта, качества его постоянного мониторинга и экспертизы со стороны концедента, качества специалистов, привлеченных для оценки социальных, экономических,

¹ Там же.

физико-географических и геополитических факторов, готовности к отказу от проекта или его приостановки в случае увеличения рисков. В случае с проектом «Аэроэкспресс Пулково» противоречивый расчет специалистов ОАО «РЖД» привел к остановке уже запущенной процедуры заключения концессионного соглашения и возврату к стадии подготовки проекта.

Совершенствование железнодорожных концессионных соглашений лежит в области грамотного распределения рисков между концедентом и концессионером, обеспечения гарантий последнему со стороны концедента, адекватного сочетания долей инвестирования в зависимости от планируемой прибыльности проекта, создания более выгодных условий соглашения для частного инвестора в случае невысокой потенциальной его привлекательности. В целом, железнодорожные концессионные соглашения в РФ можно оценить как нормативно урегулированную, перспективную форму ГЧП в области железнодорожной инфраструктуры и перевозок, потенциал которой будет раскрыт в полной мере в случае высокого качества подготовки проектов и соответствия их условий конкретным обстоятельствам и ожидаемым результатам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Журавлева Н.А., Панычев А.Ю. Финансирование проектов развития железнодорожной инфраструктуры: актуальные решения для России // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2015. № 2.
2. Грудцын Н.А. Государственно-частное партнерство при создании объектов высокоскоростного железнодорожного движения: опыт зарубежных стран // Общество. Среда. Развитие. 2016. № 2 (39).
3. Коновалова А.А., Пигильдина А.П. Государственно-частное партнерство: зарубежный опыт (Канадская линия) // ЭКОНОМИКА, БИЗНЕС, ИННОВАЦИИ. Сб. статей Международной научно-практической конференции. В 2 ч. 2018.
4. Проект национального доклада о привлечении частных инвестиций в развитие инфраструктуры и применении механизмов государственно-частного партнерства в Российской Федерации + рейтинг регионов по уровню развития государственно-частного партнерства 2017–2018. Национальный центр государственно-частного партнерства. М. 2018.
5. ТОП-100 планируемых инфраструктурных проектов в субъектах Российской Федерации с использованием механизмов ГЧП

/ Проект национального доклада о привлечении частных инвестиций в развитие инфраструктуры и применении механизмов государственно-частного партнерства в Российской Федерации + рейтинг регионов по уровню развития государственно-частного партнерства 2017–2018. Национальный центр государственно-частного партнерства. М. 2018.

Мережкина Марина Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Волжского филиала Международного юридического института.
Merezhkina M. S.
candidate of law, associate Professor,
associate Professor of the Department of civil law and process
Volga branch International law Institute.

ПРАВОВОЙ ПОРЯДОК РАЗДЕЛА ИМУЩЕСТВА, НАХОДЯЩЕГОСЯ В ОБЩЕЙ ДОЛЕВОЙ СОБСТВЕННОСТИ

LEGAL PROCEDURE FOR THE DIVISION OF PROPERTY IN COMMON OWNERSHIP

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы выдела доли в праве общей долевой собственности в натуре и удовлетворения в принудительном порядке выплаты компенсации стоимости доли. Исследованы условия и препятствия для выдела доли в натуре. Проанализированы основания для отказа удовлетворения требования о принудительной выплате компенсации стоимости доли в праве общей долевой собственности. По результатам изучения материалов судебной практики сделан вывод о том, что обязать выплатить компенсацию в принудительном порядке возможно, если у собственника, помимо всех предусмотренных законом условий, имеется такая возможность.

Abstract. The article is about of allocation of shares in the right of common share ownership in kind and satisfaction of compulsory payment of compensation for the value of the share. The conditions and obstacles for the allocation of shares in nature are investigated. The reasons for refusal of satisfaction of the requirement about compulsory payment of compensation

of cost of a share in the right of the General share property are analyzed. By results of studying of materials of judicial practice it is made a conclusion that to oblige to pay compensation in a compulsory order it is possible if the owner besides all conditions provided by the law has such opportunity.

Ключевые слова: право собственности, выдел доли, компенсация.

Key words: ownership, allocation of shares, compensation.

Статья 252 Гражданского кодекса РФ позволяет участникам общей долевой собственности разделить вещь и, тем самым, прекратить право общей долевой собственности на неё. Указанная норма соответствует общим началам гражданского законодательства, закрепленным в статье 1 Гражданского кодекса РФ. При решении вопроса о разделе вещи учитываются как технические аспекты, так и правовые. Раздел вещи не должен быть законодательно запрещен, не должен причинять вреда правам и законным интересам других лиц, а также не должен привести к гибели вещи, если иное не согласовано между собственниками.

Своим соглашением стороны вправе разделить любую вещь. При рассмотрении вопроса о разделе недвижимого имущества, оценивается как физическая возможность раздела коммуникаций, земельного участка, возможный вред и опасность гибели вещи в результате выдела её части (повреждение несущих конструкций), затрагивание интересов собственников общего имущества многоквартирного дома или кредиторов одного из сособственников, так и наличие или отсутствие законодательных запретов на выдел доли (примером может служить установленный Земельным кодексом РФ минимальный размер земельного участка, который должен сохраняться при разделе).

В Гражданском кодексе РФ закреплена как норма, позволяющая обязать сособственника получить компенсацию стоимости его доли (при её незначительности, невозможности реального выдела и отсутствии существенного интереса в использовании имущества), так и норма о принудительном требовании участником долевой собственности выплаты стоимости его доли. Последняя норма применяется «с учетом закрепленного в статье 1 Гражданского кодекса Российской Федерации принципа неприкосновенности собственности и абсолютного характера этого права; по общему правилу не допускается поужение как к получению компенсации вместо выдела доли в натуре, так и к ее выплате. Пункт 3 статьи 252 Гражданского кодекса Российской Федерации предусматривает для выделяющегося собственника

право на выплату ему стоимости его доли при условии согласия на это собственников»¹. Подтверждением этому выступает судебное дело № 33-5737/2014².

Несогласие других собственников приобрести у истца его долю в праве собственности не препятствует истцу осуществить продажу принадлежащей ему доли другим лицам с соблюдением порядка, предусмотренного статьей 250 Гражданского кодекса Российской Федерации. Таким образом, удовлетворение требования о выплате стоимости доли должно основываться на учете, помимо установленных законодательно, ещё и на условиях наличия желания на её приобретение у собственников. При этом, если сам собственник заявляет иск о взыскании стоимости доли, оценка наличия существенного интереса в использовании имущества не требуется, что соответствует праву собственника на осуществление любых действий в отношении своего имущества, не противоречащих закону и не нарушающих права и охраняемых законом интересов других лиц.

Однако имеется и иная судебная практика. Так, например, истица как собственница 1/16 доли в праве общей долевой собственности обратилась в суд с иском об определении порядка пользования общим имуществом и устранения препятствий в пользовании жилым домом. Одним из ответчиков был подан встречный иск о взыскании компенсации и прекращении права общей долевой собственности на жилой дом. Ответчик ссылался на незначительность доли истца, невозможность её реального выдела и отсутствие существенного интереса в пользовании имуществом. Судом был сделан вывод о технической невозможности выдела 1/16 доли в праве собственности на жилой дом и наличии оснований для взыскания стоимости доли истицы с других участников долевой собственности с исключением ее из числа собственников спорного имущества. Поскольку встречный иск об обязанности принять компенсацию стоимости доли был подан только одним из ответчиков (сособственников), суд также посчитал, что иные собственники не желают выкупить долю, в связи с чем их преимущественное право покупки не нарушается. Поскольку между истцом и

¹ Апелляционное определение Верховного суда Чувашской Республики от 01.07.2015 по делу № 33-2701/2015 [Электронный ресурс] URL://<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOJ;n=125731>

² Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 06.06.2014 по делу № 33-5737/2014 [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOJ;n=899424#0>

ответчиком (истцом по встречному иску) было заключено мировое соглашение, суд принял отказ первоначального истца от исковых требований об определении порядка пользования общим имуществом и устранении препятствий в пользовании жилым домом и утвердил мировое соглашение о выплате компенсации стоимости доли первоначальной истице¹.

Прекращение права собственности на долю в общем имуществе происходит только после выплаты собственнику компенсации стоимости доли в полном объеме. В связи с указанием по делам такого рода стоит порекомендовать ходатайствовать о внесении на депозит суда стоимости доли от истца, который настаивает на обяывании другой стороны получать компенсацию. В противном случае решение суда будет заведомо бессрочным и неисполнимым. Возможность прекращения права собственности до получения денежной компенсации, исходя из положений п. 5 ст. 252 Гражданского кодекса РФ, не предусмотрена². В решении по такого рода делам суд указывает, что после исполнения обязанности по выплате компенсации право собственности на долю в общем имуществе прекратится, а само решение является основанием для регистрации права собственности участника, который произвел выплату компенсации стоимости доли.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Апелляционное определение Верховного суда Чувашской Республики от 01.07.2015 по делу № 33-2701/2015 [Электронный ресурс] URL://<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOJ;n=1257312#0>

2. Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 06.06.2014 по делу № 33-5737/2014 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOJ;n=899424>

3. Определение Краснооктябрьского районного суда гор. Волгограда от 07.11.2019 г по делу № 2-2695/2019// URL: <https://krokt-->

¹ Определение Краснооктябрьского районного суда гор. Волгограда от 07.11.2019 г по делу № 2-2695/2019// URL: https://krokt--vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=98861708&case_uid=22709e30-fdbb-4905-860a-c7150d6cf92b&delo_id=1540005.

² Апелляционное определение Ростовского областного суда от 12.02.2015 по делу № 33-1922/2015 [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOJ;n=112191>

vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=98861708&case_uid=22709e30-fdbb-4905-860a-c7150d6cf92b&delo_id=1540005.

4. Апелляционное определение Ростовского областного суда от 12.02.2015 по делу № 33-1922/2015 [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOJ;n=112191>

Сирик Наталия Валериевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Смоленского филиала Международного юридического
института.

Sirik N. V.
candidate of science in law,
associate Professor of civil law disciplines
Smolensk branch of International law Institute.

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОЗМЕЩЕНИЯ ПОТЕРЬ КАК НОВОГО ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

PROBLEMS OF USING LOSS COMPENSATION AS A NEW CIVIL LAW INSTITUTION

Аннотация. В статье анализируется новый для российского правопорядка правовой институт возмещения потерь, не связанных с нарушением обязательства. Указаны его основные отличия от таких смежных институтов, как «убытки» и «заверения об обстоятельствах».

Abstract. The article is devoted to the analysis of the legal institution of compensation for losses not related to the violation of the obligation, that is new for the Russian legal order. It is pointed the differences from such related institutions as losses and warranties.

Ключевые слова: индемнити, возмещение потерь, договор, убытки, ответственность, заверения об обстоятельствах.

Key words: indemnity, contract, damages, losses, representations and warranties.

В последнее время в российское гражданское законодательство всё чаще внедряются институты и нормы права, используемые за ру-

бежом. После реформы обязательственного права Федеральным законом от 08.03.2015 г. № 42-ФЗ в главу 25 Гражданского Кодекса РФ был включен новый институт – «возмещение потерь», аналог английского «indemnity». Его смысл был в том, чтобы, в первую очередь, дать возможность предпринимателям¹ в своих договорах осуществлять внутреннее страхование потерь, которые могут возникнуть у одной стороны в результате заключения, исполнения и прекращения договора, но не являются следствием нарушения договора другой стороны². Сферой применения данного института, таким образом, могут быть: налоговые претензии к покупателю, претензии третьих лиц к юридическому лицу, административные штрафы, возникновение дополнительных обязательств у компании, так называемых «золотых парашютов», возмещение судебных расходов покупателя в связи с обстоятельством возмещения, отказ в возмещении НДС, введение штрафных санкций, штрафы в связи с исполнением договора, вынужденный простой, прекращение субсидий, любые потери, которые могут быть просчитаны и определены.

Следует отметить, что судебная практика в отношении возмещения потерь весьма разнородная. Суды и бизнес с трудом осваивают новую конструкцию. Так, в ряде случаев контрагенты весьма творчески подходят к определению возмещения потерь. Неоднозначно данный термин воспринимался и судебными органами – от убытков, неустойки, платы за отказ, скидки до заранее оцененных убытков (АС СЗО от 22.05.2017 № Ф07-4208/2017; АС УО от 04.04.2018 № Ф09-1457/18; АС ВВО от 13.06.2017 № Ф01-2085/2017; АС ЗСО от 28.06.2017 № Ф04-1833/2017; АС МО от 16.05.2018 № Ф05-2752/2018).

Справедливости ради отметим, что существует и другая практика. Так, в Постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.10.2019 г. по делу № А56-71620/2018, разрешая спор между истцом и ПАО о взыскании денежной суммы, возникшей в виде раз-

¹ Отметим, что правила новой статьи также применяются в случаях, если условие о возмещении потерь предусмотрено в договоре об отчуждении акций или долей в уставном капитале хозяйственного общества, стороной которого является физическое лицо.

² Карапетов А. Г. Реформа ГК РФ в части норм договорного права после второго чтения: комментарий к основным положениям [Электронный ресурс] URL:https://zakon.ru/blog/2015/2/23/reforma_gk_rf_v_chasti_norm_dogovornogo_prava_posle_vtorogo_chteniya_kommentarij_k_osnovnym_polozhen

ницы между суммой полученной прибыли от продажи недвижимости и суммой, на которую стороны рассчитывали изначально, суд указал: обязанность компенсировать участнику сделки финансовые потери может возникнуть как из отдельного соглашения, так и по условиям корпоративного договора, одним из которых является акционерное соглашение.

Ссылаясь на Постановление ППВС от 24.03.2016 № 7, независимо от неисполнения обязательств и наличия или отсутствия причинно-следственной связи между действиями стороны и потерями, являющимися следствием наступления определенных сторонами обязательств, возмещение потерь осуществляется по правилам ст. 406.1 ГК РФ. Для удовлетворения требований необходимо, чтобы условия соглашения явно недвусмысленно свидетельствовали о том, что сторонами заключено соглашение о возмещении потерь. Поэтому целью данной статьи является разграничение категории «возмещение потерь» со смежными институтами права. Прежде всего необходимо разграничить категории убытков и возмещения потерь. Понятие убытков регламентируется ст. 15, 393 ГК РФ и является ответственностью за нарушение обязательств. При доказывании убытков необходимо установить факт нарушения договора, убытки, их размер и причинно-следственную связь.

Возмещение потерь (*indemnity*) – это соглашение сторон, обязанность возместить имущественные потери при наступлении определенных обстоятельств, которые не должны быть связаны с нарушением обязательства между сторонами договора (Ст. 406.1 ГК, пп. 15-18 ПП ВС РФ от 24.03.2016 № 7). При доказывании возмещения потерь необходимо установить наступление определенных в договоре обстоятельств, наличие потерь (доказывать убытки не нужно) и причинно-следственную связь. Заметим, что к причинно-следственной связи в случае с возмещением потерь можно отнести такие критерии, как *предвидимость обстоятельств* (Постановление АС МО от 16.04.2019 по делу № А40-181773/2017; Определение ВС РФ от 30.11.2017 по делу № 307-ЭС17-9329) и *характер обязательства* (Денежное Определение ВС РФ от 15.12.2015 по делу № 309-ЭС5-10298, от 18.12.2017 по делу № 301-ЭС17-19815 и *неденежное* Решение АС Москвы по делу № А40-22316/2017, ПП ВАС РФ от 05.03.2013 по делу № 13491/12, от 26.03.2013 по делу № 15078/12). При определении причинной связи

между обстоятельством и потерями, согласно ПП ВС №7, бремя доказывания лежит на кредиторе¹.

Как следует из вышеизложенного, и в том и в другом случаях доказывается причинно-следственная связь, однако для убытков нужно доказать связь с нарушением договора, а для возмещения потерь – связь с событием, указанным в договоре. Концептуальная разница между убытками и возмещением потерь, на наш взгляд, состоит в том, что выплата убытков является правовой санкцией за нарушение договора, а возмещение потерь – исполнением условного обязательства по договору.

Схожим с возмещением потерь является и институт заверения об обстоятельствах. Несмотря на то, что и заверения об обстоятельствах и возмещение потерь направлены на распределение рисков между контрагентами, при возмещении потерь контрагенту выплачивается сумма, оговоренная в соглашении в полном объеме, нарушение заверений лишь обязывает контрагента возместить другой стороне по ее требованию убытки, причиненные недостоверностью заверений, или уплатить предусмотренную договором неустойку. Размер компенсации обязан доказывать сам потерпевший.

Как справедливо указывается специалистами, ключевой чертой заверения является необходимость причинно-следственной связи между ложным заверением и совершением сделки, при этом заверение должно быть существенной причиной вхождения в сделку, а не одной из многих причин². Индемнити предполагает возможность требовать возмещения в силу наступления обстоятельств, оговоренных сторонами. Еще одним отличием является то, что в случае, если лицо знает о нарушении заверений до заключения договора, но, тем не менее, соглашается его заключить, оно может быть лишено права предъявления иска о возмещении вреда в связи с таким нарушением зависимости от условий договора. Однако знание о нарушении договора не лишает лицо возможности требовать возмещения вреда по ст. 406.1. о возмещении потерь. На следующее отличие в своих работах указывают А.

1 Постановление Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»[Электронный ресурс] URL: <https://www.eg-online.ru/article/362714/>

² Томашевская Ж. В. Representations, warranties и indemnities: кто есть кто в английском праве [Электронный ресурс] URL: <https://blog.pravo.ru/blog/31615.html>

Кучер, С. Будылин, О.В. Ожжало. Так, к возмещению потерь в отличие от заверения об обстоятельствах не применяются правила о митигации последствий кредитором¹. Однако не все согласны с таким выводом. Например, А. Гармаев относит митигацию потерь к дополнительным ограничениям, применяемым при определении размера возмещения².

Одним из недостатков нормы ст. 406.1 ГК РФ, на который неоднократно указывали А. Карапетов и Р. Бевзенко, является указание на размер возмещения потерь либо порядок его определения. Авторы указывают на сложности в определении размера потерь и возможность злоупотребления в виде обогащения одной из сторон³. Так, А. Карапетов отмечает: «Нигде и никто в обороте так не делает. Во всем мире indemnity – это возмещение реальных потерь «копейка в копейку», а не какая-то абстрактная величина. И статья в остальной части говорит об этом. А эта фраза про обязанность определять в соглашении размер, а не предел возмещения просто вступает в яркий диссонанс со смыслом всей статьи и здравым смыслом. Кто на себя возьмет обязанность уплачивать абстрактную сумму непонятно за что и неосновательно обогащать другое лицо?»⁴. По мнению А. Кучер такая норма «не логична и не соответствует международной практике»⁵. А.

¹ Будылин С. Л. Возмещение потерь. Как его понимают суды и что это такое на самом деле. [Электронный ресурс] URL: https://zakon.ru/blog/2018/6/5/vozmeshchenie_poter_kak_ego_ponimayut_sudy_i_chno_eto_takoe_na_samom_dele //; Кучер А. Н. Заверения об обстоятельствах и условия о возмещении потерь в новой редакции ГК РФ [Электронный ресурс] URL: https://m-logos.ru/img/Tezis_AKucher_02072015.pdf; Ожжало И.В. Понятие условия о возмещении потерь в российском и английском праве/Студенческий форум: электрон. научн. журн. 2017. № 4(4). URL: <https://nauchforum.ru/journal/stud/4/20003>.

² Гармаев А. Г. Возмещение потерь: что прописать в договоре с учетом новых позиций судов [Электронный ресурс] URL: . file: // C:/Users/User/Downloads/Prezentaciya-Vozmeshenie-potery-chno-propisaty-v-dogovore-s-uchetom-novyh-pozicij-sudov%20(2).pdf

³ Юристов нужно учить праву, а не законам. Интервью с Романом Бевзенко [Электронный ресурс] URL: <https://pravo.hse.ru/news/146886210.html>

⁴ Карапетов А. Г. Реформа ГК РФ в части норм договорного права после второго чтения: комментарий к основным положениям [Электронный ресурс] URL: <https://zakon.ru/karapetov/blogs/AmountView>

⁵ Кучер А. Н. Заверения об обстоятельствах и условия о возмещении потерь в новой редакции ГК РФ [Электронный ресурс] URL: https://m-logos.ru/img/Tezis_AKucher_02072015.pdf.

Гармаев считает, что размер, порядок, условия возмещения потерь будут ограничиваться в том же порядке, что и ответственность по убыткам при недостоверности заверений: по сумме, по сроку предъявления¹.

Рассмотрим подробнее ограничение пределов возмещения потерь².

1. Ограничение по сумме минимального размера убытков.

По статистике, минимальный размер убытков/потерь, достаточный для предъявления требований, – 0,1-1% или 500-5 млн. руб. по практике российских сделок, и до 41% по сделкам, заключающимся в США³. Например, продавец возмещает потери, если совокупный размер имущественных потерь и (или) убытков покупателя на дату предъявления соответствующего требования или нескольких требований вместе, взятых в отношении одного или нескольких связанных обстоятельств возмещения, указанных в приложении, превышает 1 млн. руб., в этом случае вся сумма (а не только величина превышения установленного предела) подлежит взысканию покупателем.

2. Ограничение по сумме требований, которые могут быть предъявлены в совокупности.

Стандартный размер процента от цены договора в России составляет от 1,6% до 3%. Для сравнения: по статистике сделок в США – 0,5-1%⁴. Например, продавец несет ответственность, если совокупный размер имущественных потерь и (или) убытков покупателя в отношении всех требований по Договору превысит сумму, равную 10 млн. рублей. В таком случае продавец будет возмещать потери в размере всех таких требований, а не только в размере суммы превышения.

¹ Гармаев А. Г. Возмещение потерь: что прописать в договоре с учетом новых позиций судов [Электронный ресурс] URL: [file:///C:/Users/User/Downloads/Prezentaciya-Vozmeshenie-potery-cto-propisaty-v-dogovore-s-uchetom-novyh-pozicij-sudov%20\(2\).pdf](file:///C:/Users/User/Downloads/Prezentaciya-Vozmeshenie-potery-cto-propisaty-v-dogovore-s-uchetom-novyh-pozicij-sudov%20(2).pdf)

² Гармаев А. Г. Возмещение потерь: что прописать в договоре с учетом новых позиций судов [Электронный ресурс] URL: [file:///C:/Users/User/Downloads/Prezentaciya-Vozmeshenie-potery-cto-propisaty-v-dogovore-s-uchetom-novyh-pozicij-sudov%20\(2\).pdf](file:///C:/Users/User/Downloads/Prezentaciya-Vozmeshenie-potery-cto-propisaty-v-dogovore-s-uchetom-novyh-pozicij-sudov%20(2).pdf)

³ SRS Acquiom 2018: [Электронный ресурс] URL: <https://www.srsacquiom.com/resources/2018-srs-acquiom-ma-deal-terms-study/>

⁴ SRS Acquiom 2018: [Электронный ресурс] URL: <https://www.srsacquiom.com/resources/2018-srs-acquiom-ma-deal-terms-study/>

3. Ограничения по сумме максимального размера убытков/потерь, которые возмещает продавец.

Стандартный размер процентов от цены договора по статистике сделок в России – от 20% до 100%. По статистике сделок в США – от 10% до 15%. Например, максимальный размер возмещения потерь продавца по Договору или в связи с ним, в том числе, по любым требованиям Покупателя не будет превышать Цену приобретения.

Одной из особенностей, отличающих институт возмещения потерь от неустойки, является невозможность уменьшения размера возмещения потерь за исключением случаев, если доказано, что сторона умышленно содействовала увеличению размера потерь. В целом для заключения соглашения о возмещении потерь сторонам обязательно нужно учитывать следующее:

- обстоятельства должны возникать при наступлении будущих обязательств (в отличие от заверений по ст. 431.2 ГК РФ, касающихся фактов прошлого или настоящего);

- обстоятельства должны быть связаны с исполнением, прекращением, предметом обязательства («привязка к базовому договору»), но не с его нарушением (ПП ВС 2016 г. № 7);

- возмещаются потери стороны обязательства другой стороной при осуществлении предпринимательской деятельности, по корпоративным договорам, договорам по отчуждению долей;

- в соглашении необходимо определить размер потерь или порядок его определения (например, все потери покупателя или их часть (ПП ВС 2016 № 7)). Должен быть определен порядок расчета. Все или часть, конкретная сумма (максимальный предел), процент от цены, сумма штрафов и др. понесены или будут с неизбежностью понесены (реальность потерь). Размер не может быть уменьшен судом;

- соглашение о потерях должно быть явным и недвусмысленным, при наличии сомнений применяются положения о нарушении обязательства (убытки и неустойка).

Подводя итог, можно отметить, что участники гражданско-правовых отношений не так часто включают в условия соглашений положения о возмещении потерь, возникших в случае наступления определенных в договоре обстоятельств. Судебная практика по вопросу возмещения потерь также еще окончательно не сформировалась. Представляется, что это явилось следствием того, что принятая редакция ст. 406.1 ГК РФ получилась не вполне однозначной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Будылин С.Л. Возмещение потерь. Как его понимают суды и что это такое на самом деле. [Электронный ресурс] URL: https://zakon.ru/blog/2018/6/5/vozmeschenie_poter_kak_ego_ponimayut_sudy_i_chno_eto_takoe_na_samom_dele.
2. Гармаев А.Г. Возмещение потерь: что прописать в договоре с учетом новых позиций судов [Электронный ресурс] URL: [file:///C:/Users/User/Downloads/Prezentaciya-Vozmeshenie-potery-chno-propisaty-v-dogovore-s-uchetom-novyh-pozicij-sudov%20\(2\).pdf](file:///C:/Users/User/Downloads/Prezentaciya-Vozmeshenie-potery-chno-propisaty-v-dogovore-s-uchetom-novyh-pozicij-sudov%20(2).pdf).
3. Карапетов А.Г. Реформа ГК РФ в части норм договорного права после второго чтения: комментарий к основным положениям [Электронный ресурс] URL: https://zakon.ru/blog/2015/2/23/reforma_gk_rf_v_chasti_norm_dogovornogo_prava_posle_vtorogo_chneniya_kommentarij_k_osnovnym_polozvornogo_prava_posle_vtorogo_chneniya_kommentarij_k_osnovnym_poloz
4. Кучер. А.Н. Заверения об обстоятельствах и условия о возмещении потерь в новой редакции ГК РФ [Электронный ресурс] URL: https://m-logos.ru/img/Tezis_AKucher_02072015.pdf.
5. Ожжало И.В. Понятие условия о возмещении потерь в российском и английском праве / Студенческий форум: электрон. научн. журн. 2017. № 4(4). [Электронный ресурс] URL: <https://nauchforum.ru/journal/stud/4/20003>
6. Томашевская Ж.В. Representations, warranties и indemnities: кто есть кто в английском праве [Электронный ресурс] URL: <https://blog.pravo.ru/blog/31615.html>
7. Юристов нужно учить праву, а не законам. Интервью с Романом Бевзенко [Электронный ресурс] URL: <https://pravo.hse.ru/news/146886210.html>.
8. SRS Acquiom 2018: [Электронный ресурс] URL: <https://www.srsacquiom.com/resources/2018-srs-acquiom-ma-deal-terms->
9. Постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»// <https://www.eg-online.ru/article/362714/>.

Чижикова Юлия Александровна,
аспирант второго года обучения
Международного юридического института.
Chizhikova Yu.A.

second-year graduate student of the International law Institute.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОГОВОРА ОБ ИПОТЕКЕ

CIVIL REGULATION OF A MORTGAGE AGREEMENT

Аннотация. Современное общество невозможно представить без такого института, как ипотека, значимость которого с каждым годом только растет. В текущих условиях именно ипотека является одним из доступных способов приобретения недвижимого имущества, несмотря на невыгодные условия и негативное отношение со стороны многих граждан. Рынок ипотеки развивается с каждым годом и, соответственно, необходимо адекватное правовое регулирование. Однако в настоящее время нельзя сказать, что гражданско-правовое регулирование идеально и лишено недостатков. В этой связи регулярно высказываются предложения о совершенствовании законодательства, часть которого будет рассмотрен в данной статье.

Annotation. It is impossible to imagine a modern society without such an institution as a mortgage, the significance of which is growing every year. In the current conditions, it is the mortgage that is one of the affordable ways to purchase real estate, despite the unfavorable conditions and the negative attitude of many citizens. The mortgage market is developing every year, and accordingly, adequate legal regulation is necessary. However, at the present time it cannot be said that civil regulation is ideal and free from flaws. In this regard, proposals are regularly made to improve legislation, a number of which will be considered in this article.

Ключевые слова: ипотека, договор об ипотеке, залог, вещные права.

Key words: mortgage, mortgage agreement, pledge, property rights.

В современной России договор об ипотеке относится к числу наиболее распространенных договоров, сейчас это также один из самых распространенных и доступных способов приобретения недвижимого имущества. Данные статистики показывают ежегодный рост

числа выданных ипотечных жилищных кредитов: если в 2016 году их число равнялось 856, 5 тысячам, в 2017 году – 1 087 тысячам, то в 2018 году – 1 471, 8 тысяч кредитов. При этом сравнение с показателями 2006 года показывает увеличение более чем в семь раз (2006 год – всего 204, 1 тысяча выданных кредитов)¹.

Несомненно, договор, занимающий столь важное место в жизни общества, должен иметь надлежащее правовое регулирование. Специальным актом, регулирующим его, является Федеральный закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)»². Однако основы гражданско-правового регулирования договора заложены и в Гражданском кодексе Российской Федерации³. Так, в положениях о необходимости государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним в п. 1 ст. 131 ГК РФ указано на необходимость государственной регистрации ипотеки. Относительно согласования и заключения договора об ипотеке применяются общие положения об участниках договора, его форме, моменте и месте заключения. Применению подлежат и общие положения гражданского законодательства о залоге, а именно – основания его возникновения, форма договора. Кроме того, в ГК РФ предусмотрено регулирование порядка обращения взыскания на недвижимость, приобретенную посредством договора об ипотеке.

Таким образом, число положений ГК РФ, посвященных договору об ипотеке (залоге недвижимости), велико. Однако в науке регулярно высказывается мысль о несовершенстве данного регулирования. Так, В.Д. Рузанова отмечает неоднозначность роли ГК РФ в регулировании рассматриваемого договора. Поскольку применение его норм как бы «разрывается» нормами Закона об ипотеке, законодателю следовало бы более четко разграничить действие правил о вещных правах

¹ Ипотечное кредитование в цифрах. Статистика выдачи ипотечных кредитов [Электронный ресурс]. URL: http://rusipoteka.ru/ipoteka_v_rossii/ipoteka_statitiska/

² Федеральный закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об ипотеке (залоге недвижимости)» / СЗ РФ. 1998. № 29. Ст. 3400; СЗ РФ. 2019. № 18. Ст. 2200. Далее – Закон об ипотеке.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019) / Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; СЗ РФ. 2019. № 29 (часть I). Ст. 3844. Далее – ГК РФ.

Закона об ипотеке и общих положений ГК о залоге¹. Недостатком является и тот факт, что основное положение относительно данного договора данное право ГК РФ не предусмотрено, а именно: ипотека до сих пор не отнесена к числу вещных прав. При этом в самом кодексе содержатся положения, из которых, в принципе, вытекает отнесение ипотеки к вещным правам. Так, в абз. 2 п. 4 ст. 334 ГК РФ указывается на применение к ипотеке положений ГК РФ о вещных правах. Однако данные изменения были внесены в ГК РФ только в 2013 году, ранее же правила о вещных правах не относились к правовому регулированию залоговых отношений.

После внесения указанных изменений в ГК РФ к ипотеке применяются положения ГК РФ о вещных правах и положения Закона об ипотеке; и только в части, не урегулированной указанными правилами и Законом об ипотеке, применяются общие положения. Л.Ф. Нетишинская делает вывод о существенном изменении правового регулирования залога недвижимого имущества ввиду прямого указания законодателя на вещный характер залога именно недвижимого имущества². Однако не все представители научного сообщества согласились с отнесением залога к категории вещных прав. К примеру, Г.А. Азорнов считает такое положение не полностью обоснованным³. И.А. Емелькина же согласна с таким положением законодательства, однако отмечает потребность создать надлежащий правовой механизм именно в разделе о вещном праве⁴.

Пока же такой механизм не создан, ввиду чего в ГК РФ сохраняется двойственное отношение к залого, которое Е.А. Суханов называет особенностью отечественного законодательства, поскольку, с одной стороны право залогодержателя – это не вещное право, т.к. базовые нормы ГК РФ о залоге расположены в разделе, посвященном

¹ Рузанова В.Д. Современные новеллы ГК РФ: влияние на системность гражданского законодательства и правоприменительную практику // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2015. Т. 11. № 3. С. 79.

² Нетишинская Л.Ф. К вопросу о правовом регулировании залога недвижимого имущества // Гражданское право. 2019. N 3. С. 29.

³ Азорнов Г.А. Вещный характер залогового права в отечественной цивилистике XIX - начала XX века // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. N 1(114). С. 74.

⁴ Емелькина И.А. Залог как обеспечительное вещное право // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 1(50). С. 86.

общей части обязательственного права; а с другой стороны – регулирование залоговых правоотношений очень похоже на регулирование, к примеру, отношений собственности, что сближает правовой режим залоговых прав с правовым режимом классических вещных прав. К числу общих свойств автор относит свойство следования залогового права за вещь, закрепление преимущества прав залогодержателя перед правами прочих кредиторов должника; право залогодержателя, владеющего заложенным имуществом, – истребовать его из чужого незаконного владения третьих лиц, включая залогодателя, а также требовать устранения любых нарушений своего права, даже не связанных с лишением его владения заложенным имуществом¹.

А.А. Маковская же отмечает, что режим ипотеки, который закреплен положениями ГК РФ и Закона об ипотеке, уже содержит целый ряд норм, характерных для регулирования вещных прав². Так, в ст. 216 ГК РФ предусмотрено положение о сохранении иных вещных прав на имущество при переходе права собственности на него к иному лицу. Относительно залога недвижимости существует аналогичное правило: переход права собственности на заложенное имущество к другому лицу вовсе не влечет за собой прекращения прав залогодержателя на это имущество. При этом Закон об ипотеке еще до внесения изменений в ГК РФ предусматривал положения о сохранении ипотеки при переходе прав на заложенное имущество другому лицу.

Еще одно правило о вещных правах лиц, которые не являются собственниками, устанавливает положение о защите их прав от нарушения любым лицом, т.е. речь пойдет о защите прав залогодержателя (права залога) от их нарушения любым лицом, в том числе, собственником заложенного имущества. Л.Ф. Нетишинская обращает внимание и на применение к залому недвижимого имущества таких важнейших правил о вещных правах, предусмотренных ГК РФ и отраженных в Законе об ипотеке, как обязанность залогодержателя по поддержанию заложенного имущества в исправном состоянии и оплате расходов по его содержанию; наложение риска случайной гибели или случайного повреждения заложенной недвижимости на залогодателя;

¹ Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 560 с.

² Маковская А.А. Незавершенная реформа норм Гражданского кодекса о вещных правах и ипотека // Закон. 2018. № 12. С. 58.

право залогодателя извлекать из заложенного недвижимого имущества плоды и доходы¹.

Однако ввиду отсутствия указания на ипотеку в перечне вещных прав, предусмотренном разделом II ГК РФ, нельзя вести речь о применении к ипотеке каких-либо действующих норм ГК РФ о вещных правах. При этом планировалось внесение изменений в ГК РФ, которые бы включили ипотеку в перечень вещных прав. Детальное регулирование ипотеки как вещного права содержалось в проекте Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации»². В раздел II ГК РФ предлагалось внести главу 20.4., посвященную ипотеке, а также сохранить положения о залоге в главе 23.

Ипотеку, наряду с уже существующими сервитут, правом оперативного управления и вводимыми проектом правом застройки, правом личного пользования, правом вещной выдачи и т.д., предлагалось отнести к ограниченным вещным правам. Р.В. Бевзенко отмечает, что при подготовке проекта поправок в положения ГК РФ о залоге поступало предложение и о перемещении всех положений, касающихся залога, из раздела об общих положениях обязательственного права в раздел, посвященный вещному праву. Но такое решительное преобразование системы ГК РФ было признано нецелесообразным ввиду скорее психологических и практических («так уже привыкли») причин, чем системных³. Авторы отмечают, что в преддверии принятия новой главы, регулирующей ипотеку, из ГК РФ были исключены все специальные положения о залоге недвижимости⁴. Но до сих пор

¹ Нетишинская Л.Ф. К вопросу о правовом регулировании залога недвижимого имущества // Гражданское право. 2019. № 3. С. 30.

² Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27.04.2012) / СПС «КонсультантПлюс».

³ Бевзенко Р.С. Борьба за залог: третий этап реформы залогового права России // Вестник гражданского права. 2015. № 2. С. 12.

⁴ Комиссарова Е.Г., Пермьяков А.В. Законодательство об ипотеке: новое и старое в реформе залогового права // Бюллетень нотариальной практики. 2015. № 4. С. 9.

положения указанного проекта в сфере регулирования вещных прав не приняты.

Однако А.А. Маковская считает, что непринятие положений проекта об ипотеке как вещном праве не влечет для участников ипотечного правоотношения существенных практических последствий, так как действующие нормы об ипотеке и о залоге уже ввели в регулирование ипотечных правоотношений правила, по сути показывающие вещный характер права залогодержателя на предмет ипотеки и дающие возможность залогодержателю применять для его защиты способы, аналогичные способам защиты, имеющимся у обладателей вещных прав¹.

В настоящее время среди тенденций залогового права отмечается резкое ослабление требований к формальному содержанию договора залога. Кроме того, в 2014 году вступили в силу изменения в ГК РФ, которые В.И. Солдатова именует изменениями концептуального характера, затронувшими практически все статьи о залоге. Автор отмечает существенное увеличение по объему параграфа, посвященного залогу². В число прочих изменений были включены положения об учете добросовестности залогодержателя, покупателя заложенного имущества и т.п. Но в качестве недостатка авторы отмечают, что данные положения включены лишь в ГК РФ и не нашли отражения в Законе об ипотеке, многие положения которого противоречат общему залоговому праву. Соответственно, возникает вопрос: как же решать такие казусы? Суть формального подхода к решению данной проблемы состоит в применении старых норм Закона об ипотеке как иных правил, установленных законом. По мнению же авторов, напротив, измененные положения ГК РФ как позже принятые должны возобладать над правилами Закона об ипотеке³. В целом же констатируется отсутствие сформированного соотношения гражданского законодательства, залогового как его части и ипотечного, относимого к специ-

¹ Маковская А.А. Незавершенная реформа норм Гражданского кодекса о вещных правах и ипотека // Закон. 2018. № 12. С. 59.

² Солдатова В.И. Новеллы ГК России о способах обеспечения исполнения обязательств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 8. С. 92 - 97.

³ Бевзенко Р.С. Борьба за залог: третий этап реформы залогового права России // Вестник гражданского права. 2015. № 2.

альному, что может повлечь значительные колебания в практике правоприменения¹.

К числу пробелов отечественного гражданского законодательства о залоге Е.А. Суханов относит отсутствие в нем положений, определяющих статус нескольких лиц (множественности лиц), участвующих со стороны залогодержателя, неясность положений об отчуждении заложенного имущества (по Закону об ипотеке возможно как признание такой сделки недействительной, так и досрочное исполнение обязательства, обеспеченного ипотекой, с обращением взыскания на предмет залога). В ГК РФ же предусмотрен только второй из указанных вариантов. В целом автор делает вывод, что залоговое право все еще не свободно от существенных недостатков и требует дальнейшей законодательной доработки и шлифовки².

В заключении можно сделать вывод, что гражданско-правовое регулирование договора об ипотеке в настоящее время включает в себя как акты общественного характера (ГК РФ), так и специальное законодательство. Однако между ними зачастую встречаются противоречия, которые законодатель пытается устранить, но они до сих пор частично присутствуют. Кроме того, несмотря на проводимые реформы и изменение положений ГК РФ о залоге, в кодексе так и не нашло отражения содержащееся в проекте изменений предложение о закреплении залога как вещного права в соответствующем разделе ГК РФ. Однако фактическое включение законодателем залога в систему вещных прав обязательно должно сопровождаться созданием надлежащего правового механизма именно в разделе о вещном праве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019) / Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; Собрание законодательства РФ. 2019. № 29 (часть I). Ст. 3844.

¹ Комиссарова Е.Г., Пермьяков А.В. Законодательство об ипотеке: новое и старое в реформе залогового права // Бюллетень нотариальной практики. 2015. № 4.

² Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017.

2. Федеральный закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об ипотеке (залоге недвижимости)» / СЗ РФ. 1998. № 29. Ст. 3400; СЗ РФ. 2019. № 18. Ст. 2200.

3. Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27.04.2012) / СПС «КонсультантПлюс».

4. Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017.

5. Азорнов Г.А. Вещный характер залогового права в отечественной цивилистике XIX - начала XX века // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 1(114).

6. Бевзенко Р.С. Борьба за залог: третий этап реформы залогового права России // Вестник гражданского права. 2015. № 2.

7. Емелькина И.А. Залог как обеспечительное вещное право // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 1(50).

8. Комиссарова Е.Г., Пермяков А.В. Законодательство об ипотеке: новое и старое в реформе залогового права // Бюллетень нотариальной практики. 2015. № 4.

9. Маковская А.А. Незавершенная реформа норм Гражданского кодекса о вещных правах и ипотека // Закон. 2018. № 12.

10. Нетишинская Л.Ф. К вопросу о правовом регулировании залога недвижимого имущества // Гражданское право. 2019. № 3.

11. Рузанова В.Д. Современные новеллы ГК РФ: влияние на системность гражданского законодательства и правоприменительную практику // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2015. Т. 11. № 3.

12. Солдатова В.И. Новеллы ГК России о способах обеспечения исполнения обязательств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 8.

13. Ипотечное кредитование в цифрах. Статистика выдачи ипотечных кредитов [Электронный ресурс]. URL: http://rusipoteka.ru/ipoteka_v_rossii/ipoteka_statitiska/

Лавицкая Марина Ивановна,
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры теории права
и сравнительного правоведения

Российского государственного гуманитарного университета.

Lavitskaya M. I.

Doctor of Historical Sciences, professor,
Professor Department of the Theory of Law and Comparative Law
Russian State University for the Humanities.

**КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ ЛИБЕРАЛЬНОГО И
ПОСТЛИБЕРАЛЬНОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА. Часть 2**

**CONFLICT PREDISPOSITION OF LIBERAL AND POST-LIBERAL
WORLD ORDER. Part 2**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности либерального и постлиберального мирового порядка, обуславливающие их конфликтность. Для этого автор анализирует специфику перехода к постбиполярной системе международных отношений и продвижения либерального порядка в её рамках, с точки зрения центропериферийного типа взаимодействия между Западом и Востоком, а затем отвечает на вопрос, как нынешний правоконсервативный поворот в странах Запада влияет на это взаимодействие. Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что в постбиполярный период построение либерального миропорядка, осуществляемое путём проекции структуры и норм западного сообщества в глобальном масштабе, стало серьёзным источником конфликтности мировой системы вследствие противоречия между императивом к вовлечению Востока, с одной стороны, и желанием не допустить размывания собственных статусных преимуществ, с другой. Правоконсервативный поворот в западных обществах не был и не мог быть направлен на преодоление данного противоречия, поскольку в международно-политическом отношении он представляет собой протест не столько против либерального миропорядка как такового, сколько против тех затрат, которых требует его поддержание, и ограниченности получаемых от него Западом выигрышей. Симбиоз различных уровней и векторов конфликтности порождает состояние структурной неустойчивости пост-

либеральной глобальной системы. Однако главным источником угрозы является не то, что государства, освободившись от институциональных и нормативных ограничений, вернуться к взаимному силовому балансированию и военно-политической конкуренции, а то, что и государства, и иные акторы окажутся не в состоянии полноценно осуществлять управленческие функции.

Abstract. The article examines features of liberal and post-liberal world order determining their conflict predisposition. To this end, the author analyzes specifics of transition to post-bipolar international system and of promoting liberal order within it through the lens of centre-periphery type of interaction between the West and the East, and then defines what impact the current “right turn” in Western states has upon this interaction. The present research led to the conclusion that construction liberal order by means of extrapolating structure and norms of Western community in global scale became a potent source of conflict predisposition of the international system in the post-bipolar period owing to controversy between an imperative towards engagement of the East, on the one hand, and an inclination not to cause an erosion of the own status benefits, on the other. “The right turn” in Western societies could not be directed and actually was not directed at overcoming this controversy since in international political aspect it represented not so much a protest against liberal order as such but rather a protest against the costs necessary for its maintenance and drop in gains it brings to the West. Symbiosis of different levels and vectors of conflicts produces a state of post-liberal global system’s structural instability. However, the main danger emanates not from the fact that without institutional and normative constrains the states would return to power balancing and military competition, but rather that neither states, nor other actors would be capable to properly execute governance functions.

Ключевые слова: либеральный миропорядок, постлиберальный миропорядок, США, конфликтогенность, Запад, Восток, постбиполярная система, вовлечение, правый поворот, силовое сдерживание.

Key words: liberal world order, post-liberal world order, the US, conflict predisposition, the West, the East, post-bipolar system, engagement, right turn, power containment.

Тем не менее, острота геэкономических противоречий на некоторое время отошла на второй план, когда на повестку дня вышли события украинского кризиса 2013-2014 годов. К моменту разгорания

этого кризиса вокруг него уже была сформирована соответствующая информационная «оболочка», представляющая ситуацию вокруг подписания сугубо технического и весьма сомнительного в содержательном отношении Соглашения об ассоциации Украины с Европейским союзом как борьбу за торжество европейских либеральных ценностей против азиатской «диктатуры». Украинский правящий класс уже не первое десятилетие прикладывал усилия для того, чтобы вписать свои внутривнутриполитические противоречия в общий контекст противостояния по линии Запад - Восток, даже если само это противостояние не имело открытых геополитических проявлений. И только на этапе 2014 года эта задача была успешно решена, не в последнюю очередь благодаря потаканию со стороны некоторых западных политических кругов.

Уже на начальной стадии украинский кризис был интерпретирован западными медийными кругами и значительной частью академического сообщества как вызов всему либеральному миропорядку. Непреодоленный до конца и порождающий латентные противоречия разрыв между политическим Западом и Востоком нашёл своё материальное и геополитическое воплощение в той форме, которая наилучшим образом подходила для обеспечения консолидации Запада вокруг защиты либерального миропорядка, не взирая на все его функциональные дефекты и политические дисбалансы. Запад намеренно возвёл региональный кризис на периферии европейского континента в ранг системного конфликта, пусть и несопоставимого по масштабам с холодной войной и не задающего структуру глобальной системы в целом, но выполняющего в отношении самого Запада те же функции, что и блоковое противостояние полвека назад – функции источника экзистенциальной угрозы, причём угрозы не только внешней, но и внутренней, задача нейтрализации которой оправдывает любые меры и действия, даже выходящие за рамки конвенциональной политической этики и правовых норм.

После периода резкой эскалации в 2014–2015 годах украинский кризис был частично стабилизирован в рамках хронически невыполняемых, но задающих определённые базовые рамки урегулирования минских соглашений. Однако системный конфликт Запада с Россией, вопреки ожиданиям оптимистов, на этом не был окончен. Наоборот, к уже сформированному образу экзистенциальной угрозы стали добавляться новые краски и сюжеты, позволяющие не ослаблять, а по ряду направлений наращивать давление и продвигать идею дальнейшей консолидации в военно-политической и других сферах. Логика гео-

экономического размежевания, обозначенная проектом ТТИП / ТТП, была усилена логикой геополитического конфликта, каким бы мнимым и искусственно сконструированным он ни был.

* * *

В такой довольно специфической и уже весьма конфликтной обстановке в 2016 году происходит два кардинальных события, символизирующий пресловутый «правый поворот» в мировой политике, – референдум в Великобритании за выход из Евросоюза и избрание Дональда Трампа президентом Соединённых Штатов. Помимо чисто символического эффекта эти события влекли за собой, как минимум, одно серьёзное последствие для либерального миропорядка – срыв проекта ТТИП / ТТП, а вместе с ним и всей попытки перезапустить модель либеральной гегемонии Запада в целом. Необходимость в подобном перезапуске стала менее очевидной на фоне импульса, приданного базовым западным институтам вследствие украинского кризиса и конфронтации с Россией. Однако те хронические проблемы и системные дефекты либерального миропорядка, которые обусловили эту необходимость на предыдущей стадии, никуда не исчезли и продолжали оказывать своё воздействие, несмотря на консолидирующий эффект новой системной конфронтации. Только определяющим на данном этапе стало не стремление удержать и укрепить этот порядок сам по себе, а стремление удержать статусные и силовые преимущества Запада в глобальной системе без обязательной опоры на либеральную модель, но и без окончательного её отбрасывания.

Степень конфликтогенности складывающегося в подобных условиях постлиберального порядка во многом объясняется спецификой так называемого «правого поворота» в США и других странах Запада, которую далеко не всегда адекватно трактуют в отечественной политологической среде. Та протестная реакция против либеральной модели, на волне которой зародился общественный запрос на право-консервативный проект в странах Запада, в конечном счёте, была направлена не против либеральной гегемонии Запада как таковой и не против её структурных дефектов и порождаемых ею разломов и конфликтов, но против затрат, которые требуются на её поддержание и которые уже не компенсируются в желаемой мере получаемыми политическими и практическими выигрышами. При этом вопрос ставится не в разрезе того, как сократить эти затраты, а как удержать доминантный статус и генерируемые им экономические и политические

выгоды. Собственно даже ведущий слоган кампании Трампа «Сделаем Америку снова великой!» иллюстрирует этот тезис.

Присущий «правому повороту» упор на идеологический консерватизм и традиционные ценности является не протестом против излишней антагонизации Востока в рамках либерального миропорядка, а, наоборот, протестом против идеи инкорпорации ценностей и уклада стран Востока в западные общества на базе идей мультикультурализма и практики привлечения мигрантов, ставших в последнее десятилетие неотъемлемым элементом либеральной идеи. Иными словами, западные консервативные круги возражают не против того, что Запад слишком агрессивно навязывает Востоку либеральную идеологию, а против того, что Восток пользуется либеральной идеологией для чрезмерного проникновения и влияния на Запад. Это касается не только культурной, но и экономической стороны вопроса: процесс децентрализации западных производств в страны Востока привёл к сокращению рабочих мест в западных странах, что породило закономерный уклон в сторону экономического национализма. Подобные тенденции, в свою очередь, создают предпосылки для повышения общественного запроса на более агрессивную внешнюю и оборонную политику, отсюда и продолжение санкционного давления и конфронтационной риторики в адрес России даже после формального прихода к власти правоконсервативных сил. По описанным причинам «правый поворот» не может привести к преодолению центропериферийного разрыва между Западом и Востоком, у него как раз больше шансов его обострить, но в то же время он потенциально несёт и риски разобщения внутри самого Запада, в том числе, вследствие подрыва некоторых компонентов либерального миропорядка.

Уже будучи у власти, администрация Трампа поставила под сомнение два ключевых компонента либерального миропорядка – экономическую глобализацию и приоритет международных институтов – а также один из центральных компонентов военно-стратегического «каркаса», унаследованного от Ялтинского-Потдамской системы, – механизм стратегической стабильности. Причём речь идёт не столько о прямом и окончательном сломе данных компонентов, сколько о формальном или неформальном одностороннем отказе от некоторых их составляющих, нередко с декларированием намерения заменить их в будущем более оптимальными конструкциями. В случае экономической глобализации это открытое игнорирование правил ВТО и переход к практике «торговых войн» и меркантильному транзакционному

подходу к решению проблемы торговых дисбалансов даже в отношениях с ближайшими союзниками. В отношении международных институтов – это селективный выход или отказ от выполнения взятых обязательств. В отношении механизма стратегической стабильности – выход из Договора РСМД и обсуждение возможности выхода или непродления Договора СНВ-3.

Подобные тенденции уже проявлялись в период президентства Дж. Буша-младшего и Б. Обамы, но при Трампе они приобрели гораздо более осязаемую форму и более ускоренные темпы развития. А самое главное – они перестали камуфлироваться какими-либо идеологическими или ценностными мотивами, как это происходило ранее. Администрация Трампа не стесняется открыто заявлять, что исходит из эгоистических меркантильных интересов, а не какой-либо идеалистической мессианской картины мира. И если предшественникам Трампа можно было вменить в вину мессианское универалистское стремление к переустройству мира в русле американских либеральных представлений, толкающее их на сомнительные авантюры и избыточное применение силы, то внешнеполитическая риторика Трампа лишена подобных сантиментов и выдержана в духе национального прагматизма с отходом от выстраивания долгосрочных стратегических отношений и нескрываемой готовностью пользоваться своими преимуществами, в том числе, доминирующим статусом в рамках либерального миропорядка для извлечения практической выгоды. Проще говоря, если раньше США продвигали свои интересы, упаковывая их в ценностную оболочку и представляя как некое общее благо если не для всего мира в целом, то, как минимум, для «сообщества прогрессивных народов», то сейчас данная оболочка во многом отброшена. Эта особенность сама по себе уже снижает значимость всего либерального идейно-ценностного и нормативного багажа как рычага влияния на другие страны, следовательно, ослабляет всю конструкцию либерального миропорядка как таковую, поскольку она во многом зиждется на утверждении примата универсальных ценностей над эгоистическими интересами.

С другой стороны, отказавшись выставлять на первый план идеалистическую аргументацию своей внешней политики, администрация Трампа не взяла на вооружение принципы *Realpolitik* в том виде, как их формулируют и продвигают ведущие представители политического реализма. Многие из них делают акцент на необходимости сократить военное присутствие за рубежом и вовлечение в дела перифе-

рийных регионов, переложив часть расходов и ответственности на региональных союзников и ограничившись так называемым «оффшорным балансированием» ради сокращения затрат¹. Администрация Трампа идёт по совершенно противоположному пути: наращивает военные расходы, увеличивает военное присутствие в зонах потенциальных или уже идущих конфликтов (правда, скорее на ситуативной, нежели на постоянной основе, как правило, в виде отправки военных кораблей США в те или иные конфликтные зоны), провоцирует всплески напряжённости в отношениях как с проблемными для американской дипломатии странами, так и с традиционными союзниками, хотя и не доводит дело до прямых столкновений. Вашингтон фактически лишает себя рычагов «мягкого» влияния на глобальную систему и вместо этого полагается исключительно на силовое давление. Но способен ли силовой потенциал США сам по себе обеспечить те преимущества, которые до недавних пор обеспечивала сложная система многосторонних и двусторонних соглашений и институтов? Однозначного ответа на этот вопрос пока нет ни у теоретиков, ни у практиков. Возможно, опыт подобного эксперимента, поставленного администрацией Трампа, позволит получить его быстрее, нежели абстрактные теоретические диспуты.

Тем не менее, подобная тактика в политике США уже привела к значительной трансформации внешнеполитического ландшафта как для стран Востока, так и для многих западных союзников США. Фактически и для первых, и для вторых существенно возрастают стимулы к политической автономизации и поиску собственных альтернативных каналов влияния, не привязанных напрямую к институтам либерального миропорядка, и сокращаются резоны соблюдать налагаемые этими институтами ограничения. Материальные и статусные преимущества, предоставляемые этими институтами, всё больше девальвируются. Аналогично сокращаются и преимущества от участия в процессах глобализации и встраивания в цепочки экономических обменов с Западом, которые поддерживали заинтересованность многих стран Востока в сохранении существующего миропорядка. На

¹ Миршаймер Дж., Уолт С. Доводы в пользу оффшорного балансирования // Россия в глобальной политике. 2016. № 5. [Электронный ресурс] URL: <https://globalaffairs.ru/number/Dovody-v-polzu-ofshornogo-balansirovaniya-18344>. Хаас Р. Чем закончится миропорядок // Россия в глобальной политике. 2019. 21 января. [Электронный ресурс] URL: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Chem-zakonchitsya-miroporjadok-19919>.

данном этапе подобная заинтересованность по большей части ещё сохраняется, равно как и западные союзники США предпочли бы удержать сложившуюся конфигурацию, какой бы асимметричной она ни была. Однако инициативы по укреплению либерального порядка без США, к примеру, те, которые Китай выдвигал в диалоге с Евросоюзом, пока тоже не находят достаточной поддержки. И это служит ещё одним подтверждением того, что разрыв между Западом и Востоком не только не преодолен, но и по-прежнему оказывает решающее влияние даже в тех ситуациях, где интересы западных и незападных стран объективно совпадают. Это же касается и России, и многочисленных попыток отечественной дипломатии доказать выгоду и насущную необходимость для европейских стран наладить эффективное сотрудничество с нашей страной хотя бы в практических сферах взаимодействия.

В целом, здесь кроется ещё один неоднозначный теоретический вопрос нашей эпохи: может ли либеральный миропорядок поддерживаться без опоры в виде единоличного гегемона в системе или без его силовой поддержки? До недавних пор негласным общим местом в западных академических дискуссиях было представление о том, что либеральный порядок возможен только в условиях монополярной «гегемонической стабильности», подавляющей импульсы к традиционному межгосударственному балансированию. И это несколько компрометировало тезис о том, что либеральная модель, основанная на добровольном вовлечении в экономические обмены и многосторонние институты, способна преобразовать международную анархическую среду в упорядоченную, рациональную, направляемую коллективной волей к общему благу практически бесконфликтную среду. Некоторые теоретики считают, что мировая система находится в стадии перехода к «постгегемоническому» принципу глобального управления¹. Но, поскольку примеров успешного построения либерального порядка в многополярных системах история пока не знает, вопрос о будущем существующего мироустройства во многом увязывается с готовностью и стремлением США выполнять функции его силовой опоры.

Как бы там ни было, чем дальше администрация Трампа отходит от вильсонской традиции либерального интернационализма и демонстрирует готовность пренебречь принципами либерального ми-

¹ Ikenberry J. The Future of Liberal World Order // Japanese Journal of Political Science. 2015. Vol. 16, No. 3. P. 452.

ропорядка, тем больше вероятность того, что другим странам придётся принять факт перехода к постлиберальной эпохе как данность и действовать, исходя из этих реалий. Это не означает автоматического возврата к тотальной «войне всех против всех» гоббсовского типа, ведь устранение формальных ограничений далеко не всегда влечёт за собой ликвидацию политических и ментальных барьеров, тех, что уже вписаны в политическую культуру и идентичность государства, в механизм принятия политических решений и общественное сознание. Но в то же время это означает, что поддержание стабильности и предотвращение повышения конфликтности глобальной системы будет всё меньше обуславливаться действием структурных факторов и всё больше – мотивацией и поведением конкретных акторов, причём не только и не столько национальных государств, а и негосударственных субъектов. И инерция институционального взаимодействия и различных «кооперативных рефлексов» не может считаться абсолютной гарантией стабилизации в условиях, когда ведущие игроки перейдут к более конфликтным шаблонам поведения.

* * *

Резюмируя проведённый анализ, следует отметить, что в постбиполярный период построение либерального миропорядка, осуществляемое путём проекции структуры и норм западного сообщества в глобальном масштабе, стало серьёзным источником конфликтности мировой системы. Это объяснялось тем, что на данный процесс возлагалось одновременно несколько плохо увязанных между собой функций: 1) утверждение идеологического консенсуса в отношении преобладания либеральной модели по итогам холодной войны; 2) закрепление статусных и политических характеристик Запада и его доминирующего положения в глобальной системе по итогам холодной войны; 3) вовлечение незападных стран, в том числе, бывших участников социалистического блока в либеральный проект как на практическом уровне, с помощью их включения в цепочки экономических и информационных обменов с Западом, так и на политическом, благодаря их подключению к базовым институтам либерального порядка.

При решении указанных задач, тем не менее, западные политические элиты исходили из не всегда чётко артикулированного, но вполне явного стремления, во-первых, удержать ментальный и политический разрыв между коллективным Западом и условным Востоком как его экзистенциальным антиподом, значимым Другим, необходимым для поддержания собственной идентичности; во-вторых, сохра-

нить в неизменном или минимально изменённом виде действующие западные институты и предоставляемые ими политические и практические преимущества и, в-третьих, использовать механизмы и институты либерального миропорядка для получения эффективных рычагов контроля над развитием незападных стран. Подобные установки сформировали базовое для постбиполярной системы противоречие между императивом к вовлечению Востока, с одной стороны, и желанием не допустить размывания собственных статусных преимуществ, с другой. Данное противоречие стало ключевым генератором конфликтогенности либерального миропорядка в первые полтора десятилетия после окончания холодной войны.

Попытки администрации Барака Обамы частично разрешить его на волне мирового финансового кризиса 2008-2009 годов сначала путём инициирования расширенного неформального объединения Большой двадцати, а затем с помощью проекта двух замкнутых на США экономических блоков – Трансатлантического и Транстихоокеанского – принесли весьма скромные результаты. И даже импульс, полученный благодаря украинскому кризису, поданному в западном политическом и академическом дискурсе как угроза всему либеральному порядку со стороны ревизионистской России, не привёл к существенным подвижкам в разрешении описанного противоречия.

Наметившийся в этот период и набравший к 2016 году немалую силу так называемый правоконсервативный поворот в западных обществах не был и не мог быть направлен на преодоление данного противоречия, поскольку его первоисточником являлась реакция на чрезмерное проникновение восточных элементов вследствие миграционных процессов и экономическую конкуренцию со стороны стран Востока. В международно-политическом отношении «правый поворот» представляет собой не столько протест против либерального миропорядка как такового, сколько протест против тех затрат, которых требует его поддержание, и ограниченности получаемых от него Западом выигрышей. Политика администрации Дональда Трампа направлена на освобождение от некоторых ограничений, налагаемых правилами либерального миропорядка и действовавшим до недавних пор механизмом контроля за вооружениями, унаследованного со времён окончания холодной войны. При этом во внешнеполитической риторике США идеологический примат нормативно-ценностной идеалистической риторики сменился акцентированием собственных эгоистических интересов страны. Но вместо сдержанности и укрепления отно-

шений с союзниками, как это рекомендуют представители реализма, нынешнее американское руководство применяет тактику наращивания военно-силового давления на потенциальных противников вплоть до провоцирования открытых кризисов и при этом не воздерживается от недружественных мер против традиционных союзников США.

Подобная тактика приводит к формированию новых геополитических и геоэкономических противоречий, не устраняя при этом те, что сформировались на предыдущем историческом этапе, а в некоторых случаях и усугубляя их. Сама по себе она ещё не означает моментального слома либерального миропорядка, но олицетворяет процесс постепенного размывания и выхолащивания его базовых дискурсивных, политических и практических опор¹. На какой стадии подобное выхолащивание приведёт к его демонтажу, пока можно только прогнозировать. Либеральный миропорядок в том виде, в каком он был сконструирован в период холодной войны в рамках западного блока и в каком продвигался как основа глобального управления, уже был источником конфликтности в мировой системе. Но его эрозия порождает ещё более серьёзные угрозы и риски, поскольку сопровождается расширением поля потенциальных конфликтов, диверсификацией их уровней и направленности. На поверхность выходят противоречия и конфликты в ещё недавно стабильных социально-политических структурах, составлявших основу либерального миропорядка, – глобальных и западных институтах, западных государствах и обществах, системах управления и даже традиционных политических партиях. Они накладываются на так и не преодоленный политический разрыв между Западом и Востоком, одним из проявлений и оправданий которого является продуцированная самим Западом искусственная конфронтация с Россией.

Симбиоз различных уровней и векторов конфликтности порождает состояние структурной неустойчивости постлиберальной глобальной системы, обусловленное, с одной стороны, природой самого либерального порядка с его ориентацией на примат международных институтов и режимов, налагающих существенные ограничения на внутреннюю и внешнюю политику государств, с другой – попытками некоторых государств Запада под влиянием «правого поворота» в общественном сознании выйти за рамки данных ограничений, и с треть-

¹ Дрезнер Д. Теперь всё по-другому. Почему внешняя политика США никогда не восстановится // Россия в глобальной политике. 2019. № 3. [Электронный ресурс] URL: <https://globalaffairs.ru/number/Teper-vse-po-drugomu-20087>.

ей – кризисом тех социально-политических структур, которые могли бы стать опорой нового миропорядка. Иными словами, источником угрозы является не то, что государства, освободившись от институциональных и нормативных ограничений, вернутся к взаимному силовому балансированию и военно-политической конкуренции, а то, что и государства, и иные акторы окажутся не в состоянии полноценно осуществлять управленческие функции. В условиях, когда механизмы системного уровня дают всё больше трещин и дальнейшая траектория мирового развития всё больше зависит от субъектного уровня, от готовности и способности ключевых акторов поддерживать существующие механизмы либо выстроить новые, выясняется, что дееспособных субъектов, готовых оказывать стабилизирующее влияние на глобальную систему, в международной политике крайне мало. Целостный постлиберальный порядок не может быть выстроен ни вокруг международных институтов, ни вокруг национальных государств, ни вокруг субнациональных и транснациональных механизмов. И это означает, что нынешнее переходное состояние глобальной системы с рядом текущих незавершённых трансформаций может продлиться неопределённо долго, пока постепенно накапливаемая конфликтность не приведёт к открытому кризису.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дрезнер Д. Теперь всё по-другому. Почему внешняя политика США никогда не восстановится // Россия в глобальной политике. 2019. № 3. [Электронный ресурс] URL: <https://globalaffairs.ru/number/Teper-vse-po-drugomu-20087>.
2. Миршаймер Дж., Уолт С. Доводы в пользу офшорного балансирования // Россия в глобальной политике. 2016. № 5. [Электронный ресурс] URL: <https://globalaffairs.ru/number/Dovody-v-polzu-ofshornogo-balansirovaniya-18344>.
3. Хаас Р. Чем закончится миропорядок // Россия в глобальной политике. 2019. 21 января. [Электронный ресурс] URL: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Chem-zakonchitsya-miroporyadok-19919>.
4. Ikenberry J. The Future of Liberal World Order // Japanese Journal of Political Science. 2015. Vol. 16, No. 3. P. 450–455.

Уголовное право

Абашина Людмила Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой уголовного права
Юридического института Орловского государственного
университета имени И.С.Тургенева.

Abashina L.A.
candidate of law, associate Professor,
head of the Department of criminal law of the Law Institute
Oryol state University named after I. S. Turgenev.

Лавицкая Марина Ивановна,
доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории
права и сравнительного правоведения
Российского государственного гуманитарного университета.

Lavitskaya M. I.
Doctor of Historical Sciences, professor,
Professor Department of the Theory of Law and Comparative Law
Russian State University for the Humanities.

Ефремова Ольга Валентиновна,
старший преподаватель кафедры теории и истории права
и государства Международного юридического института.

Efremova O.V.
senior lecturer at the Department of theory and history of law and
state of the International law Institute.

ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЛЕГАЛЬНОЙ ДЕФИНИЦИИ «ВЫМОГАТЕЛЬСТВО» В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ

PROBLEMS OF CONSTRUCTING A LEGAL DEFINITION OF EXTORTION IN DOMESTIC CRIMINAL LAW: THEORETICAL AND LEGAL APPROACHES

Аннотация. Авторы статьи, констатируя несовершенство легальной дефиниции «вымогательство» из-за избыточности описания в законе вариантов содержания вымогательственных угроз и перечис-

ления разновидностей предмета вымогательства, не считают целесообразным выделение шантажа в отдельный состав преступления и видят выход в необходимости добавления в статью 163 УК РФ примечания для описания вымогательства в уголовном законе в виде обобщенной формулы.

Abstract. The authors, noting the imperfection of the legal definition of extortion because of the redundancy of the description in the act options for the content vymogatelstva threats and enumeration of the species of the subject of extortion, I do not consider it appropriate allocation of blackmail in a separate part of the crime and see the way should be added to article 163 of the criminal code comments to describe extortion in the criminal law in the form of generalized formula.

Ключевые слова: вымогательство, шантаж, насилие, угрозы, принуждение, рэкет.

Key words: extortion, blackmail, violence, threats, coercion, racketeering.

Само семантическое наполнение дефиниции «вымогательство», если исходить из словарного толкования этого термина, предполагает возможность «добиваться получения чего-либо путем угроз, принуждения, насилия»¹. В настоящее время уголовно-правовая дефиниция «вымогательство» оказалась значительно расширена именно под влиянием правоприменительной практики, как справедливо подчеркивает Э.Ж. Чхвимиани². Тем не менее, легальное определение вымогательства, сформулированное в российском уголовном законодательстве в ст. 163 УК РФ, в актуальной редакции этой нормы подвергается критике многих исследователей, настаивающих на редакционной и/или концептуальной правке описательной диспозиции данной нормы.

Например, Р.З. Абдулгазиев предлагает следующее авторское определение диспозиции: вымогательство есть противоправное принуждение потерпевшего к безвозмездному предоставлению имущественной выгоды посредством угрозы, способной причинить суще-

¹ Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М. 1996. Т. IV, С.474.

² Чхвимиани Э.Ж. Уголовно-правовая характеристика вымогательства // Вестник КРУ МВД России. 2009. № 4. С.98.

ственный вред интересам потерпевшего или связанного с ним лица¹. Автор считает потребность в законодательном совершенствовании формулировки понятия вымогательства несоответствием правилам законодательной техники, а именно: избыточностью описания в законе вариантов содержания вымогательской угрозы, как и перечисления разновидностей предмета вымогательства. С его точки зрения, это представляется излишним, поскольку не позволяет описать вымогательство в законе в виде обобщенной формулы, в которой было бы достаточным указание на то, что угроза способна причинить существенный вред интересам потерпевшего или связанного с ним лица. С.А. Ступина тоже подчеркивает необходимость коррекции легального определения понятия «вымогательство», полагая, что способ вымогательства в дефиниции должен быть определен не через *требование*, а через *принуждение*, причём последнее может быть применено, с ее точки зрения, и к бездействию имущественного характера². Такая точка зрения не удивительна, поскольку, рассматривая смысловое наполнение термина «угроза», исследователи традиционно трактуют её дею как принуждение³, средства понуждения⁴.

С.А. Ступина, настаивая также, помимо уточнения легальной дефиниции «вымогательство», на определении понятия «шантаж», тем не менее, считает возможным его существование как разновидности вымогательства в рамках ст. 163 УК РФ, тогда как Р.С. Лечиев, тоже разделяющий идею о необходимости совершенствования понятия «шантаж», ориентируясь на опыт стран дальнего зарубежья, подчеркивает необходимость его автономного существования, т.е. пишет о придании шантажу статуса самостоятельного состава преступления с довольно широкой трактовкой его объективной стороны, что видно из сформулированного им авторского определения⁵.

¹ Абдулгазиев Р.З. Вымогательство по российскому уголовному праву: автореф. дис. ... к.ю.н. Махачкала. 2003. С.8-9.

² Ступина С.А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с вымогательством: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск. 2002. С.6.

³ Стерехов Н.В. Ответственность за угрозу по советскому уголовному праву (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... к.ю.н. Свердловск. 1972. С. 4.

⁴ Хилота В.В. Формы хищения в доктрине уголовного права: монография. М.: Юрлитинформ. 2014. С. 174.

⁵ Лечиев Р.С. Уголовная ответственность за вымогательство: сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного уголовного законодательства : дис. ... к.ю.н. Ростов н/Д, 2004. С.37.

Таким образом, в уголовно-правовой доктрине вопрос о возможности существования шантажа как отдельного самостоятельного состава преступления до настоящего времени является дискуссионным. Не может он быть однозначно решен и путем обращения к отечественному опыту уголовно-правовой регламентации вымогательства, так как были периоды, когда шантаж вообще оставался за рамками уголовно-правового регулирования (Уложение 1845 г.), признавался самостоятельным составом (Проект Уложения 1903 г., УК РСФСР 1922 года) и существовал как разновидность вымогательства, утратив самостоятельность как отдельный состав уголовно наказуемого общественно-опасного деяния (УК РСФСР 1926 года, УК РСФСР 1960 года). В таком случае есть смысл обратиться к практике правового регулирования шантажа и вымогательства в зарубежных правовых системах, анализ которых показывает, что в странах Балтии и государствах-участниках СНГ наблюдается сходное понимание шантажа как разновидности вымогательства, объединенное одной статьей уголовного законодательства, что, по нашему мнению, объясняется как общностью правовой традиции, так и влиянием уголовно-правовой доктрины, развивавшейся в качестве единой из-за совместного нахождения этих, сейчас самостоятельных, стран в составе одного государства.

Анализ, проведенный А.Д. Шишкиным, показал, что уголовное законодательство стран дальнего зарубежья в основном рассматривает их как самостоятельные составы правонарушений. Так, английское уголовное право в качестве самостоятельных рассматривает следующие составы противоправных деяний: 1) письменное или словесное требование выдачи предмета с применением насилия или угрозы; 2) принуждение к выдаче предмета или к назначению на должность посредством оглашения или угрозы оглашения письма, позорящего честь потерпевшего или третьего лица; 3) принуждение угрозой, насилием или другими в законе означенными способами к совершению или несовершению какого-либо действия¹. Вымогательство как отдельное от шантажа преступное деяние представлено в ч. 1 ст. 317

¹ Шишкин А.Д. Сравнительно-правовой анализ регулирования ответственности за вымогательство в зарубежном уголовном законодательстве // Международное уголовное право и международная юстиция. 2008. № 4. С.33.

УК Голландии¹, ст. 312-1 УК Франции², ст. 196 УК Сан-Марино³, ст. 156 УК Швейцарии⁴, ст. 249 УК Японии⁵, ст. 282 УК Польши⁶ и др. Интересно, что французское уголовное законодательство прошло определенную эволюцию: от наиболее подробного по сравнению с законодательством других государств регулирования способов совершения этого преступления и его видов (и шантаж считался одной из его разновидностей) в начале XX века до законодательного отграничения шантажа и вымогательства в настоящее время.

Изучив особенности установления ответственности за вымогательство в зарубежных странах, мы не можем однозначно установить предпочтительность конструкции объективной стороны вымогательства, исходя из анализа и зарубежного уголовного права. Полагаем, что шантаж как вид вымогательственной угрозы может существовать в отечественном уголовном законодательстве в ст. 163 УК РФ, в этой части его коррекция не требуется, как не требуется и помещение шантажа в отдельный состав преступления. Однако вызывает недоумение использование термина «шантаж» во многих статьях УК РФ (п. «г» ч. 1 ст. 127.1, ч. 1 ст. 133, ч. 1 ст. 283.1 ч. 1 ст. 302, ст. 304, ч. 2 ст. 309 УК РФ) и в конструкциях основного состава, и в качестве квалифицирующего признака без его легального семантического проявления или хотя бы определения этого понятия путем нормативного толкования. Выходом из сложившейся ситуации может стать предложение Л. Те-

¹ Уголовный кодекс Голландии/ Под ред. В. В. Волженкина. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс». 2001.

² Уголовный кодекс Франции. Принят в 1992 году; вступил в силу с 1 марта 1994 года. [Электронный ресурс] URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243018&subID=100104265,100104267,100104271,100104584#text>

³ Уголовный Кодекс Республики Сан-Марино. Принят Высшим Генеральным Советом 25 февраля 1974 года. [Электронный ресурс] URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1253084>

⁴ Уголовный кодекс Швейцарии. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002.

⁵ Уголовный кодекс Японии: Закон № 45 от 24 апреля 1907 года в редакции Закона № 91 от 12 мая 1995 года. [Электронный ресурс] URL: <http://constitutions.ru/?p=407&page=2->

⁶ Уголовный кодекс Республики Польша. Дата принятия: 01.01.1997. [Электронный ресурс] URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1246817&subID=100110056,100110058,100110097>

решенко и Д. Шебанова¹, которые полагают, что диспозиция ст. 163 УК РФ должна быть простой, а в примечании к этой норме по аналогии со ст. 158 УК РФ следует дать широкое и одновременно простое по конструкции определение вымогательства, которое охватывало бы и шантаж, с применением отсылочных норм в других статьях УК РФ, где упоминается шантаж, к статье 163 УК РФ для прояснения его значения.

Исследуя содержание легальной дефиниции «вымогательство», эти исследователи также считают, что оно далеко от совершенства: к его недостаткам в действующей редакции, с одной стороны, относятся его чрезмерная казуальность в описании предмета преступного посягательства и размытость, нечеткость объективной стороны состава преступления, а с другой стороны, невозможность охвата этим составом всех гипотетически возможных случаев вымогательства, которые могут совершаться и с помощью иных «вымогательских» угроз, нежели чем те, что упомянуты в диспозиции ст. 163 УК РФ, и перечень которых является закрытым. В сущности, они солидаризируются с С.А. Ступиной, считая, что ключевым в описании объективной стороны должно быть принуждение (вариант – понуждение), а не требование, предлагая авторское определение вымогательства: «совершенное с корыстной целью или из иной личной заинтересованности понуждение лица к соответствующему волеизъявлению в пользу виновного или третьих лиц», которое, несмотря на свою краткость и даже лапидарность, по их мнению, будет охватывать все случаи вымогательства, в том числе и те, за которые в настоящее время ответственность по ст. 163 УК РФ не наступает. В качестве такого гипотетического примера они приводят возможные противоправные действия акушерки, которая может вымогать деньги или иное имущество у роженицы или ее родственников, угрожая подменой ребенка. Однако привлечь ее к ответственности нельзя ни по ст. 163 УК РФ «Вымогательство» по причине закрытого перечня вымогательских угроз, содержащегося в этой норме, ни по ст. 153 УК РФ «Подмена ребенка» из-за того, что данный состав – материальный и не учитывает выполнение угрозы подмены в

¹ Терещенко Л.С., Шебанов Д.В. О некоторых спорных аспектах определения вымогательства // Проблемы экономики и юридической практики. 2013. №6. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-spornyh-aspektah-opredeleniya-vymogatelstva>

будущем, а запрещение применения норм УК РФ по аналогии является важнейшим принципом российского уголовного права.

Соотношение дефиниции «вымогательство» с понятием «рэкёт» среди отечественных криминологов вызывает ряд дискуссий, а в российских средствах массовой информации они и вовсе используются как синонимичные понятия, что неверно, на наш взгляд. Рэкёт, по мнению ряда исследователей (Е.В. Топильская), как термин появился в условиях недостаточной разработанности понятий, относящихся к характеристикам и специфике деятельности организованной преступности в нашей стране, для обозначения широко распространенного общественно-опасного явления в эпоху, именуемую сейчас «лихими девяностыми». Его появление связано с периодом первоначального накопления капитала, который формировался в большинстве своём незаконным образом: его сутью являлись преступные посягательства на такой теневой капитал. Они характеризовались высокой степенью латентности, что понятно, поскольку его владельцы были готовы смириться с преступной экспроприацией его части, лишь бы не иметь объяснений с правоохранительными органами об источниках его происхождения. В эту же эпоху имущественные преступления против законопослушных граждан, хотя и увеличились количественно по причинам ослабления государства вообще и правоохранительных органов, в частности, но все же контролировались и сдерживались ими гораздо эффективнее, нежели чем такие преступные посягательства, которые были названы рэкётом. В зарубежной правовой традиции рэкёт представляет собой гораздо более масштабное явление, особую разновидность (форму) организованной преступности, которая охватывает не только вымогательство, но и убийство, похищение человека, азартные игры, поджог, ограбление, взяточничество, сделки по наркотикам.

Отечественные криминологи либо полностью отождествляют эти понятия (рэкёт и вымогательство)¹, либо, как, например, Г.Н. Борзенков и солидаризировавшиеся с ним исследователи, рассматривают вымогательство как отдельный конкретный состав имущественного преступления, а рэкёт – как отдельный вид организованного вымогательства, сопрягая последний с рядом других преступных деяний,

¹ Интересно, что авторы толковых словарей, проясняя семантику этого термина, в сущности, занимают позицию первой группы исследователей, определяя денотат дефиниции «рэкёт» с помощью вымогательства.

включая коррупционные преступления. Р. Лечиев даже предлагает криминализовать рэкет самостоятельным составом преступления, отнеся к нему, в том числе, и воспрепятствование осуществлению предпринимательской и иной экономической деятельности.

Итак, легальная дефиниция «вымогательство» во многом не совершенна и не отвечает правилам законодательной техники. К недостаткам легальной дефиниции «вымогательство» относится размытость, нечеткость объективной стороны состава преступления и его чрезмерная казуальность. Тем самым нарушается принцип экономии законодательного текста в части избыточности описания в законе вариантов содержания вымогательственных угроз и перечисления разновидностей предмета вымогательства. Такое нарушение правил законодательной техники не позволяет описать вымогательство в законе в виде обобщенной формулы, в которой было бы достаточным указания на то, что угроза сможет причинить существенный вред интересам субъекта или иным связанным с ним лицам. Видится необходимым проведение ее коррекции по пути использования в ст. 163 УК РФ простой диспозиции и формирования приложения 1, где было бы лаконично описано это понятие, охватывающее и шантаж, который должен быть легально дефинирован, и иные способы принуждения преступником жертвы к выполнению своих требований, что позволит избежать проблем квалификации преступлений по ст. 163 УК РФ при наличии имплицитных угроз, а также вымогательственных угроз, оставшихся за рамками их закрытого легального перечня. Кроме того, это поможет прояснить термин «шантаж», встречающийся в тексте УК РФ, но не являющийся уголовно-правовым понятием, путем применения отсылочных норм от статей с его упоминанием к этому примечанию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Уголовный кодекс Голландии/ Под ред. В. В. Волженкина. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001.
2. Уголовный кодекс Франции. Принят в 1992 году; вступил в силу с 1 марта 1994 года. [Электронный ресурс] URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243018&subID=100104265,100104267,100104271,100104584#text>
3. Уголовный Кодекс Республики Сан-Марино. Принят Высшим Генеральным Советом 25 февраля 1974 года. [Электронный ресурс] URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1253084>

4. Уголовный кодекс Швейцарии. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс». 2002.

5. Уголовный кодекс Японии: Закон № 45 от 24 апреля 1907 года в редакции Закона № 91 от 12 мая 1995 года. [Электронный ресурс] URL: <http://constitutions.ru/?p=407&page=2>–

6. Уголовный кодекс Республики Польша. Дата принятия: 01.01.1997. [Электронный ресурс] URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1246817&subID=100110056,100110058,100110097>–

7. Стерехов Н.В. Ответственность за угрозу по советскому уголовному праву (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... к.ю.н. Свердловск. 1972.

8. Абдулгазиев Р.З. Вымогательство по российскому уголовному праву: автореф. дис. ... к.ю.н. Махачкала. 2003.

9. Лечиев Р.С. Уголовная ответственность за вымогательство: сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного уголовного законодательства : дис. ... к.ю.н. Ростов-н-Д, 2004.

10. Ступина С.А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с вымогательством: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск. 2002.

11. Терещенко Л.С., Шебанов Д.В. О некоторых спорных аспектах определения вымогательства // Проблемы экономики и юридической практики. 2013. №6. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-spornyh-aspektaopredeleniyavyumogatelstva>

12. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Сост. В. В. Виноградов и др.; Гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков. М.: Изд. центр «Терра», 1996.

13. Хилюта В.В. Формы хищения в доктрине уголовного права: монография. М.: Юрлитинформ. 2014.

14. Чхвимиани, Э.Ж. Уголовно-правовая характеристика вымогательства // Вестник КРУ МВД России. 2009. №4.

15. Шишкин А.Д. Сравнительно-правовой анализ регулирования ответственности за вымогательство в зарубежном уголовном законодательстве // Международное уголовное право и международная юстиция. 2008. №4.

Голованов Константин Викторович,
аспирант второго года обучения
Международного юридического института
Golovanov K. V.
postgraduate student 2 years of study
of the International law Institute.

ПОДДЕЛКА ИЛИ УНИЧТОЖЕНИЕ VIN-НОМЕРА ТС: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

FORGERY OR DESTRUCTION OF THE VEHICLE'S VIN NUMBER: CRIMINAL AND CRIMINOLOGICAL ASPECTS

Аннотация. В статье рассмотрен предмет преступного посягательства подделки или уничтожения идентификационного номера транспортного средства. Установлено, что законодатель не всегда последователен при определении понятия транспортного средства и в научном сообществе отсутствует общепринятое доктринальное определение. Рассмотрена необходимость создания и определена сложность точного определения вышеуказанного понятия.

Annotation. The article deals with the subject of criminal infringement of forgery or destruction of the vehicle identification number. It is established that the legislator is not always consistent in defining the concept of a vehicle and there is no generally accepted doctrinal definition in the scientific community. The necessity of creating and the complexity of the exact definition of the above concept is considered.

Ключевые слова: транспорт, транспортное средство, механическое транспортное средство, автотранспорт, предмет преступления, уголовное законодательство, уголовно-правовая характеристика, ст. 326 УК РФ.

Key words: transport, vehicle, mechanical vehicle, auto Moto transport, subject of crime, criminal law, criminal-legal characteristic, article 326 of the criminal code of the Russian Federation.

Криминалистической характеристикой преступлений является научная абстракция, отражающая механизм преступной деятельности, особая составляющая криминалистики, складывающаяся из изучения и анализа значимых элементов преступного деяния, в совокупности

составляющих систему характерных криминалистических признаков конкретного преступления. О роли и значении исследования элементов криминалистической характеристики сказано и написано немало¹ в советской и современной литературе. Достаточно точно по данному факту высказался А. Ю. Головин, отметив, что криминалистическая характеристика является закономерным естественным результатом длительного накопления, систематизации и изучения криминалистически значимых особенностей преступлений². Как известно, структурным компонентом и одним из значимых ее элементов выступает предмет преступления, который при правильном понимании способствует четкому уяснению сущности объекта преступного посягательства. Предмет преступления – это вещь, элемент материального мира, на который осуществляется воздействие в ходе совершения преступления. В данной статье речь пойдет о предмете преступления подделки или уничтожения идентификационного номера транспортного средства (ст. 326 УК РФ). Учитывая комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации, предметом преступления по данной статье являются: идентификационный номер, номер кузова, шасси, двигателя транспортного средства и его государственный регистрационный знак, а также транспортное средство с заведомо поддельными маркировочными обозначениями или с заведомо поддельным регистрационным знаком³. Но что же понимать под транспортным средством как элементом предмета преступления применительно к указанной статье? К данному комментарию относительно определения транспортного средства мы еще вернемся, но для начала необходимо общее понимание вопроса.

¹ Грибунов О. П. Обстановка совершения преступлений как ключевой элемент криминалистической характеристики преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 5-2. С. 60.

² Головин А. Ю. Проблемы и пути совершенствования методик расследования отдельных видов преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 3-2. С. 5.

³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Особенная часть. Разделы X-XII (постатейный) (том 4) (отв. ред. В. М. Лебедев). «Юрайт». 2017.

Законодатель не всегда последователен при регламентации понятий¹, это касается и определения транспортного средства. В различных источниках имеются разнообразные определения и в основном используются широкие понятия. Рассмотрим наиболее популярные из них. Так, в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 (ред. от 04.12.2018) «О Правилах дорожного движения», *транспортным средством* является устройство, предназначенное для перевозки по дорогам людей, грузов или оборудования, установленного на нем. Схожее определение имеется в Федеральном законе «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» от 25.04.2002 № 40-ФЗ (последняя редакция) и в Федеральном законе «О безопасности дорожного движения» от 10.12.1995 № 196-ФЗ (последняя редакция).

Несомненно, одно из самых объемных и информативных определений транспортного средства имеется в Федеральном законе от 09.02.2007 № 16-ФЗ «О транспортной безопасности», а основные виды транспортных средств включены в Общероссийский классификатор основных фондов ОК 013-2014². 4 августа 2019 года вступил в силу Федеральный закон от 03.08.2018 № 283-ФЗ «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», где прописано, что транспортное средство – наземное самоходное устройство категорий «L», «M», «N» на колесном ходу с мощностью двигателя (двигателей) более 4 кВт или с максимальной конструктивной скоростью более 50 км/ч, предназначенное для перевозки людей, грузов или оборудования, установленного на нем, а также прицеп (полуприцеп).

В научном сообществе (в рамках уголовно-правовой регламентации) также отсутствует общепринятое доктринальное определение транспортного средства. Данное обстоятельство связано с тем, что в пределах применения указанной правовой категории должным обра-

¹ Варданян А. В. Сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, как повод для возбуждения уголовного дела: исторические и современные проблемы его реализации // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2017. № 3 (82). С. 33.

² ОК 013-2014 (СНС 2008). Общероссийский классификатор основных фондов (принят и введен в действие Приказом Росстандарта от 12.12.2014 № 2018-ст) (ред. от 08.05.2018).

зом не уделялось внимание общим положениям. Обостряет потребность создания единого государственного доктринального и управленческого документа состояние транспортной системы России, позволяющее защищать национальные интересы и обеспечивать безопасность в области транспортной деятельности. Но, в то же время, это осложнено различными факторами: широкой номенклатурой, высоким уровнем географической и технологической доступности транспорта, большим разнообразием и интенсивным ростом используемых транспортных средств, позволяющих обеспечить удовлетворение практически всех потребностей рынков транспортных услуг.

Сложность точного определения понятия транспортных средств отмечает профессор А. И. Коробеев, указывая на определенные обстоятельства:

1) разнообразие всевозможных видов транспортных средств, которые использует человек в своей повседневной деятельности;

2) как в технической, так и юридической литературе не разработано общее понятие «транспортное средство»;

3) отличные друг от друга уголовно-правовые характеристики, охватывающие многообразные условия оценивания транспортных средств;

4) уголовная ответственность за несоблюдение требований безопасности к механическим, а в определенных случаях – немеханическим транспортным средствам¹.

Считаем, что к перечисленным обстоятельствам можно добавить еще одну важную концепцию – диверсификацию (расширение) ассортимента выпускаемых транспортных средств и переориентацию рынков сбыта.

А.И. Чучаев определяет предметом транспортных преступлений транспорт (или транспортное средство), а под транспортом он понимает двоякое определение. Во-первых, это центральная область материального производства, занимающаяся перевозкой пассажиров и грузов, во-вторых, комплекс всех типов транспортных средств, путей сообщения, сооружений и технических устройств на путях сообщения, при помощи которых обеспечивается перемещение людей и грузов различного назначения из одного пункта в другой. Автор справедливо

¹ Коробеев А. И. Транспортные преступления: монография / А. И. Коробеев. СПб. 2003. С. 37-38.

указывает, что транспортные средства, оборудование, коммуникации и т. д. выступают элементами транспорта¹.

Н. Н. Белокобыльский в рамках уголовно-правовых норм под транспортным средством понимает очень широкое определение: транспортное средство, предназначенное для перевозки/перемещения людей и груза либо для передвижения в иных целях². Определить термин – значит установить границы его применения. Но в данном случае границы не определены. Прослеживается также явное отсутствие семантического значения: не приведена конкретная классификация транспортных средств. Думается, что автор нарушает правила³ дефиниции, так как, во-первых, не соблюдена соразмерность дефидента (Dfd) и дефиниции (Dfn) (широкое определение (Dfd < Dfn); во-вторых, определение содержит круг: дефиниция определяется через дефидент, а дефидент был определен через дефиницию, то есть использована тавтология («...под транспортным средством предлагается понимать транспортное средство»).

Как верно заметил В. Д. Корма, находящееся в стадии формирования учение о транспортном средстве представляет собою целостную относительно самостоятельную систему научного знания. Законы и продвижение современного этапа криминалистики, содержание и характеристика связанных с ними преступлений, потребности следственной, оперативно-розыскной и судебной практики находят свое отражение в необходимости создания криминалистического учения о транспортном средстве. Общие положения и особенная часть как подсистема усматриваются в его содержании, составляющим звеном ко-

¹ Чучаев А. И. Транспортные преступления: понятие и признаки / Проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Сб. материалов международной научно-практической конференции. 2018. С. 151.

² Белокобыльский Н.Н. Понятие транспортного средства в уголовном праве РФ // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2012. № 4. С. 111.

³ Хитарова Е. Г. Законодательные дефиниции в правовом дискурсивно-текстовом универсуме // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 125.

того являются криминалистические учения о водном, железнодорожном, автомобильном и авиационном транспортных средствах¹.

Применительно к ст. 326 УК РФ также нет однозначной уголовно-правовой характеристики относительно определения транспортного средства. Научные дискуссии в данной сфере актуальны и по сегодняшний день. Так, А. В. Лесных предлагает следующее умозаключение: транспортное средство – механическое устройство, предназначенное для движения по дорогам общего пользования и перевозки людей, грузов или оборудования, установленного на нем (автомобиль, мотоцикл, трактор, самоходная и специальная дорожная машина, трамвай и троллейбус), максимальная конструктивная скорость которого превышает 50 км/ч, а тяговая сила создается за счет двигателя объемом 50 см³ и более или мощностью свыше 50 л. с.². А. С. Лебедев высказал мнение о необходимости дополнения ст. 326 УК РФ следующим примечанием: под транспортным средством в настоящей статье следует понимать автомототранспортные средства и другие виды самоходной техники, а также маломерные и водные суда, подлежащие государственной регистрации на территории РФ³. Первый автор не включает в определение воздушный и водный виды транспорта, а также железнодорожный подвижный состав, второй автор оставил без упоминания железнодорожный и воздушный транспорт.

А. А. Архипов же в своем диссертационном исследовании включает в определение указанные виды транспорта. Под транспортным средством он понимает любой вид транспортного средства (автомототранспорт, воздушный, водный, железнодорожный транспорт), подлежащий государственной регистрации и регистрационно-учетные

¹ Корма В. Д. Основы криминалистического учения о техногенных источниках повышенной опасности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. 2006. С. 13-14.

² Лесных А. В. Расследование подделки или уничтожения идентификационного номера транспортного средства: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар. 2001. С. 22-23.

³ Лебедев А. С. Уголовная ответственность за подделку или уничтожение идентификационного номера транспортного средства: дис. ... канд. юрид. наук. Омск. 2014. С. 67-68.

номера которого фальсифицированы¹. В какой-то мере позиция автора верна и понятна, однако полностью с ней нельзя согласиться. Прежде всего, в уголовно-правовой литературе нет общего понятия автотранспортного средства, и непонятно, что именно, применительно к ст. 326 УК РФ, автор подразумевает под автотранспортом. В любом случае, вряд ли под определение попадают трактора, самоходные машины и специальная техника.

Стоит согласиться с В. Ф. Гольчевским и Н. Ю. Жигаловым в том, что статья 326 УК РФ не отражает степень опасности общественного деяния: действия по изменению идентификационного номера на мопеде и дорогом автомобиле будут наказываться одинаково². Исходя из данного предложения, можно понять, что применительно к указанной статье мопед также подразумевается под транспортным средством, но это вызывает некоторые сомнения. Ведь если обратиться к комментарию к Уголовному кодексу Российской Федерации в ст. 326³ о понятии транспортного средства (ТС), то, рассматривая через призму действующей редакции данной статьи, предметом преступления являются автомобили, трамваи, трактора и самоходные машины, объединяющие в себе понятие «механические средства», т. е. ТС, которые приводятся в движение с помощью двигателя.

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ раскрыто понятие механического транспортного средства для статей 264 и 264.1 УК РФ – это автомобили, автобусы, троллейбусы, трамваи, мотоциклы, мопеды, квадроциклы, иные транспортные средства, на управление которыми, в соответствии с законодательством РФ о безопасности дорожного движения, предоставляется специальное право, а также трактора, самоходные дорожно-строительные и иные самоходные маши-

¹ Архипов А. А. Уголовная ответственность за преступления, связанные с фальсификацией номерных регистрационно-учетных параметров транспортных средств: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень. 2011. С. 76.

² Гольчевский В. Ф. Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений, связанных с подделкой или уничтожением идентификационного номера транспортного средства: монография / В. Ф. Гольчевский, Н. Ю. Жигалов. Иркутск. 2016. С. 7.

³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Особенная часть. Разделы X-XII (постатейный) (том 4) (отв. ред. В. М. Лебедев). «Юрайт». 2017.

ны¹. Однако в следующем абзаце комментария указано, что мопеды с максимальной конструктивной скоростью не более 50 км/ч и имеющие двигатель, не превышающий 50 см³, или электродвигатель мощностью более 0,25 кВт и менее 4 кВт, квадроциклы с аналогичными характеристиками к числу предметов преступления, предусмотренного ст. 264 УК, не относятся. Также не относятся к числу механических ТС и не являются предметом данного преступления велосипеды, имеющие электродвигатель не более 0,25 кВт и автоматически отключающийся на скорости более 25 км/ч.

Впрочем, примечание к ст. 264 УК РФ в научной литературе неоднократно осуждалось, поскольку в дефиницию латентно вводилось само определяемое понятие механических транспортных средств².

Вообще, у некоторых современных (новых) мопедов рыночная стоимость больше подержанных (старых) мотоциклов, но по своим характеристикам они не подлежат государственной регистрации и учету. Как известно, изменение маркировочных обозначений имеет цель совершения более тяжких преступлений. Изменение или уничтожение идентификационного номера на похищенном мопеде значительно упростит его эксплуатацию или сбыт (если он будет проверяться на кражу).

Мотоблок, у которого двигатель внутреннего сгорания больше объема 50 см³, но конструктивная скорость не превышает 50 км/ч, учитывая судебную практику, также к транспортному средству не относится. Суд отменил принятые по делу судебные акты о привлечении водителя транспортного средства к административной ответственности за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения и прекратил производство по делу, поскольку мотоблок не может быть признан транспортным средством³. Понятно, что мотоблок не является транспортным средством, но это не должно означать, что им можно безнаказанно управлять в состоянии опьяне-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 (ред. от 24.05.2016) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения».

² Грачева Ю. В., Коробеев А. И., Чучаев А. И. Новый вид транспортного преступления как модифицированный вариант хорошо забытого старого // Lex Russica. 2015. Т. 101. № 4. С. 73.

³ Постановление Верховного Суда РФ от 10 ноября 2016 г. № 24-АД16-4.

ния. Хотя в данном случае указанный факт не доказан, но ведь отказ от прохождения медицинского освидетельствования автоматически предопределяет наложение на лицо административной ответственности, если есть основания полагать, что у него имеются признаки опьянения.

Рассматривая данные ситуации, проявляется как бы дуализм суждений. С одной стороны, мопед и мотоблок не являются транспортными средствами. Но, с другой, применительно к ст. 326 УК РФ, учитывая общественную опасность деяния, по нашему мнению, к транспортным средствам их отнести можно. Возможно, в ближайшем будущем они будут подлежать государственной регистрации, ведь она в главной мере предназначена для обеспечения безопасного использования транспортных средств, выявления преступлений и пресечения правонарушений, а также для обнаружения признаков сокрытия, подделки, изменения, уничтожения идентификационных номеров.

Естественно, существующий плюрализм мнений имеет место быть, и каждое из определений по-своему правильно, но мы считаем, что законодатель не в полной мере отрегулировал вопросы изменения первичной идентификационной маркировки на воздушном, водном (морском, речном) и железнодорожном транспорте. В этой связи мы в большей части определения поддерживаем позицию А. С. Суворова, который, применительно к диспозиции ст. 326 УК РФ, предлагает признавать транспортным средством любое водное, воздушное или наземное механическое транспортное средство, предназначенное для перевозки пассажиров, грузов и установленного на нем оборудования, подлежащее государственной регистрации и учету, а также единицу железнодорожного подвижного состава, трактора, самоходные машины и иную специальную технику.

Но в полной мере разделить мнение с предложенной авторской концепцией все же нельзя, так как к данному определению имеются следующие замечания:

1) термин «механическое транспортное средство» полностью охватывает (распространяется) на трактора и самоходные машины и было бы целесообразно их из определения исключить;

2) в определение почему-то включено только наземное транспортное средство; а как же транспорт, предназначенный для использования исключительно под землей?

3) в предложении написано о транспортном средстве «предназначенном для перевозки пассажиров», но пассажир – это лицо, не являющееся водителем;

4) определение не включает в себя прицепы (полуприцепы, прицепы-роспуски).

Как справедливо отметили А. Ю. Головин, О.П. Грибунов и А.А. Бибииков, в ходе развития транспорта появляются многофункциональные транспортные средства, совмещающие в себе свойства как автомобильного транспорта, так и железнодорожного, водного и воздушного. Стоит согласиться с Р. С. Белкиным в том, что познавательная и коммуникативная функции должны проявляться при определении любого понятия. Следовательно, оно должно выражать определенную «порцию» знаний об объекте познания, быть однозначным и общепринятым (в идеале). Познавательная (гносеологическая) функция находит свое выражение, прежде всего, в науке, научном поиске. К сожалению, это не усматривается в вышеуказанных определениях понятия транспортного средства, применительно к ст. 326 УК РФ. Имеющиеся здесь доктринальные и нормативно-правовые проблемы могут неизбежно привести с серьезным практическим ошибкам, допускаемым участниками уголовного судопроизводства.

Итак, применительно ст. 326 УК РФ, с целью обеспечения терминологической однозначности нами предлагается немного модифицированное определение. Под транспортным средством понимается водное, воздушное или наземное (подземное) механическое транспортное средство, предназначенное для перевозки людей, животных, грузов и установленного на нем оборудования, подлежащее государственной регистрации и учету, и прицепов к ним, а также единицу железнодорожного подвижного состава, иную специальную и специализированную технику. Безусловно, применительно к данной статье интерес представляет транспортное средство с заведомо поддельными маркировочными обозначениями.

Думается, что уже назрел тот момент, когда законодатель должен обновить ст. 326 УК РФ комментарием либо разъяснить в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ понятие транспортного средства с указанием всех видов транспорта, включая водный, воздушный и железнодорожный. Ведь на многих транспортных средствах имеются маркировочные обозначения и, в какой-то мере, транспортным средством можно считать и трубопровод, и даже космический летательный аппарат. Решение данной проблемы требует принять уголов-

но-правовую норму с конкретной диспозицией, а также с единым понятийным и терминологическим аппаратом. Надеемся, что тщательное и углубленное изучение предмета преступления, предусмотренного ст. 326 УК РФ, поможет разрешить имеющиеся проблемы в правотворческой деятельности законодателя.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Грибунов О. П. Обстановка совершения преступлений как ключевой элемент криминалистической характеристики преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 5-2.

2. Головин А. Ю. Проблемы и пути совершенствования методик расследования отдельных видов преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 3-2.

3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Особенная часть. Разделы X-XII (постатейный) (том 4) (отв. ред. В. М. Лебедев). «Юрайт». 2017.

4. Варданян А. В. Сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, как повод для возбуждения уголовного дела: исторические и современные проблемы его реализации // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2017. № 3 (82).

5. ОК 013-2014 (СНС 2008). Общероссийский классификатор основных фондов (принят и введен в действие Приказом Росстандарта от 12.12.2014 № 2018-ст) (ред. от 08.05.2018).

6. Коробеев А. И. Транспортные преступления: монография / А. И. Коробеев. СПб. 2003.

7. Чучаев А. И. Транспортные преступления: понятие и признаки / Проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Сборник материалов международной научно-практической конференции. 2018.

8. Белокобыльский Н.Н. Понятие транспортного средства в уголовном праве РФ // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2012. № 4.

9. Хитарова Е. Г. Законодательные дефиниции в правовом дискурсивно-текстовом универсуме // Политематический сетевой элек-

тронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 125.

10. Корма В. Д. Основы криминалистического учения о техногенных источниках повышенной опасности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. 2006.

11. Лесных А. В. Расследование подделки или уничтожения идентификационного номера транспортного средства: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар. 2001.

12. Лебедев А. С. Уголовная ответственность за подделку или уничтожение идентификационного номера транспортного средства: дис. ... канд. юрид. наук. Омск. 2014.

13. Архипов А. А. Уголовная ответственность за преступления, связанные с фальсификацией номерных регистрационно-учетных параметров транспортных средств: дис.. канд. юрид. наук. Тюмень. 2011.

14. Гольчевский В. Ф. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений, связанных с подделкой или уничтожением идентификационного номера транспортного средства: монография / В. Ф. Гольчевский, Н. Ю. Жигалов. Иркутск. 2016.

15. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Особенная часть. Раздел IX (постатейный) (том 3) (отв. ред. В. М. Лебедев). «Юрайт». 2017.

16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 (ред. от 24.05.2016) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения».

17. Грачева Ю. В., Коробеев А. И., Чучаев А. И. Новый вид транспортного преступления как модифицированный вариант хорошо забытого старого // Lex Russica. 2015. Т. 101. № 4.

18. Постановление Верховного Суда РФ от 10 ноября 2016 г. № 24-АД16-4.

Долидзе Наталья Ивановна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Волжского филиала Международного юридического института.

Dolidze N. I.
PhD in law,
associate Professor of the Department of criminal law disciplines
Volzhsky branch of the International law Institute.

Карабинцев Вадим Юрьевич,
студент магистратуры
Международного юридического института.

Karbinci V.Yu.
master student International law Institute.

О КОРРУПЦИОННЫХ И ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ И МЕХАНИЗМЕ ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

ON CORRUPTION AND OFFICIAL CRIMES IN VOLGOGRAD REGION AND THE MECHANISM OF THEIR PREVENTION

Аннотация. В статье идет речь о коррупционных и должностных преступлениях в Волгоградском регионе, раскрыты причины и условия, порождающие данные противоправные действия, представлена авторская позиция, в которой предложен механизм предупреждения названных преступлений.

Abstract. The article refers to corruption and official crimes in the Volgograd region, discloses the causes and conditions that give rise to these illegal actions, presents the author's position, which proposes a mechanism of prevention crimes.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные и должностные преступления, преступления коррупционного характера, Волгоградская область, система противодействия коррупции, противодействие должностным и коррупционным преступлениям.

Key words: corruption, corruption and official crimes, corruption crimes, Volgograd region, anti-corruption system, counter-government and corruption crimes.

Волгоградская область находится в числе регионов, где коррупция и должностные преступления не сокращаются. Об этом свидетельствует динамика за 4 года. Информационно-статистические материалы о состоянии преступности ГУ МВД России по Волгоградской области за первый квартал 2015 года показали, что количество фактов коррупции (взяточничества) по сравнению с 2014 годом возросло на 82,1%. Всего было зафиксировано 224 эпизода, из них 80 – получение взятки и 143 – дача взятки, 8 преступлений в крупном или особо крупном размере и 1 факт посредничества во взяточничестве¹. В 2016 году в ГУ МВД России по Волгоградской области зарегистрировано 741 заявление и сообщение о совершении преступлений коррупционного характера. Сотрудниками органов внутренних дел выявлено 684 преступления коррупционной направленности, расследовано 80². В течение 2018 года ГУ МВД России по Волгоградской области было выявлено 1382 преступления экономической и коррупционной направленности, в том числе, 1052 тяжких и особо тяжких составов³.

О том, что тема борьбы с коррупцией не теряет своей остроты, свидетельствует Постановление Губернатора Волгоградской области от 11 сентября 2018 г. № 622 «Об утверждении Программы противодействия коррупции в Волгоградской области на 2018 - 2020 годы»⁴. Программа обязывает уполномоченных лиц осуществлять мероприятия, предусмотренные «Национальным планом противодействия кор-

¹ Информационно-статистические материалы о состоянии преступности и основных результатах оперативно-служебной деятельности ГУ МВД России по Волгоградской области за первый квартал 2015 года [Электронный ресурс] URL: <https://34.xn--b1aew.xn--p1ai/document/3331545>

² Егунов А. Ежегодный доклад «О противодействии коррупции в Волгоградской области в 2016 году». [Электронный ресурс] URL: <https://kletsdkdon.ru/o-protivodejstvii-korrupcii-v-volgogradskoj-oblasti-v-2016-godu/>

³ Материалы к отчету начальника ГУ МВД России по Волгоградской области генерал-лейтенанта полиции А.Н. Кравченко перед депутатами Волгоградской областной Думы о состоянии преступности и основных результатах оперативно-служебной деятельности органов и подразделений за 2018 год. [Электронный ресурс] URL: https://34.xn--b1aew.xn--p1ai/deyatelnost/Otcheti_o_rezultatah_raboti_GU_MVD/item/16140127

⁴ Нормативные правовые и иные акты в сфере противодействия коррупции. [Электронный ресурс] URL: <https://ag.volgograd.ru/about/korrup/npa.php>

рупции на 2018 - 2020 годы». В качестве приоритетных задач определено: совершенствование системы противодействия коррупции в основных коррупционно опасных сферах деятельности; совершенствование правовых основ и организационных механизмов предотвращения и выявления конфликта интересов; создание условий, затрудняющих возможность коррупционного поведения и обеспечивающих снижение уровня коррупции; активизация деятельности подразделений органов исполнительной власти, государственных органов, органов местного самоуправления по профилактике коррупционных и иных правонарушений, а также Комиссии; создание условий для сообщения гражданами информации о фактах злоупотребления должностным положением, имеющих коррупционную составляющую и иные меры¹.

Не лучшим образом обстоят дела и в отношении должностной преступности. Подтверждением данного тезиса служит статистика Управления собственной безопасности ГУ МВД по Волгоградской области, которая показывает, что за 11 месяцев 2011 года силам данной структуры выявлено свыше 50 сотрудников органов внутренних дел, совершивших должностные преступления. Только взяточников было 26 человек². В декабре 2019 года Центральный районный суд Волгограда признал виновным бывшего начальника отдела реализации арестованного, конфискованного и иного имущества, обращенного в собственность государства, территориального управления Росимущества в Волгоградской области С. Крохина в злоупотреблении должностными полномочиями (ч.1 ст. 285 УК РФ) и служебном подлоге (ч.1 ст. 292 УК РФ), назначив наказание в виде 1,5 лет лишения свободы в колонии-поселении³.

Региональный информационно-аналитический центр показал, что по итогам проверок соблюдения требований законодательства о

¹ Программа противодействия коррупции в Волгоградской области на 2018 – 2020 годы. Список изменяющих документов (в ред. постановлений Губернатора Волгоградской обл. от 18.02.2019 N 72, от 12.04.2019 N 191.

² В Волгоградской области за должностные преступления уволили более 50 полицейских. [Электронный ресурс] URL: <https://v102.ru/corruption/30763.html>

³ Экс-начальник отдела волгоградского Росимущества получил срок за должностные преступления. [Электронный ресурс] URL: <http://nvgg.ru/society/eks-nachalnik-otdela-volgogradskogo-rosimushhestva-poluchil-srok-za-dolzhnostnyie-prestupleniya/>

противодействию коррупции в 2019 году свыше 300 должностных лиц органов местного самоуправления Волгоградской области привлечены к дисциплинарной ответственности в период декларационной кампании 2019 года. Всего прокуратура внесла 353 представления¹. По сообщению пресс-службы надзорного органа, отступление от норм при заполнении справок о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера допустили 536 человек, замещающих муниципальные должности, 221 – замещающих должности муниципальной службы и 141 руководитель муниципальных учреждений². В общей сложности чиновники не указали доходы на сумму свыше 20 млн. рублей и утаили сведения о наличии в собственности более 300 объектов движимого и недвижимого имущества³.

Несмотря на ужесточение требований к должностным лицам и народным избранникам – депутатам со стороны общества и государства в Волгоградской области наблюдается устойчивая тенденция игнорирования требований закона о представлении сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера для публичного их размещения на сайтах органов местного самоуправления. За данные нарушения досрочно прекратили свои полномочия 84 должностных лица представительных органов местного самоуправления⁴.

Особый общественный резонанс в Волгоградской области получило дело экс-руководителя Волгоградского управления следственного комитета М. Музраева, которому инкриминировано превышение должностных полномочий и покушение на губернатора региона А. Бочарова. По мнению следственных органов, вышеназванный представитель правоохранительной системы с 1996 по 2007 годы курировал расследование преступлений в должности заместителя прокурора региона, затем возглавил Волгоградское следственное управление СКР. Используя свое должностное положение, он оказывал давление на чиновников, некоторых судей, работников правоохранительных органов, бизнесменов и лидеров криминальных структур. Ему удалось влиять на ход расследования уголовных дел.

¹ Шлыкова А. 300 должностных лиц наказали за декларации в Волгоградской области. [Электронный ресурс] URL: <https://riac34.ru/news/section/581/>

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Отмечая негативную тенденцию, связанную с ростом коррупционной и должностной преступности в Волгоградском регионе, можно констатировать, что перспектива изменения ситуации в регионе не близкая. Для её кардинальной трансформации необходимо решить ряд задач. На сегодняшний день по свидетельству Института региональных проблем область попала в 10 криминальных областей России. Прослеживается очевидная связь между криминальной обстановкой и социально-экономической ситуацией в регионе на фоне падающих доходов у населения, роста потребительских цен, закредитованности, безработицы, роста индекса бедности, снижения активности предпринимательства. По данным Н. Глазунова, за май 2019 года Волгоградский регион ухудшил почти все показатели и с 13-й позиции сместился на 9-е место, попав в «десятку» самых криминогенных регионов. В этой связи наблюдается отток трудоспособного населения, который по данным Росстата составил 3,3%¹.

Во-первых, коррупционные и должностные преступления в Волгоградской области имеют свою специфику, которая выражается в её повышенной латентности, так как преступления совершаются в социально значимых сферах – здравоохранении, образовании и учреждениях, оказывающих государственные услуги. Теневые отношения устраивают обе стороны: граждане не обращаются в правоохранительные органы из-за утраты к ним доверия, а взяточники используют данную ситуацию в своих корыстных целях. При этом объектом преступного посягательства являются важнейшие социальные права граждан, в том числе, право на охрану здоровья, медицинскую помощь, получение общедоступного и бесплатного образования и бесплатные государственные услуги.

Во-вторых, коррупция в социальной сфере представляет «бытовую» разновидность коррупции, где сумма взяток меньше, однако количество преступлений больше. Социальная опасность данного вида преступлений состоит в том, что в сознании обывателя данный вид коррупции воспринимается как нечто обыденное, не противозаконное, что влечет глубокую латентность этого вида преступлений. Материалы уголовных дел, возбужденных в Волгоградской области, показывают, что инициатива вступления в коррупционные отношения, как правило, исходит от взяткодателя. Безнаказанность как коррупционе-

¹ Глазунова Н. Волгоградская область попала в ТОП-10 криминогенных регионов России/ Комсомольская правда. 2019, август, 27.

ров, так и дающих взятки является важнейшим мотивирующим фактором вступления в коррупционные связи.

В-третьих, лица, совершающие коррупционные преступления в Волгоградском регионе, считают свои действия оправданными из-за: а) невысокой заработной платы, б) отсутствия социальной перспективы, в) бытовой неустроенности, г) воровства крупных федеральных чиновников из высших эшелонов власти и их безнаказанности.

В-четвертых, большинство региональных преступлений коррупционной направленности совершаются в сферах здравоохранения, образования, государственных и муниципальных структурах, где преимущественно работают женщины в возрасте от 20 до 40 лет со стажем работы от 5 до 20 лет на должностях лечащих врачей, учителей, преподавателей образовательных учреждений, а так же чиновников государственных и муниципальных структур среднего звена с доходом на одного члена семьи от 10 до 25 тысяч рублей. Этот доход не позволяет им решать элементарные бытовые задачи, не говоря о приобретении жилья. В совокупности перечисленные факторы создают благоприятную среду для совершения противоправных действий, которые, в силу специфики региональной социально-экономической ситуации, сложно решаемы.

Для снижения уровня коррупции в Волгоградской области необходимо реализовать комплекс взаимосвязанных экономических задач, связанных с увеличением заработной платы, улучшением бытовых условий, возвратом веры в социальную роль государства, а также изменением подходов к комплектации кадрами соответствующих государственных и муниципальных структур. Сделать обязательной процедуру участия общественности в процессе отбора и утверждения кандидатов на ключевые должности в силовые структуры, судебные органы, государственные и муниципальные институты с использованием современных технологий, в частности, изучением психологического портрета потенциального кандидата посредством мониторинга социальных сетей с целью выявления его негативных наклонностей.

Мероприятия антикоррупционной направленности должны проводиться против социальных коррупционеров, так как они составляют основную проблему региона. Противодействие должностным и коррупционным преступлениям должно основываться не только на использовании традиционных схем борьбы, но и активно применять арсенал цифровых технологий, позволяющих минимизировать или полностью исключить чиновника из бюрократической цепочки оказа-

ния государственных услуг гражданам и бизнесу в целом. Для этого необходимо развивать цифровые платформы наподобие госуслуг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. В Волгоградской области за должностные преступления уволили более 50 полицейских. [Электронный ресурс] URL: <https://v102.ru/corruption/30763.html>.

2. Глазунова Н. Волгоградская область попала в ТОП-10 криминогенных регионов России/Комсомольская правда.2019 август 27.

3. Егунов А. Ежегодный доклад «О противодействии коррупции в Волгоградской области в 2016 году». [Электронный ресурс] URL:<https://kletsdkon.ru/o-protivodejstvii-korrupcii-v-volgogradskoj-oblasti-v-2016-godu/>.

4. Информационно-статистические материалы о состоянии преступности и основных результатах оперативно-служебной деятельности ГУ МВД России по Волгоградской области за первый квартал 2015 года. [Электронный ресурс] URL: <https://34.xn--b1aew.xn--p1ai/document/3331545>.

5. Материалы к отчету начальника ГУ МВД России по Волгоградской области генерал-лейтенанта полиции А.Н. Кравченко перед депутатами Волгоградской областной Думы о состоянии преступности и основных результатах оперативно-служебной деятельности органов и подразделений за 2018 год. [Электронный ресурс] URL:https://34.xn--b1aew.xn--p1ai/deyatelnost/Otcheti_o_rezultatah_raboti_GU_MVD/item/16140127.

6. Нормативные правовые и иные акты в сфере противодействия коррупции. [Электронный ресурс] URL: <https://ag.volgograd.ru/about/korrupt/nra.php>.

7. Программа противодействия коррупции в Волгоградской области на 2018 – 2020 годы. Список изменяющих документов (в ред. постановлений Губернатора Волгоградской обл. от 18.02.2019 N 72, от 12.04.2019 N 191).

8. Шлыкова А. 300 должностных лиц наказали за декларации в Волгоградской области. [Электронный ресурс] URL: <https://riac34.ru/news/section/581/>.

9. Экс-начальник отдела волгоградского Росимущества получил срок за должностные преступления. [Электронный ресурс] URL: <http://nvvg.ru/society/eks-nachalnik-otdela-volgogradskogo-rosimushhestva-poluchil-srok-za-dolznozhnyie-prestupleniya/>.

Журавлев Андрей Леонардович,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории права и
государственно-правовых дисциплин
Международного юридического института.

Zhuravlev A.L.
candidate of history,
associate Professor of the Department of legal theory and
state legal disciplines
of the International law Institute.

Карабинцев Илья Вадимович,
студент магистратуры
Международного юридического института.

Karbinci K.V.
master student international law Institute.

УБИЙСТВО КАК ДЕСТРУКТИВНОЕ ЯВЛЕНИЕ (НА ПРИМЕРАХ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

MURDER AS A DESTRUCTIVE PHENOMENON (ON THE EXAMPLES OF VOLGOGRAD REGION)

Аннотация. В статье представлена авторская точка зрения о деструктивном характере убийства на примерах Волгоградской области за период 2017 – 2019 годов, предложено авторское толкование понятия «убийство», раскрыты его квалифицирующие признаки.

Abstract. The article presents the author's point of view on the destructive nature of the murder on the examples of the Volgograd region for the period 2017 - 2019, proposed the author's interpretation of the concept of "murder" and revealed its qualifying signs.

Ключевые слова: Волгоградская область, убийство, тяжкие преступления, криминологическая характеристика, опасное деяние, уголовное право, уголовное законодательство, региональная преступность.

Key words: Volgograd region, murder, serious crimes, criminological characterization, dangerous act, criminal law, criminal law, regional crime.

Совокупность правовых отношений, охраняющих жизнь человека, составляет социально-нравственную основу существования любого общества. В этой связи одной из основных задач публичной власти была и остается защита жизни и здоровья личности. Убийство является самым тяжким преступлением, поэтому исследование этого деструктивного социального явления не теряет своей актуальности на протяжении истории человечества. В законодательстве всех стран убийство признается одним из наиболее опасных деяний, что подчеркивает ценность человеческой жизни. Так как убийство характеризуется повышенной социальной опасностью, в Особенной части УК РФ отмечается значимость уголовно-правовых средств противодействия вышеназванным преступлениям.

В Волгоградской области, как и в целом по России, одним из основных приоритетов государственной политики остается охрана личности. Однако сложившаяся в последние годы обстановка свидетельствует о том, что региональная правоохранительная система не должным образом справляется с поставленной задачей. В 2018 году из зарегистрированных по Волгограду и области 38 539 преступлений было совершено 122 убийства и покушения на убийство¹. В этой связи тема профилактики данного вида преступлений остается в приоритете. Это подтверждается государственной программой Волгоградской области «Профилактика правонарушений и обеспечение общественной безопасности на территории Волгоградской области»², утвержденной в 2017 и актуализированной в 2019 году.

На совершение тяжких преступлений таких, как убийство, существенно влияют социальные факторы. Для Волгоградской области в последние два десятилетия характерна кардинальная смена социальных ориентиров, определяющих в качестве мерила жизненный успех и материальное благополучие человека. Значимая часть социума находится в состоянии постоянной депрессии. Алкоголизация и наркотизация жителей Волгоградского региона формирует негативный соци-

¹ Волгоградская область вошла в топ-20 криминальных регионов России [Электронный ресурс] URL: <https://bloknot-volgograd.ru/news/volgogradskaya-oblast-voshla-v-top-20-kriminalnykh-1071225>

² Постановление администрации Волгоградской области от 17 января 2017 года № 7-п о государственной программе Волгоградской области «Профилактика правонарушений и обеспечение общественной безопасности на территории Волгоградской области» (с изменениями на 12 августа 2019 года). [Электронный ресурс] URL: <http://docs.cntd.ru/document/444973432>

альный фон, способствующий росту убийств. Бытовое пьянство видоизменяет характер духовных и материальных потребностей человека, провоцирует пренебрежение к семье, обществу, нетерпимость и агрессивность. За два первых месяца 2018 года в Волгоградской области было убито 7 человек. В среднем – одно убийство каждые девять дней¹. В первом полугодии текущего года, согласно опубликованным данным, в Волгоградской области совершено 19 308 преступлений. Из них пятая часть (3 833) относится к категории тяжких и особо тяжких: это убийства, изнасилования, грабежи и разбои².

По свидетельству специалистов в Волгоградской области наиболее распространенным мотивом убийств является корыстная цель и неприязненные отношения. Из корыстных побуждений происходит около 10% убийств, при этом значительная часть совершается в сфере организованной преступности. Отмечается, что в первом полугодии 2019 года на 4,3% сократилось количество зарегистрированных убийств по сравнению с 2018 годом (с 69 до 66 преступлений). Прослеживается также позитивная динамика снижения на 17,6% преступлений умышленного причинения тяжкого вреда здоровью со смертельным исходом (с 34 до 28 преступлений)³. Статистика свидетельствует, что убийств в первой половине 2019 года стало меньше, однако в цифрах этот показатель все равно устрашающий – 66 преступлений. И нет гарантий, что их количество до конца 2019 года не превзойдет прошлогодний показатель.

Содержание понятия «убийство» законодатель раскрывает в ч. 1 ст. 105 УК РФ как умышленное причинение смерти другому человеку, тем самым, определяя основные признаки этого вида преступлений. Убийство лишает человека самого ценного блага – жизни, вызывая последствия, которые ничем не могут компенсироваться. Этот фактор указывает на безысходность случившегося. Именно поэтому состав

¹ В Волгограде убийства происходят раз в девять дней [Электронный ресурс] URL: <https://bloknot-volgograd.ru/news/v-volgograde-ubiystva-proisikhodyat-raz-v-devyat-dn-965021>

² ГУ МВД: в Волгоградской области пятая часть всех преступлений относится к тяжким. [Электронный ресурс] URL: <https://volgograd.bezformata.com/>

³ Меньше убивают, больше насилуют: следователи раскрыли статистику преступлений за минувшие полгода. [Электронный ресурс] URL: <https://v1.ru/text/criminal/66174349/>

убийства внесен в Особенную часть УК РФ как состав самого опасного вида преступления.

Несмотря на то, что понятие «убийство» вошло в научный оборот и большинством исследователей воспринимается в трактовке ст. 105 УК РФ, в научной и учебной литературе можно найти материалы дискуссионного содержания, в которых ставится под сомнение правильность толкования законодателем понятия «убийство»¹. Так, например, еще в советскую эпоху М.Д. Шаргородский высказывал сомнение в правильности определения смысла понятия «убийство». Ученый полагал, что убийством можно называть лишь умышленное причинение смерти другому человеку. По его мнению, неосторожное лишения жизни – это надуманная фраза, скорее алогизм. Аргументируя свою позицию, автор саркастически замечал, что «неосторожно убить» так же нелепо, как и «неосторожно поджечь»².

В понимании С.В. Бородина убийство – это предусмотренное Особенной частью Уголовного кодекса виновное деяние, посягающее на жизнь другого человека и причиняющее ему смерть. По мнению ученого, в его формулировке есть ключевая основа, выражающая содержание определения, а именно: отсылка к уголовному кодексу, предусматривающему уголовную ответственность за убийство. Полагаем, что автор дефиниции в какой-то степени прав. Дополнение понятия ссылкой на уголовную ответственность решает две задачи. Первая показывает степень опасности данного вида преступлений, вторая конкретизирует, что данное преступление имеет насильственный характер.

Иное понимание сущности и содержания понятия «убийство» предложил авторский коллектив из Санкт-Петербурга. В их толковании «убийство – это противоправное, умышленное или неосторожное лишение жизни другого человека, если лишение жизни является единственным обязательным последствием в соответствующем составе

¹Коржанский Н. И. Квалификация преступлений против личности и собственности граждан. Волгоград. 1984, С.3; Ветров Н. И. Уголовное право. Особенная часть: Учебник. М. 2000. С. 22; Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник для юрид. вузов/Под ред. Б. Здравомыслова. М. 2001. С. 32; Уголовное право. Особенная часть: Учебник для вузов/ Под ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамовой, Г. П. Новосёлова. М. 1998. С.35.

² Шаргородский М. Д. Преступления против жизни и здоровья. М. 1948. С. 38.

преступления»¹. По нашему мнению, выше приведенное определение не четко выражает степень общественной опасности данного преступления.

В.И. Кузнецов в своей статье выразил несогласие с принятым в уголовном праве толкованием понятия «убийство». Он аргументировал свою позицию тем, что «само по себе законодательное (легальное) определение убийства ещё не позволяет в полной мере разграничить данное деяние со схожими преступлениями как более, так и менее опасными, и потому имеется насущная необходимость ввести в научный и практический оборот ещё одно, доктринальное, определение убийства, которое не противоречило бы легальному, а дополняло его, конкретизировало и помогало решить сложнейшие проблемы квалификации насильственных посягательств»². По его мнению, убийство – это общественно опасное противоправное умышленное причинение смерти другому человеку, когда оно не направлено одновременно на иное охраняемое уголовным законом общественное отношение³.

Мы частично солидарны с последним автором, однако считаем, что в современном контексте событий целесообразно актуализировать данное понятие в следующей редакции: убийство – умышленное общественно опасное деяние, направленное на причинение смерти человеку, являющееся основанием для применения уголовного наказания. Наш вариант толкования понятия позволяет раскрыть три существенных элемента: а) указать на общественную опасность деяния; б) констатировать финал деяния – причинение смерти человеку; в) выразить крайнюю степень деструктивности деяния, которое должно быть уголовно наказуемо.

Убийство по составу преступления представляет собой совокупность объективных и субъективных признаков, закреплённых в уголовном законе, которые в сумме определяют общественно опасное деяние – преступление. В уголовно-правовом толковании жизнь – это состояние человека после его рождения и до смерти. Российский законодатель определил момент начала жизни человека в приказе Минздрава и Постановлении Государственного комитета по статистике от 4 декабря 1992 г. «О переходе на рекомендованные Всемирной орга-

¹ Уголовное право. Особенная часть: Учебник. В 2 ч. Ч. 1/ Под ред. Н.А. Беляева, В.В. Орехова, Д.П. Водяникова. СПб. 1995. С. 84.

² Кузнецов В.И. Понятие убийства в российском уголовном праве//Сибирский юридический вестник. 2003. №4 С.41.

³ Там же.

низацией здравоохранения критерии живорождения и мертворождения» и инструкции «Об определении критериев живорождения и мертворождения, перинатального периода», которые констатируют, что «живорождением является полное изгнание или извлечение продукта зачатия из организма матери вне зависимости от продолжительности беременности, причем плод после такого отделения дышит и проявляет другие признаки жизни, такие как сердцебиение, пульсация пуповины или произвольное движение мускулов, независимо от того, перевязана ли пуповина и отделилась ли плацента»¹.

Из положений названной инструкции следует, что начальным моментом жизни человека считается момент, когда фиксируется полное изгнание или извлечение продукта зачатия из организма беременной, то есть когда плод отделился от матки роженицы за исключением пуповины, которая не перевязана, и у плода имеется дыхание, сердцебиение, пульсация пуповины или произвольное движение мускулатуры. При наличии указанных признаков младенец признается живорожденным.

Только с принятием Закона РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» момент смерти специалисты начали увязывать с констатацией необратимой гибели всего головного мозга. Как свидетельствуют исследователи, в уголовном праве смерть – это один из признаков убийства. Однако не любая смерть человека, а только насильственная может свидетельствовать о том, что произошло убийство.

Помимо насильственной смерти существуют и иные признаки. Например, противоправность. Данный признак свидетельствует о том, что закон не предоставлял право виновному совершать действия, лишающие жизни другого человека. Виновный в убийстве не находился в состоянии необходимой обороны в соответствии с ч. 1 ст. 37 УК, не выполнял законом определенные охранительные функции, позволяющие ему лишать жизни лицо, посягающее на охраняемый объект. Признак противоправности означает, что лишение жизни прямо

¹ Приказ Минздрава РФ N 318, Постановление Госкомстата РФ N 190 от 04.12.1992 «О переходе на рекомендованные Всемирной организацией здравоохранения критерии живорождения и мертворождения» (вместе с «Инструкцией об определении критериев живорождения, мертворождения, перинатального периода») [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MED&n=1971#0864332402526909>

предусмотрено в законе как преступление. Неосторожные действия, приведшие к смерти потерпевшего, а также доведение до самоубийства не отнесены законом к убийствам (ст. 109, 110 УК). Как правило, убийство связано с активными действиями. В случае совершения убийства путем бездействия, уголовная ответственность наступит при наличии объективных и субъективных предпосылок. Отсутствие одной из них исключает уголовную ответственность. Так как объектом преступления являются общественные отношения, необходимо учитывать, что уголовный закон охраняет все составные их элементы, а именно: субъектов и их социальные связи. Совершая убийство, виновный непосредственно посягает на жизнь другого человека. Жизнь другого человека и является непосредственным объектом убийства.

В отечественном уголовном праве принято выделять *квалифицирующие признаки, характеризующие объект*: убийство двух или более лиц (п. «а»); лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга (п. «б»); малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии (п. «в»); женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (п. «г»). *Квалифицирующие признаки, характеризующие объективную сторону*: убийство, сопряженное с похищением человека (п. «в»); совершенное с особой жестокостью (п. «д»); совершенное общеопасным способом (п. «е»); сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом (п. «з»); сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера (п. «к»).

Квалифицирующие признаки, характеризующие субъективную сторону: убийство по мотиву кровной мести (п. «1»); из корыстных побуждений или по найму (п. «з»); из хулиганских побуждений (п. «и»); с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение (п. «к»); по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (п. «л»); в целях использования органов или тканей потерпевшего (п. «м»). *Квалифицирующие признаки, характеризующие субъекта убийства*: совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. «ж»).

В случаях, когда убийство совершается при наличии нескольких квалифицирующих признаков, предусмотренных разными пунктами ч. 2 ст. 105 УК, содеянное должно квалифицироваться по всем этим

пунктам. Наказание в таких случаях по каждому пункту отдельно не назначается, однако при избрании его суд должен учитывать наличие нескольких квалифицирующих обстоятельств. При конкуренции норм ч. 2 ст. 105 УК не может применяться, когда убийству сопутствуют одновременно и усиливающие (квалифицирующие), и снижающие опасность обстоятельства, предусмотренные ст. ст. 106 - 108 УК. Предпочтение в этом случае отдается последним.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что убийства в Волгоградской области совершаются по ряду причин, одной из них является негативное социально-экономическое положение региона, низкий уровень качества жизни граждан, отсутствие перспективы у молодежи в связи с безработицей, недостаточный уровень профилактики преступлений и неэффективная деятельность правоохранительной системы в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Волгоградская область вошла в топ-20 криминальных регионов России [Электронный ресурс] URL: <https://bloknot-volgograd.ru/news/volgogradskaya-oblast-voshla-v-top-20-kriminalnykh-1071225>.
2. В Волгограде убийства происходят раз в девять дней [Электронный ресурс] URL: <https://bloknot-volgograd.ru/news/v-volgograde-ubiystva-proiskhodyat-raz-v-devyat-dn-965021>.
3. ГУ МВД: в Волгоградской области пятая часть всех преступлений относится к тяжким. [Электронный ресурс] URL: <https://volgograd.bezformata.com/>
4. Меньше убивают, больше насилуют: следователи раскрыли статистику преступлений за минувшие полгода. [Электронный ресурс] URL: <https://v1.ru/text/criminal/66174349/>.
5. Коржанский Н. И. Квалификация преступлений против личности и собственности граждан. Волгоград. 1984.
6. Ветров Н. И. Уголовное право. Особенная часть: Учебник. М. 2000.
7. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник для юрид. вузов/Под ред. Б. Здравомыслова. М. 2001.
8. Уголовное право. Особенная часть: Учебник для вузов/ Под ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамовой, Г. П. Новосёлова. М. 1998.

9. Шаргородский М. Д. Преступления против жизни и здоровья. М. 1948.

10. Уголовное право. Особенная часть: Учебник. В 2 ч. Ч. 1/ Под ред. Н.А. Беляева, В.В. Орехова, Д.П. Водяникова. СПб. 1995.

11. Кузнецов В.И. Понятие убийства в российском уголовном Праве // Сибирский юридический вестник. 2003. №4.

12. Приказ Минздрава РФ N 318, Постановление Госкомстата РФ N 190 от 04.12.1992 «О переходе на рекомендованные Всемирной организацией здравоохранения критерии живорождения и мертворождения» [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MED&n=1971#0864332402526909>.

13. Постановление администрация волгоградской области от 17 января 2017 года № 7-п о государственной программе Волгоградской области «Профилактика правонарушений и обеспечение общественной безопасности на территории Волгоградской области» (с изменениями на 12 августа 2019 года). [Электронный ресурс] URL: <http://docs.cntd.ru/document/444973432>.

Земенков Александр Иванович,
старший преподаватель
кафедры уголовно-правовых дисциплин
Волжского филиала Международного юридического института.

Zemenkov A. I.
senior lecturer
of the Department of criminal law disciplines
Volga branch of the International law Institute.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПО ДЕЛАМ О ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ

CURRENT ISSUES OF QUALIFICATION IN CASES OF BRIBERY

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы квалификации деяний в качестве преступлений о взяточничестве. Наиболее остро стоят вопросы установления субъекта и объективной стороны преступления, позволяющие провести четкую линию, отграничивающую их от смежных составов преступлений.

Abstract. The article deals with the problem of classification of acts as crimes of bribery. The most acute issues are the establishment of the subject and the objective side of the crime, allowing to draw a clear line that separates them from related crimes.

Ключевые слова: взяточничество, коррупция, квалификация, уголовный кодекс.

Key words: bribery, corruption, qualifications, criminal code.

Среди преступлений коррупционной направленности особое место занимает взяточничество в виду его широкой распространенности и повышенной общественной опасности. Такого рода преступления являются существенным препятствием на пути развития правовой государственности в современной России, так как посягают на основы государственной власти, нарушают нормальную управленческую деятельность государственных и муниципальных органов и учреждений, препятствуют здоровой конкуренции в социально-экономической жизни общества, а также способствуют искажению правосознания граждан посредством формирования у них неверного представления о возможности удовлетворения собственных и общественных интересов путем подкупа должностных лиц. Учитывая высокий уровень опасности и масштабы распространения коррупционных преступлений, одной из важнейших задач, стоящих перед государством, является искоренение такого явления, как взяточничество.

Правовая борьба со взяточничеством возможна при условии верного установления в совершенном деянии обязательных признаков конкретного состава преступления, в связи с чем особую актуальность приобретают вопросы квалификации таких деяний в качестве преступлений при расследовании уголовных дел о взяточничестве. Немалая сложность в правоприменительной деятельности при квалификации деяний, имеющих коррупционную составляющую, возникает при установлении субъекта и объективной стороны преступления.

Первое, что обращает на себя внимание, – это субъект преступлений о взяточничестве, а именно лицо, выступающее взяткополучателем. В отличие от взяткодателя, коим может быть любое физическое лицо, отвечающее общим признакам субъекта преступления, взяткополучатель обладает признаками специального субъекта, т.е. взяткополучателем, применительно к статьям 290, 291.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, может быть только должностное лицо. Соответственно, при решении вопроса о возбуждении уголовного дела в

отношении взяткополучателя надлежит установить, отвечает ли такое лицо признакам должностного. В этом случае необходимо руководствоваться примечаниями к статьям 285, 290 Уголовного кодекса Российской Федерации. Согласно примечанию 1 к статье 285 Уголовного кодекса Российской Федерации, должностным лицом признается лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации¹. При этом законодатель не раскрывает содержание признаков должностного лица, а только лишь их называет. Содержание перечисленных в вышеуказанном примечании обязательных и альтернативных признаков должностного лица разъясняется Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 16 октября 2009 года № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (пункты 2 – 6 постановления)².

Таким образом, с целью осуществления юридически правильной квалификации деяния при установлении такого признака состава преступления о взяточничестве, как субъект преступления, следует обращать особое внимание на определение понятия «должностное лицо», закрепленное на законодательном уровне во взаимосвязи с разъяснениями, данными в соответствующем постановлении Пленумом Верховного Суда Российской Федерации. В противном случае, если лицо,

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 17.06.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2019) / СПС «КонсультантПлюс»

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 года № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (пункты 2 – 6 постановления) [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93013/

получающее предмет взятки, не является должностным, то говорить о наличии в его действиях состава преступления, предусмотренного статьями 290, 291.2 Уголовного Кодекса Российской Федерации, не имеет смысла в виду его отсутствия.

Известно, что получение, дача взятки либо посредничество во взяточничестве по конструкции объективной стороны являются преступлениями с формальными составами. Объективная сторона преступлений о взяточничестве выражается в совершении деяний в виде таких действий, как получение должностным лицом взятки, передача должностному лицу лично или через посредника предмета взятки. При этом получение и дача предмета взятки всегда осуществляются с возмездной целью, а именно: за совершение должностным лицом входящих в круг его служебных полномочий действий (бездействия) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, за общее покровительство или попустительство по службе, за совершение должностным лицом незаконных действий (бездействий). В связи с тем, что преступления о взяточничестве имеют схожие признаки с такими преступлениями, как мошенничество (ст. 159 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий (ст. ст. 285, 286 УК РФ), при квалификации конкретных деяний и отнесения их к преступлениям, предусмотренным статьями 290, 291, 291.1, 291.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, следует их отграничивать от вышеприведенных смежных составов преступлений, учитывая при этом разъяснения, содержащиеся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»¹. Так, например, если взяткополучатель получает предмет взятки якобы за совершение действий, которые он в действительности не может осуществить вследствие отсутствия у него таких служебных полномочий либо ввиду невозможности использовать свое служебное положение, при наличии у такого лица умысла на получение каких-либо материальных ценностей от дающего действия получателя надлежит квалифицировать как мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, т.е. по ч. 3 ст. 159 УК

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 года № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (пункты 2 – 6 постановления) [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93013/

РФ. Другим примером деяния, которое, с формальной точки зрения, содержит признаки преступления о взяточничестве, в частности, предусмотренного статьей 291.1. УК РФ «Посредничество во взяточничестве», но фактически являющимся преступлением против собственности, может служить ситуация, когда лицо, получившее ценности от взяткодателя якобы для последующей их передачи взяткополучателю (должностному лицу), при этом заведомо не намереваясь выполнить свою функцию посредника, присваивает себе предмет взятки. В этом случае действия так называемого посредника квалифицируются в зависимости от наличия или отсутствия квалифицирующих признаков по соответствующей части статьи 159 УК РФ, а действия лица, передавшего такие ценности посреднику с целью их последующего получения должностным лицом, в свою очередь, надлежит квалифицировать как покушение на дачу взятки.

Таким образом, резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что при квалификации деяний в качестве преступлений о взяточничестве наиболее остро стоят вопросы установления субъекта и объективной стороны преступления, позволяющие провести четкую линию, ограничивающую их от смежных составов преступлений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.06.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2019) [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 года № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (пункты 2 – 6 постановления) [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93013/
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/70410688/>

Печников Геннадий Алексеевич,
доктор юридический наук, доцент,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Международного юридического института.

Pechnikov G.A.
doctor of law, associate Professor,
Professor of the Department of criminal law disciplines
of the International law Institute.

МОЖЕТ ЛИ ФОРМАЛЬНО-ЮРИДИЧЕСКАЯ ИСТИНА БЫТЬ ФОРМОЙ ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЫ В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ УПК РФ?

CAN FORMAL LEGAL TRUTH BE A FORM OF OBJECTIVE TRUTH IN THE ADVERSARIAL CODE OF CRIMINAL PROCEDURE?

Аннотация. В данной статье автор касается диалектики взаимосвязи между целью в уголовной процессе и ее средствами. По мнению автора, диалектика как объективная закономерность не допускает стирания различий между целью и средствами. В отличие от этого современный УПК РФ с его самодостаточной состязательностью (поскольку все решается самим состязанием (поединком) сторон обвинения и защиты, выявляется сильнейший из них – победитель) делает излишней объективную истину как цель уголовного судопроизводства. Тем самым, состязательность (принцип состязательности сторон), т.е. средство становится самоцелью всего уголовного процесса, что противоречит научным требованиям диалектики. В статье также критикуются идеи о возможности сосуществования в рамках состязательного УПК РФ истины объективной и формально-юридической истины и о том, что конвенциональная, юридическая, процессуальная истины – это формы объективной истины.

Автор исходит из того, что объективно-истинная модель уголовного процесса – это более высокий, более совершенный, более справедливый тип уголовного судопроизводства, чем современный состязательный (выигрышно-проигрышный) тип уголовного процесса с его правом и справедливостью сильного.

Abstract. In this article the author deals with the dialectic of the relationship between the goal in the criminal process and its means.

According to the author, dialectics as an objective regularity does not allow erasing of distinctions between the purpose and means. In contrast, the modern criminal procedure code with its self-sufficient adversarial nature (since everything is decided by the contest (duel) of the prosecution and defense—the strongest of them – the winner-is revealed) makes objective truth unnecessary as the purpose of criminal proceedings. Thus, the adversarial (principle of adversarial parties), ie means, becomes an end in itself of the criminal process, which is contrary to the scientific requirements of dialectics. The article also criticizes the idea of the possibility of "coexistence" within the adversarial code of criminal procedure of the truth of objective and formal –legal truth and that conventional, legal, procedural truth is a form of objective truth.

The author proceeds from the fact that the objectively true model of criminal proceedings is a higher, more perfect, more fair type of criminal proceedings than the modern adversarial (win-loss) type of criminal proceedings with its law and justice.

Ключевые слова: диалектика, цель, средства, объективная истина, формально-юридическая (конвенциальная, юридическая, процессуальная) истина, сосуществование истин, объективное, субъективное, состязательный тип (модель) уголовного процесса, объективно-истинная модель уголовного процесса.

Key words: dialectics, goals, means, objective truth, formal-legal (confidential. legal, procedural) truth, "coexistence of truths", objective, subjective, adversarial type (model) of criminal process, objective-true model of criminal process.

Мы исходим из того, что объективная истина должна быть и целью доказывания по уголовным делам, и общей целью всего уголовного судопроизводства. При этом для нас важна диалектическая взаимосвязь между целью и средствами. Диалектика как всеобщая объективная закономерность не допускает их отождествления, запрещает стирать различие между целью и средствами.

Объективная истина (т.е. достоверное, объективно-истинное раскрытие преступления, точное установление того, что было на самом деле в конкретном случае) всегда одна. Не может быть множества истин об одном и том же. И, если объективная истина – цель (общая цель) всего уголовного судопроизводства, то все остальное – только средства (средства достижения объективно-истинной цели). К средствам следует отнести принципы уголовного производства, включая и

принцип состязательности сторон, и различные правовые институты, например, привлечение лица в качестве обвиняемого. Это означает, что ни принципы, ни правовые институты (поскольку они лишь средства) не должны становиться целью (самоцелью), не должны подменять собой общую объективно-истинную цель уголовного процесса.

С нашей точки зрения, это подлинно научный, диалектический подход. Но с принятием нового УПК РФ (2001 г.) все кардинально изменилось. В современном УПК РФ состязательность (состязание сторон – ст.15 УПК РФ)¹ – это не просто принцип уголовного судопроизводства, но и целостная состязательная концепция, и самоцель всего уголовного процесса, где объективной истине места нет. Состязательность в УПК РФ стала самодостаточной, самоценной вещью, поэтому взаимоисключает объективную истину в состязательном уголовном процессе, поскольку все решается самим состязательным поединком сторон обвинения и защиты: выявляется сильнейший из них – победитель. По уголовному делу устанавливается вероятная, формально-юридическая истина, поскольку позиция победителя может не соответствовать реальной действительности. При этом законодатель в современном состязательном УПК РФ, с нашей точки зрения, нарушает требование диалектики о недопустимости подменять цель средствами, так как делает средство (принцип состязательности) самоцелью всего уголовного судопроизводства, что вряд ли научно, так как не диалектично.

Согласно ч.1 ст.15 УПК РФ, уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон. Тем самым, состязательность сторон – движущая сила всего УПК РФ. В состязательном процессе все «осостязательствовано», все подчинено состязательности сторон, и нет цели, которая бы возвышалась над состязательным пределом. Вместо диалектики, чётко отделяющей цель от средств, – формально-логическая тавтология «состязательность для состязательности» (закон тождества $A=A$), и пусть победит сильнейший. Кто сильнее, тот и прав.

Одной из разновидностей отождествления, стирания различий между целью и средствами в уголовном процессе, на наш взгляд, являются встречающиеся в науке теоретические попытки стереть принципиальное различие между объективной истиной и формально-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.11.2019 / СЗ РФ от 24.12.2001 г.

юридической истиной, а равно и стремление мыслить сосуществование названных истин в рамках современного состязательного УПК РФ. Как пишет И.Б. Михайловская, применительно к обвинительному приговору, опровергающему презумпцию невиновности, следует, на наш взгляд, признать сосуществование истины объективной (материальной), т.е. соответствия выводов суда фактам, имевшим место в действительности, и истины юридической (формальной), т.е. соответствия выводов суда сведениям, облеченным в надлежащую процессуальную форму¹.

С нашей точки зрения, это совершенно разные виды истин, интересам которых отвечает только свой тип (модель) уголовного судопроизводства. Объективной истине – объективно-истинный тип (модель) уголовного процесса, а формально-юридической истине – состязательный (выигрышно-проигрышный) тип (модель) уголовного процесса. Для объективно-истинной модели уголовного судопроизводства состязательность – это только средство, необходимое средство (как, например, и принцип презумпции невиновности) для достижения объективной истины как цели уголовного процесса, а не самоцель как в состязательном типе уголовного процесса. Нельзя мешать все в одну кучу, а необходимо руководствоваться жесткой альтернативой: либо в уголовном процессе есть объективная истина, тем самым, всяким иным истинам (формально-юридической, правовой, процессуальной, конвенциональной, «истине победителя состязания сторон») места нет. Либо уголовный процесс весь основан на формально-юридической, правовой, конвенциональной (договорной) и тому подобных субъективных истинах, что исключает существование в нем объективной истины.

Однако далеко не все разделяют диалектический подход. Некоторые процессуалисты стремятся доказать наличие в современном состязательном УПК РФ объективной истины, в частности, таким доводом: «Так, в ч.4, ст.152 УПК РФ говорится об обеспечении полноты и объективности предварительного следствия, в ч.4 ст. 154 УПК РФ – о всесторонности и объективности предварительного расследования и разрешения уголовного дела, а в ч.6 ст. 340 УПК РФ – о нарушении принципа объективности и беспристрастности, что позволяет судить о

¹ Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М. 2006. С.20.

том, что требованиями этих норм является достижение истины»¹. Но ведь это лишь незначительные элементы, частички, крупички, примеси объективной истинности в недрах состязательного УПК РФ, которые никоим образом не колеблют саму состязательную сущность действующего УПК РФ, поскольку, в соответствии с диалектикой, абсолютно чистых явлений ни в природе, ни в обществе, ни в праве нет и быть не может. Это означает, что и в состязательном уголовном процессе с его вероятной, формально-юридической, правовой истиной содержатся частицы, примеси объективной истинности, достоверности. Равно как и объективно-истинная модель уголовного судопроизводства (которая в настоящее время остаётся невостребованной) не может не содержать в своем составе частицы вероятности, крупички формально-юридической истины. Без этого (т.е. без подобных частичек, примесей, присущих противоположному типу уголовного процесса) ни одна уголовно-процессуальная система существовать не может. Такова диалектика вещей, явлений вообще.

В состязательном УПК РФ не случайно не предусмотрен принцип всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела, который ведёт к объективной истине, а есть лишь ярко выраженное состязательно-выигрышное обвинение и состязательно-выигрышная защита – один состязательно-выигрышный интерес противоборствующих сторон. Авторы, которые исходят из возможности сосуществования в рамках состязательного уголовного процесса (УПК РФ) объективной и формально-юридической истин и считают, что «принцип состязательности не антагонизирует с требованием всестороннего, полного и объективного установления обстоятельств уголовного дела», на наш взгляд, выдают желаемое за действительное.

Мы не можем также согласиться с утверждением о том, что состязательность уголовного судопроизводства является средством достоверного установления фактических обстоятельств совершенного преступления. В этой связи противопоставление объективной истины иным её формам (конвенциональной, юридической, процессуальной) следует, на наш взгляд, признать не соответствующим современным научным представлениям о многообразии истин и учений о них. На это следует возразить. Если мы будем рассматривать *конвенциональную*,

¹ Загорский Г.И., Хатуаева В.В. Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса. Курс лекций. Общая часть. М.: Проспект. 2018. С.120.

юридическую, процессуальную истины как формы объективной истины, то это, как видится, научное заблуждение. Ведь нельзя, с точки зрения диалектики, отождествлять объективное с субъективным. Объективная истина – это такое содержание в человеческих представлениях, которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества¹, тогда как вероятная, конвенциальная, юридическая, процессуальная – это всё субъективные истины, отрицающие объективную истину, и стирать различие между ними нельзя.

Убеждены, что объективно-истинная модель (тип) уголовного процесса с его объективной справедливостью – это более высокий, более совершенный вид уголовного судопроизводства по сравнению с состязательным типом уголовного процесса, с его правом сильного и справедливостью сильного.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 04.11.2019 / СЗ РФ от 24.12.2001.
2. Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М. 2006.
3. Загорский Г.И., Хатуаева В.В. Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса. Курс лекций. Общая часть. М.: Проспект. 2018.
4. Ленин В.И. Полн. сбор. соч. Пятое издание. Т. 18.

¹ Ленин В.И. Полн. сбор. соч. Пятое издание. Т. 18. С. 123.

Рыжкова Алина Николаевна,
кандидат юридических наук,
старший юрист ООО «ЛК «Талдинская»».

Ryzhkova A. N.
PhD in law,
Senior associate of LLC «LC «Taldinskaya»».

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ

FEATURES OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY IN THE FIELD OF MIGRATION

Аннотация. В статье определяются основные признаки административного правонарушения в сфере миграции, высказывается мнение о необходимости введения в КоАП РФ самостоятельной главы, посвященной административной ответственности в области миграции, проанализированы правовые позиции Конституционного суда РФ по актуальным проблемам применения административной ответственности в отношении иностранных граждан в указанной сфере.

Abstract. The article defines the basic signs of administrative offences in migration sphere; it has been argued the necessity of introducing in the Code Of Administrative Offences Of The Russian Federation an independent chapter devoted to administrative responsibility in the field of migration; analyzed the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation on actual problems of application of administrative responsibility in relation to foreign citizens in the specified sphere.

Ключевые слова: административные правонарушения, административная ответственность, миграция, миграционный порядок, миграционное законодательство, принципы права, законность, Конституционный суд РФ.

Key words: administrative offences, administrative responsibility, migration, migration law and order, migration legislation, principles of law, legality, the Constitutional Court of the Russian Federation.

Гарантирование правопорядка и безопасности в сфере миграции является одним из важных аспектов как для современной России, так и всего мира.

Исходя из статистики, представленной Министерством внутренних дел РФ по отдельным показателям миграционной ситуации в Российской Федерации за первую половину 2019 года, тенденции снижения потока мигрантов не наблюдается. За период с января по июнь 2019 года было оформлено 234 311 приглашений, 121 523 визы, зарегистрировано 8 704 659 фактов постановки на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства, принято 121 265 решений на временное проживание, принято 94 753 решения о выдаче вида на жительство (при этом 636 178 иностранных граждан и лиц без гражданства на момент учета показателей уже имели действительный вид на жительство), а в отношении 136 857 лиц принято решение о приобретении гражданства РФ¹.

Для сравнения: на начало 2019 года за первые три месяца было выдано 101 736 приглашений, 53 811 виз, зарегистрировано 3 585 104 факта постановки на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства, принято 57 415 решений на временное проживание, принято 43 215 решений о выдаче вида на жительство (при этом 620 944 иностранных гражданина и лиц без гражданства на момент учета показателей уже имели действительный вид на жительство), а в отношении 63 249 лиц принято решение о приобретении гражданства РФ².

Виды административных правонарушений и административная ответственность в сфере миграции в настоящее время довольно широко представлены в КоАП РФ. При этом самостоятельная глава, предусматривающая *исключительно составы правонарушений в миграционной сфере*, не нашла своего отражения в Кодексе. Автор настоящей статьи считает, что такой подход законодателя не соответствует тенденциям развития миграционной политики и отношению государства к решению поставленных задач в данной области в целом. В этой связи отдельная самостоятельная глава в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, посвященная исключительно составам административных правонарушений в области миграции,

¹ Официальный сайт МВД России [Электронный ресурс] URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/17595161/>

² Официальный сайт МВД России [Электронный ресурс] URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/16781884/>

смогла бы внести ясность по данному вопросу. Наименование такой главы в обязательном порядке должно включать факт направленности совершаемых административных правонарушений в сфере миграции. Это даст возможность законодателю не только объединить все существующие административные составы правонарушений в отдельную главу, но позволит также в дальнейшем оперативно дополнять ее новыми составами правонарушений, что отвечает заданным тенденциям в миграционной политике и острой политической ситуации с мигрантами в целом.

Указанный подход о потребности обновления действующего Кодекса в части необходимости выделения самостоятельной главы, касающейся миграционных правонарушений, а также сам акцент непосредственно на данную категорию правонарушений давно приобрели особое самостоятельное значение в доктринальных исследованиях ученых¹. Административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое КоАП РФ или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность. Именно такая дефиниция отражена законодателем в статье 2.1 Кодекса. Если же за указанное деяние предусмотрена ответственность по Уголовному кодексу Российской Федерации, то меры административной ответственности не применимы.

Согласно позиции С.А. Пузыревского, административная ответственность отличается от уголовной не только степенью тяжести наказания, но и большей оперативностью воздействия на соответствующие общественные отношения, поскольку процедуры привлечения к административной ответственности процессуально менее затратные, т.е. осуществляются в упрощенном по сравнению с

¹ Сандугей А.Н. О проблеме дифференциации административной ответственности за нарушения миграционного законодательства по территориальному критерию // Административное право и процесс. 2014. № 11. С. 36 – 39; Паукова Ю.В. О высылке иностранных граждан и лиц без гражданства с территории Российской Федерации в свете статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Миграционное право. 2018. № 1. С. 6 – 10; Хабриева Т.Я., Андриченко Л.В., Плюгина И.В. Динамика развития миграционного законодательства в современной России // Журнал российского права. 2010. № 10. С. 12 – 24.

уголовной ответственностью порядке¹. Такая оперативность воздействия, с точки зрения государственного реагирования на административные правонарушения в сфере миграции, является оправданной и эффективной. Тем не менее, всегда существовала и существует явная необходимость различать границу между отдельными видами преступлений и административными правонарушениями. О такой необходимости в свое время высказался и Конституционный Суд РФ².

Россинский Б.В., Стариков Ю.Н., Бахрах Д.Н. говорят о том, что законодательная дефиниция, представленная в статье 2.1. Кодекса, имеет достаточно формальный характер. Это определяется, по их мнению, прежде всего, тем, что в определении содержатся такие признаки совершаемого деяния, как юридические. Если рассматривать определение преступления, то необходимо обратиться к материальной стороне деяния, то есть к наличию общественной опасности. При этом административные правонарушения, в том числе, в сфере миграционных правоотношений прямо запрещены Кодексом. Такой запрет предусмотрен в связи с тем, что совершение соответствующим субъектом административного правонарушения наносит определенный ущерб правоотношениям в обществе³.

Согласно позиции Попова Л.Л., Студеникиной М.С., административное правонарушение посягает чаще всего на регулируемые и охраняемые нормами административного права общественные отношения. Противоправность деяния заключается в нарушении или невыполнении юридическим лицом, должностным лицом или гражданином установленных правил, норм, стандартов, требований. При этом противоправное деяние не связывается правовой нормой с обяза-

¹ Процедуры в конкурентном праве: учебное пособие / Ю.И. Абакумова, О.Р. Афанасьева, А.В. Борисов и др.; отв. ред. С.А. Пузыревский. М.: Проспект. 2019. 296 с. / СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2013 № 4-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона “О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях” и Федерального закона “О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко» / Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 19.02.2013, / СЗ РФ, 25.02.2013, N 8, ст. 868.

³ Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Стариков Ю.Н. Административное право. М.: Норма. 2005.

тельными наступлением вредных последствий¹. Сознательность и наличие вины при совершении административного правонарушения как результат поведения соответствующего субъекта при применении мер административной ответственности отмечает Серков П.П.².

По мнению автора, понятие административного правонарушения, совершенного в сфере миграционных отношений, можно раскрыть через юридические признаки. К таким признакам, в первую очередь, *относится наличие вины у субъекта, совершившего правонарушение*; во-вторых, *наличие противоправности в действии (бездействии)* соответствующего юридического или физического лица; третьим признаком является факт предусмотренной в Кодексе *административной ответственности* за совершение административного правонарушения в области миграции и, наконец, для возможности установления разграничения с признаками уголовного преступления необходимо обратиться к *общественной опасности деяния*.

Раскрывая более подробно признаки административного правонарушения в сфере миграции, можно прийти к следующему.

Наличие *вины* в действиях иностранного гражданина или лица без гражданства воспринимается как обязательный признак при привлечении к административной ответственности в сфере миграции. К более распространенной форме вины в рассматриваемой области необходимо отнести умысел, реже – вину в форме неосторожности. Прибывая на территорию РФ на долгосрочный период, каждый трудоспособный мигрант сталкивается с необходимостью срочного поиска работы. Возможно, данный субъект сталкивается с незнанием законодательства РФ или не имеет времени и возможности разобраться с тонкостями трудоустройства в государстве, поскольку целью является срочный заработок. В этой связи устройство на место работы производится в отсутствие необходимых документов и получения соответствующих разрешений / патентов. Физическое лицо, безусловно, отдает себе отчет в незаконности своих действий, догадывается о возможных последствиях противоправного поведения, но ввиду необ-

¹ Административное право / Под ред. Л.Л. Попова, М.С. Студеникиной. М. 2008. С. 279.

² Серков П.П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы: монография. М.: Норма, Инфра-М. 2012. / СПС «КонсультантПлюс».

ходимости срочного заработка, нарушает миграционное законодательство.

Несмотря на то, что единый федеральный закон, посвященный миграционным правоотношениям, до настоящего времени отсутствует, законодательство о миграции можно определить как сформированный блок норм права, определяющий правила поведения мигрантов, прибывающих в РФ. Тогда совершаются административные правонарушения в сфере миграции, нарушаются миграционные нормы и появляется такой признак административного правонарушения как *противоправность*. К примеру, в соответствии с ч. 2 ст. 13.3 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в РФ», для иностранного гражданина установлен тридцатидневный срок для обращения в компетентный орган за выдачей патента. В случае пропуска указанного срока, совершив противоправное деяние в виде нарушения норм миграционного законодательства, иностранный гражданин может быть привлечен к административной ответственности по ст. 18.20 КоАП РФ.

Совершение миграционного административного правонарушения влечет административную ответственность с применением к правонарушителю предусмотренного в Кодексе административного наказания. Таким образом, необходимо выделить такой признак административного правонарушения, как *наказуемость*. Возможные виды административных наказаний в сфере миграции законодатель указал в КоАП РФ.

Последним признаком административного правонарушения, но не менее значимым, является *общественная опасность* совершенного деяния. При привлечении иностранного гражданина необходимо определить, причинен ли вред миграционным общественным отношениям и в какой степени. Это позволит не только избрать соответствующую меру административной ответственности, но и определить границу с возможной для применения меры уголовного права. Например, в случае осуществления работы мигрантом в отсутствие соответствующего разрешения на работу или патента такое поведение трудового мигранта влечет нарушение норм миграционного права и не позволяет государственным органам отследить действительную долю иностранных граждан, осуществляющих работу на территории РФ. Отсутствие реальной информации о работающих мигрантах приводит к неверному определению количества квот на соответствующий год и ошибочной ежегодной статистике (Правительство РФ ежегодно утверждает

квоты на выдачу разрешений на работу¹, например, в 2019 г. такая квота составляла 144 583 разрешения). Кроме того, увеличение нелегальных мигрантов лишает возможности иностранных лиц, получивших разрешение на работу, занять соответствующую должность, а также создает отрицательную обстановку в обществе в целом.

Применение административной ответственности за совершение административного правонарушения в сфере миграции, безусловно, должно быть сопоставимо с основными принципами права, в том числе, с международными принципами, отраженными в Конвенции о защите прав человека и основных свобод². В отношении применения административной ответственности к иностранным гражданам это говорит, в первую очередь, о гарантии прав каждому, кто находится под юрисдикцией стран-участниц Конвенции вне зависимости от гражданства. Такой вывод можно сделать в связи и с тем, что вопросы миграции и выдворения иностранных граждан нередко становятся предметом рассмотрения для Европейского суда по правам человека³.

Принцип строгого соблюдения действующих законов, безусловное обеспечение соблюдения прав человека, в том числе, мигранта, а также равенство всех перед законом и судом и, конечно же, презумпция невиновности – вот основные принципы, которых необходимо придерживаться в случаях применения мер административной ответственности по данной категории дел.

¹ Постановление Правительства РФ от 06.12.2018 № 1494 «Об определении потребности в привлечении иностранных работников, прибывающих в Российскую Федерацию на основании визы, в том числе, по приоритетным профессионально-квалификационным группам, и утверждении квот на 2019 год» / СЗ РФ 17.12.2018, № 51, ст. 8005.

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) / СЗ РФ. 08.01.2001, № 2, ст. 163.

³ Постановление Европейского суда по делу «Бадер и Канбор против Швеции» (Bader a№d Ka№bor v. Swede№), жалоба № 13284/04, § 47, ECHR 2005-XI; Постановление Европейского суда по делу «Шамаев и другие против Грузии и Российской Федерации»; Постановление Европейского суда по делу «Шарипов против Российской Федерации» (Sharipov v. Russia) от 11 октября 2011 г., жалоба № 18414/10 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2013. № 2013. Постановление Европейского суда по делу «Дауди против Франции» (Daoudi v. France) от 3 декабря 2009 г., жалоба № 19576/08 / СПС «КонсультантПлюс».

Указанные принципы должны отвечать признакам универсальности, иметь определенную значимость в правовом регулировании, быть неизменными и подходить для применения к мерам ответственности как в отношении граждан РФ, так и к иностранным гражданам и лицам без гражданства. О принципах разумности и соразмерности наказания, принципах справедливости и индивидуализации ответственности при разрешении категории административных дел в сфере миграции не раз упоминал Конституционный суд РФ.

Статистика обращений в Конституционный суд РФ, в том числе, от иностранных граждан, обращающих внимание судебной власти на необходимость проверки положений ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ» и правовых норм, предусмотренных главой 18 Кодекса, говорит о нахождении миграционных процессов в постоянной динамике и несогласии указанных лиц с действующей миграционной политикой России. Вместе с тем, именно на основании таких жалоб складываются правовые позиции Конституционного суда РФ по актуальным проблемам применения административной ответственности в сфере миграции и отношение государства в целом к проблемам миграции.

В Определении Конституционного Суда РФ от 05.03.2014 № 628-О¹ сделан вывод о том, что на территории Российской Федерации лицам, не состоящим в гражданстве Российской Федерации, должно быть обеспечено следующее: реализация прав и свобод, судебная защита, государственная защита, защита от любой дискриминации, уважение достоинства личности. Конституционный суд РФ также отметил, что право на беспрепятственный въезд остается только за российскими гражданами. При этом совершенно справедливо под условием нахождения важные права иностранного гражданина, пребывающего на территорию РФ, а именно: возможность свободного передвижения по территории РФ, выбора места пребывания и жительства. Условием предоставления таких прав мигранту является строгое и неукоснительное соблюдение им законодательства. Данное условие тесно связано с применением к иностранному гражданину мер адми-

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 05.03.2014 № 628-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Китайской Народной Республики Чжэн Хуа на нарушение его конституционных прав частью 1.1 статьи 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» / СПС «Консультант Плюс».

нистративного принуждения. Эти конституционные требования *подлежат обязательному соблюдению* и при определении и применении правил пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, а также *норм об ответственности за их нарушение*.

В правовой позиции Конституционного суда РФ, изложенной в постановлениях от 17 января 2013 года № 1-П¹ и от 16 февраля 2016 года № 4-П, установлено, что в силу требований Конституции РФ и корреспондирующих им положений международно-правовых актов государство *правомочно использовать действенные законные средства*, которые позволяли бы, следуя правомерным целям миграционной политики, определять правовой режим пребывания (проживания) на территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, а *также меры ответственности, в том числе, административной* за его нарушение и правила применения соответствующих мер, направленные на пресечение правонарушений в области миграционных отношений, восстановление нарушенного правопорядка, предотвращение противоправных (особенно множественных и грубых) на него посягательства.

В 2016 году Конституционный суд РФ также отметил, что сама по себе возможность применения административной меры принуждения в сфере миграции в виде выдворения иностранного гражданина в случае однократного нарушения мигрантом законодательства *не свидетельствует о превышении конституционно допустимых пределов законодательного усмотрения*, равно как об отступлении от принципа

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.01.2013 № 1-П «По делу о проверке конституционности положения части 5 статьи 19.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “Маслянский хлебоприемный пункт”» / СЗ РФ, 28.01.2013, № 4, ст. 304; Постановление Конституционного Суда РФ от 16.02.2016 № 4-П «По делу о проверке конституционности положений части 2 статьи 18.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, статьи 11 Закона Российской Федерации “О Государственной границе Российской Федерации” и статьи 24 Федерального закона “О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию” в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и гражданина Федеративной Республики Нигерия Х.Э. Увангуе» / СЗ РФ, 29.02.2016, № 9, ст. 1307.

равноправия. Конституционный суд РФ указал, что в Кодексе в отношении многих административных правонарушений предусмотрена вариативность при назначении административной ответственности, то есть в случае, если иностранный мигрант проявляет явное неуважение к установленным правовым нормам, нарушает требования закона, осуществляет трудовую деятельность в обход требований миграционного законодательства – административная ответственность «отвечает» более жесткими мерами по отношению к правонарушителю. Таким образом, административная ответственность варьирует в зависимости от наличия факта повторного совершения миграционных правонарушений¹.

Еще одной особенностью главы 18 Кодекса является установление специальной региональной административной ответственности, то есть ответственности, которая устанавливается за административное правонарушение, совершенное иностранным гражданином на территории следующих субъектов РФ: г. Москвы, г. Санкт-Петербурга, Московской области и Ленинградской области. Данный вопрос был отдельно освещен в Постановлении Конституционного суда РФ № 13-П от 22.04.2014². В указанном судебном акте установлено, что, поскольку названные выше субъекты РФ являются центром «притяжения» иностранной рабочей силы и данные субъекты РФ превосходят иные по своей площади и количеству населения, то установление региональной административной ответственности является оправданным средством защиты общественных отношений. Такой поток ми-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2016 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 8 Федерального закона “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации”, частей 1 и 3 статьи 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и подпункта 2 части первой статьи 27 Федерального закона “О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию” в связи с жалобой гражданина Республики Молдова М. Цуркана» / СЗ РФ. 29.02.2016, № 9, ст. 1308.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 22.04.2014 № 13-П «По делу о проверке конституционности частей 5 и 7 статьи 12.16, части 1.2 статьи 12.17, частей 5 и 6 статьи 12.19 и части 2 статьи 12.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» / СЗ РФ. 05.05.2014, N 18 (часть IV), ст. 2288.

грантов обусловлен, прежде всего, социальной активностью общества в соответствующих субъектах РФ, в том числе, наличием определенных возможностей для прибывающих иностранных граждан как с точки зрения экономики и политики, так и по финансовым аспектам. В связи с этим сделан вывод, что совершение на данной территории административного правонарушения может создавать общественную опасность для большего количества людей по сравнению с другими субъектами РФ.

На основании вышеизложенного, по мнению Конституционного суда РФ, повышенный риск для существующего правового порядка в сфере миграции должен быть отражен в справедливом повышенном применении мер административного принуждения. Следовательно, избрание более строгой меры при совершении иностранным гражданином административного правонарушения на территории, например, г. Москвы, не нарушает принцип соразмерности и пропорциональности в случае совершения аналогичного административного правонарушения на территории другого субъекта.

Автор не согласен с таким заключением и считает, что повышение штрафов на территории избранных субъектов умаляет конституционные права пребывающих в России иностранных граждан на соразмерную и единую административную ответственность на территории всех субъектов, что приводит к нарушению конституционных принципов, в том числе, равноправия субъектов РФ, единства системы государственной власти и разграничения предметов ведения и полномочий между органами власти РФ, принципа равенства прав и свобод человека и гражданина, равенства всех перед законом и судом, к необоснованному ограничению прав и свобод человека и гражданина в отсутствии такой необходимости, в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Указанная позиция автора также поддерживается в доктрине административного права. Например, о необходимости исключения региональных штрафов из Кодекса и наличие явных противоречий с действующими положениями Конституции РФ высказывались Молчанов П.В., Сандугей А.Н., Кузьмичева Г.А. и другие ученые¹.

¹ Кузьмичева Г.А., Молчанов П.В. Принцип равенства перед законом и административная ответственность / Г.А. Кузьмичева, П.В. Молчанов // Административное право и процесс. 2014. № 9. С. 61 – 63; Сандугей А.Н. О проблеме дифференциации административной ответственности за нарушения

Принимая во внимание цели действующего и динамично развивающегося миграционного законодательства, а также учитывая государственную концепцию миграционной политики, установление мер административной ответственности и осуществление деятельности органов государственной власти необходимы при соблюдении условий, которые направлены на достойную жизнь и свободное развитие каждого человека, находящегося на территории РФ. При применении мер административной ответственности в сфере миграции необходимо обеспечить возможность реализации прав и свобод, гарантированных Конституцией РФ, соблюдая конституционно допустимые пределы, но при этом использовать действенные законные средства, соответствующие современным целям миграционной политики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право. М.: Норма. 2005.
2. Кузьмичева Г.А., Молчанов П.В. Принцип равенства перед законом и административная ответственность / Г.А. Кузьмичева, П.В. Молчанов // Административное право и процесс. 2014. № 9.
3. Паукова Ю.В. О высылке иностранных граждан и лиц без гражданства с территории Российской Федерации в свете статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Миграционное право. 2018. № 1.
4. Попов Л.Л., Студеникина М.С. Административное право / Под ред. Л.Л. Попова, М.С. Студеникиной. М. 2008.
5. Пузыревский С.А. Процедуры в конкурентном праве: учебное пособие / Ю.И. Абакумова, О.Р. Афанасьева, А.В. Борисов и др.; отв. ред. С.А. Пузыревский. М.: Проспект. 2019. / СПС «КонсультантПлюс».
6. Сандугей А.Н. О проблеме дифференциации административной ответственности за нарушения миграционного законодательства по территориальному критерию // Административное право и процесс. 2014. № 11.

миграционного законодательства по территориальному критерию // Административное право и процесс. 2014. N 11. С. 36 - 39.

7. Серков П.П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы: монография. М.: Норма, Инфра-М. 2012. / СПС «КонсультантПлюс».

8. Хабриева Т.Я., Андриченко Л.В., Плюгина И.В. Динамика развития миграционного законодательства в современной России / Журнал российского права. 2010. № 10.

9. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) / СЗ РФ. 08.01.2001. № 2. ст. 163.

10. Постановление Европейского суда по делу «Бадер и Канбор против Швеции» (Bader and Kanbor v. Sweden), жалоба № 13284/04, § 47, ECHR 2005-XI; Постановление Европейского суда по делу «Шамаев и другие против Грузии и Российской Федерации»; Постановление Европейского суда по делу «Шарипов против Российской Федерации» (Sharipov v. Russia) от 11 октября 2011 г., жалоба № 18414/10 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2013. № 2013. Постановление Европейского суда по делу «Дауди против Франции» (Daoudi v. France) от 3 декабря 2009 г., жалоба № 19576/08 / СПС «КонсультантПлюс».

11. Постановление Правительства РФ от 06.12.2018 № 1494 «Об определении потребности в привлечении иностранных работников, прибывающих в Российскую Федерацию на основании визы, в том числе, по приоритетным профессионально-квалификационным группам, и утверждении квот на 2019 год» / СЗ РФ. 17.12.2018, № 51. ст. 8005.

12. Определение Конституционного Суда РФ от 05.03.2014 № 628-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Китайской Народной Республики Чжэн Хуа на нарушение его конституционных прав частью 1.1 статьи 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» / СПС «Консультант Плюс».

13. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2013 № 4-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона “О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях” и Федерального закона “О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко» / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] URL: <http://www.pravo.gov.ru> 19.02.2013; СЗ РФ. 25.02.2013. № 8. ст. 868.

14. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.01.2013 № 1-П «По делу о проверке конституционности положения части 5 статьи 19.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “Маслянский хлебоприемный пункт”» / СЗ РФ. 28.01.2013. № 4. ст. 304.

15. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.02.2016 № 4-П «По делу о проверке конституционности положений части 2 статьи 18.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, статьи 11 Закона Российской Федерации “О Государственной границе Российской Федерации” и статьи 24 Федерального закона “О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию” в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и гражданина Федеративной Республики Нигерия Х.Э. Увангуе» / СЗ РФ. 29.02.2016. № 9, ст. 1307.

16. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2016 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 8 Федерального закона “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации”, частей 1 и 3 статьи 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и подпункта 2 части первой статьи 27 Федерального закона “О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию” в связи с жалобой гражданина Республики Молдова М. Цуркана» / СЗ РФ. 29.02.2016. № 9, ст. 1308.

17. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.04.2014 № 13-П «По делу о проверке конституционности частей 5 и 7 статьи 12.16, части 1.2 статьи 12.17, частей 5 и 6 статьи 12.19 и части 2 статьи 12.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» / СЗ РФ. 05.05.2014. № 18 (часть IV), ст. 2288.

Столяров Дмитрий Анатольевич,
кандидат исторических наук,
доцент отделения общеинститутской кафедры
теории права и государственно-правовых дисциплин
Ивановского филиала
Международного юридического института.

Stolyarov D. A.
candidate of history,
associate Professor of the Department of the General Institute
Department
theory of law and state-legal disciplines
Ivanovo branch of the International law Institute.

Черкас Захар Олегович,
студент
Барановичского государственного университета.

Cherkas Z.O.
student Baranovichi state University.

Мышковец Петр Олегович,
студент
Барановичского государственного университета.

Myshkovets P.O.
student Baranovichi state University.

**СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА
ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ
В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE INSTITUTE OF
PRE-JUDICIAL AGREEMENT ON COOPERATION IN THE
LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE
RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация. Уголовно-процессуальный институт досудебного соглашения о сотрудничестве представляет собой форму сотрудничества подозреваемого (обвиняемого) с правоохранительными органами.

Данный институт был введен в действующее законодательство Республики Беларусь в 2015 году путем внесения изменений и дополнений в действующее законодательство посредством вступления в законную силу Закона Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-З. В законодательстве же Российской Федерации данный уголовно-процессуальный институт действует с 2009 года в соответствии с Федеральным законом РФ от 29.06.2009 № 141-ФЗ. Введение института досудебного соглашения о сотрудничестве имеет своей целью повышение эффективности борьбы с преступностью, улучшение качества предварительного следствия и расширение возможностей по возмещению ущерба, причиненного преступлением.

Abstract. The criminal procedure institute of a pre-trial agreement on cooperation is a form of cooperation between a suspect (accused) and law enforcement agencies. This institute was introduced into the current legislation of the Republic of Belarus in 2015, by amending and supplementing the current legislation through the entry into force of the Law of the Republic of Belarus dated January 5, 2015 No. 241-L. In the legislation of the Russian Federation, this criminal procedure institute has been operating since 2009, in accordance with the Federal Law of the Russian Federation of June 29, 2009 No. 141-FL. The introduction of the institution of a pre-trial agreement on cooperation is aimed at increasing the effectiveness of the fight against crime, improving the quality of the preliminary investigation and expanding the possibilities for redressing damage caused by crime.

Ключевые слова: уголовно-правовой институт, уголовно-процессуальный институт, досудебное соглашение о сотрудничестве, преступление, сделка с правосудием, коррупционный риск, восстановительное правосудие.

Key words: institute of Criminal Law, Institute of Criminal Procedure, pre-trial agreement on cooperation, crime, transaction with justice, corruption risk, restorative justice.

Результаты криминологических исследований показывают снижение количества преступлений в государствах, в которых были введены «сделки с правосудием»¹. Наиболее яркими историческими при-

¹Воронович Т.В. Правовая регламентация заключения досудебного соглашения о сотрудничестве в законодательстве Республики Беларусь [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс».

мерами использования данного института являются Аль Капоне и Эрл Рэй. Первый в 1931 году полностью признал вину в уклонении от уплаты налогов в обмен на снятие обвинений в более тяжких преступлениях, а также согласие государственного обвинителя на требование минимального наказания; второй в 1968 году признал себя виновным в совершении убийства Мартина Лютера Кинга в обмен на согласие государственного обвинителя не требовать для него в качестве наказания смертной казни.

В законодательстве других стран распространенным является заключение так называемой «сделки с правосудием». Представляется, что «сделка с правосудием» в общем значении характерна для государств англо-саксонской правовой семьи. Характерными чертами, присущими ей в части исследуемого вопроса, являются:

- 1) полное признание вины подозреваемым (обвиняемым), что свидетельствует о его сотрудничестве со следствием;
- 2) окончательное решение об обоснованности соглашения или сделки принимается прокурором;
- 3) письменная форма соглашения о сотрудничестве.

Кроме перечисленного, имеется и множество отличий. Наиболее существенным из них является то, что в англо-саксонской правовой системе прокурор отказывается от части обвинения взамен на признание подозреваемым (обвиняемым) вины в менее тяжкой части обвинения и сотрудничество со следствием. Одновременно в романо-германской правовой системе прокурор не отказывается от обвинения, а подозреваемый (обвиняемый) полностью признает свою вину и сотрудничает со следствием.

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве в различных его формах действует во многих государствах: США, Канаде, Великобритании, Российской Федерации, Республике Беларусь, Республике Казахстан, Украине и в других странах. В Республике Беларусь в соответствии со ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь) под досудебным соглашением о сотрудничестве понимается соглашение, заключаемое в письменном виде между подозреваемым (обвиняемым) и прокурором, в котором определяются обязательства подозреваемого (обвиняемого) по оказанию содействия предварительному

следствию и условия наступления ответственности подозреваемого (обвиняемого) при выполнении им указанных обязательств¹.

Отметим, что досудебное соглашение о сотрудничестве может быть заключено не всегда. Согласно статье 468-6 УПК Республики Беларусь, досудебное соглашение о сотрудничестве не может быть заключено с лицами, совершившими общественно опасное деяние в состоянии невменяемости; по уголовным делам ускоренного производства; в случае, если содействие подозреваемого (обвиняемого) заключается в сообщении сведений лишь о своем участии в преступной деятельности². Каждое из данных обстоятельств представляется обоснованным, поскольку в первом случае нельзя полностью полагаться на слова лица, не понимающего значение своих действий и неспособного руководить ими, так как это может привести к оговору невиновных лиц; во втором случае это ограничение связано с категориями преступлений (а именно, преступлений, не представляющих большой общественной опасности и менее тяжких преступлений), расследуемым в порядке ускоренного производства; в третьем случае ограничение связано с отсутствием необходимости органа уголовного преследования в получении сведений о противоправной деятельности самого подозреваемого (обвиняемого).

УПК Республики Беларусь установлен следующий порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. Ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве подается подозреваемым (обвиняемым) в письменном виде на имя прокурора. Указанное ходатайство подписывается подозреваемым (обвиняемым), его защитником, а в случае, если подозреваемый (обвиняемый) является несовершеннолетним, – также его законным представителем. На практике же чаще данное ходатайство передается прокурору через следователя.

В ходатайстве о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве подозреваемый (обвиняемый) заявляет о признании

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (общая часть). Закон Респ. Беларусь, 16.07.1999 г., № 295-3; в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 г., № 53-3 // [Электронный ресурс] Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. 05.08.2017. 2/2491.

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (общая часть). Закон Респ. Беларусь, 16.07.1999 г., № 295- ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 г., № 53-3 // [Электронный ресурс] Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. 05.08.2017. 2/2491.

своей вины в совершении преступления, указывает действия, которые он обязуется совершить в целях оказания содействия предварительному следствию в расследовании преступления, изобличении других соучастников преступления, розыске имущества, приобретенного преступным путем, а также действия по возмещению имущественного ущерба, уплате дохода, полученного преступным путем, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного преступлением.

Подозреваемый (обвиняемый) вправе заявить ходатайство после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела и до объявления ему об окончании предварительного следствия. По уголовным делам, по которым заключается досудебное соглашение о сотрудничестве, не может производиться дознание, дело немедленно передается следователю для производства предварительного следствия, а также в данном случае обязательно наличие защитника.

В результате рассмотрения прокурор или его заместитель вправе принять одно из следующих решений: 1) об удовлетворении ходатайства; 2) об отказе в удовлетворении ходатайства. Постановление прокурора или его заместителя об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве обжалованию не подлежит. Это, по нашему мнению, не является правильным в силу причин, связанных с наличием в данном случае субъективного мнения одного должностного лица и невозможностью дачи правовой оценке его решению.

Аналогичный уголовно-процессуальный институт существует в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации¹. Общественные отношения, возникающие и связанные с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, урегулированы главой 40-1 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ). Следует чётко обозначить сходства и различия института досудебного соглашения о сотрудничестве в Республике Беларусь и Российской Федерации.

В частности, глава 40-1 УПК Российской Федерации закрепляет положения, предъявляющие требования к досудебному соглаше-

¹ Гуськова А.П., Пономаренко С.С. Об особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением по российскому уголовно-процессуальному закону // *Российский судья*. 2002. № 10. С. 18-19.

нию о сотрудничестве, а именно, требуются подпись защитника и утверждение мотивированного постановления следователя начальником следственного подразделения. При этом решение прокурора по ходатайству о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, в соответствии с частью 2 статьи 317-2 УПК Российской Федерации, может быть обжаловано следователем, защитником, подозреваемым или обвиняемым. Исходя из анализа данных норм, можно сделать вывод о различии указанных положений УПК Республики Беларусь и УПК РФ.

Согласно статье 69-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь), при выполнении лицом, совершившим преступление, обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве, срок или размер наказания не может превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида основного наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК Республики Беларусь, а в случае совершения лицом тяжкого или особо тяжкого преступления, сопряженного с посягательством на жизнь или здоровье человека, – двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида основного наказания, предусмотренного соответствующей статьей УК Республики Беларусь¹. За преступление, за которое соответствующей статьей УК Республики Беларусь предусмотрены пожизненное заключение или смертная казнь, при выполнении лицом, совершившим преступление, обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве, смертная казнь не применяется.

В рассмотрении данного вопроса считаем необходимым отметить проблемные вопросы относительно введения института досудебного соглашения о сотрудничестве. К таким проблемам, на наш взгляд, относятся:

1) велика вероятность оговора невиновных лиц со стороны подозреваемых или обвиняемых;

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь. Закон Респ. Беларусь, 09.07.1999 г. № 275-3 ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 г., № 53-3 [Электронный ресурс] Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. 05.08.2017. 2/2491.

2) создание коррупционного риска и возможность злоупотребления служебными полномочиями со стороны сотрудников правоохранительных органов;

3) досудебное соглашение о сотрудничестве заключается непосредственно с прокурором, однако прокурор в этом случае действует не как надзорная инстанция, а как сторона обвинения, что нивелирует роль следователя в процедуре заключения соглашения, при этом следователь является процессуально независимой фигурой, а такая ситуация создаёт особую иерархию, поскольку именно прокурор принимает окончательное решение;

4) довольно «специфична» сложившаяся судебная, прокурорская и следственная практика по уголовным делам, в которых с подозреваемыми (обвиняемыми) было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, о чем подробнее будет идти речь ниже.

При этом положительной тенденцией является повышение общего количества заключенных досудебных соглашений о сотрудничестве в Беларуси и в России по сравнению с периодом времени, имевшем место после вступления в законную силу изменений и дополнений в уголовно-процессуальное и уголовное законодательство обоих государств. В доказательство изложенной позиции можно привести объективные криминологические и статистические данные за такие периоды. Например, за период с 2015 по 2017 год Барановичской межрайонной прокуратурой с подозреваемыми и обвиняемыми по уголовным делам досудебные соглашения не заключались (в соответствии с официальным ответом на обращение заместителя Барановичского межрайонного прокурора). В настоящее время имеют место неоднократные досудебные соглашения о сотрудничестве по уголовным делам на районном (городском), областном и республиканском уровнях. При этом в Республике Беларусь такие соглашения заключаются, как правило, только на областном и республиканском уровнях.

Кроме того, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за прошлый год количество досудебных соглашений о сотрудничестве выросло в полтора раза. В количественном измерении это составляет 1 594 осужденных, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве¹.

¹ Число сделок с правосудием выросло в полтора раза [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2013/11/06/sdelki.html>

Изложенное позволяет констатировать обоснованность введения данного уголовного и уголовно-процессуального института в законодательство Беларуси и России, несмотря на наличие вопросов, которые действительно являются предметом полемики. Наиболее острый из них – моральная сторона вопроса, поскольку многих людей волнует вопрос о том, что преступнику назначается более мягкое наказание.

Введение нового уголовно-процессуального института, безусловно, способствует выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений, что является основными задачами, стоящими перед уголовно-процессуальным правом. Наиболее чётко это прослеживается в случаях раскрытия и расследования преступлений, совершённых в соучастии. В случае, если подозреваемый или обвиняемый способствует раскрытию преступления различными способами (указание на соучастников, розыск имущества и т. п.), представляется справедливым, что он может воспользоваться таким правом. На данный факт обратил внимание Конституционный суд Республики Беларусь в своём решении от 26 декабря 2014 года № Р-967/2014, определив, что введение института досудебного соглашения о сотрудничестве направлено на повышение эффективности борьбы с преступностью, в том числе, организованной, полное и оперативное расследование преступлений, расширение возможностей по возмещению причиненного преступлением вреда (ущерба) и обеспечение, тем самым, охраны конституционных прав и свобод человека, прав и законных интересов юридических лиц, общественных и государственных интересов и установленного правопорядка от преступных посягательств¹.

Представляется, что институт досудебного соглашения в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации является более совершенным по сравнению с аналогичным институтом в законодательстве Республики Беларусь. По нашему мнению, это обусловлено более длительным сроком реализации данного института. Данный вывод сделан на основании наличия в УПК

¹ Решение Конституционного суда Республики Беларусь от 26.12.2014 года № Р-967/2014 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь “О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях”».

Российской Федерации права на обжалование решения прокурора по результатам рассмотрения ходатайства о заключении досудебного соглашения и установленной правовой процедуры обжалования. Однако и в Российской Федерации институт досудебного соглашения не является совершенным. Это связано с минимальным вовлечением в процесс заключения соглашения органов предварительного следствия (следователя и начальника следственного подразделения) и не определенным на законодательном уровне процессуальным статусом прокурора при заключении соглашения.

В заключение необходимо сформулировать пути разрешения проблемных вопросов института досудебного соглашения о сотрудничестве, которые, по нашему мнению, помогут решить названные проблемы. К таким предложениям, в частности, относятся:

1) более глубокое вовлечение следователя и начальника следственного подразделения в процедуру заключения досудебного соглашения о сотрудничестве;

2) установление нормы, которая закрепляла бы порядок обжалования решения прокурора как со стороны защитника, подозреваемого или обвиняемого, так и со стороны следователя и начальника следственного подразделения;

3) принятие мер со стороны государства, направленных на предотвращение и пресечение возможных злоупотреблений служебными полномочиями и коррупционных преступлений со стороны сотрудников правоохранительных органов, связанных с осуществлением оперативно-розыскной деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Воронович Т.В. Правовая регламентация заключения досудебного соглашения о сотрудничестве в законодательстве Республики Беларусь [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс».

2. Гуськова А.П., Пономаренко С.С. Об особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением по российскому уголовно-процессуальному закону // Российский судья. 2002. N 10.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (общая часть). Закон Респ. Беларусь, 16.07.1999 г., № 295-З; в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 г., № 53-З [Электронный ресурс] Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. 05.08.2017. 2/2491.

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь. Закон Респ. Беларусь, 09.07.1999 г., № 275-3; в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 г., № 53-3 [Электронный ресурс] Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. 05.08.2017. 2/2491.

5. Решение Конституционного суда Республики Беларусь от 26.12.2014 года № Р-967/2014 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь “О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях”».

6. Число сделок с правосудием выросло в полтора раза [Электронный ресурс]URL:<https://rg.ru/2013/11/06/sdelki.html>

Ходусов Алексей Александрович,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Международного юридического института.

Khodusov A. A.
candidate of law, associate Professor,
head of the Department of criminal law disciplines
International law Institute.

ТРАНСФОРМАЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА В СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

THE TRANSFORMATION OF CRIMINAL LAW IN CONNECTION WITH THE DEVELOPMENT OF DIGITAL TECHNOLOGY

Аннотация. В статье указаны положительные и отрицательные последствия развития цифровых технологий в обществе. Выделены некоторые особенности трансформации уголовного права в связи с развитием цифровых технологий, в том числе, проведен анализ дополнений и уточнений уголовного законодательства в части установления ответственности за преступления в сфере компьютерной ин-

формации. Сформулированы основные причины и факторы соответствующих редакций уголовного закона. Определены перспективы развития уголовного законодательства в связи с развитием цифровых технологий.

Resume. The article describes the positive and negative consequences of the development of digital technologies in society. Some features of the transformation of criminal law in connection with the development of digital technologies are highlighted, including an analysis of additions and clarifications of the criminal law regarding the establishment of liability for crimes in the field of computer information.

The main reasons and factors of the corresponding versions of the criminal law are formulated. The prospects for the development of criminal legislation in connection with the development of digital technologies are determined.

Ключевые слова: цифровые технологии, трансформации, посягательство, мошенничество, критическая информационная инфраструктура.

Key words: digital technologies, transformations, encroachment, fraud, critical information infrastructure.

Под цифровой экономикой, курс на которую проложен в нашей стране, в узком понимании следует подразумевать общественную и экономическую деятельность в рамках информационного поля, цель которой состоит в том, чтобы обеспечить потребности каждого человека в отдельности и всего социума вообще, формируя и используя материальные блага. При этом в качестве основных факторов их производства выступает информация, отображенная в цифровом формате.

Если рассматривать цифровую экономику в более обобщенном понимании, то можно сказать, что она представляет собой структуру предметно-практической экономической деятельности социума. Кроме того, цифровая экономика может рассматриваться как комплекс взаимоотношений, формирующихся в таких областях, как создание, распределение, обмен и использование среди субъектов (речь идет о цифровом потребителе, цифровом здравоохранении, цифровом образовании, цифровой культуре, цифровом предпринимательстве, цифровом государстве, цифровой науке) через применяемые технологии. Подобные технологии представлены дополненной и виртуальной реальностью, аддитивными технологиями (в том числе 3D-печатью), ро-

бототехникой, облачными вычислениями, блокчейном, нейронными сетями, аналитикой значительных объемов информации, искусственным разумом, интернетом вещей и т.д.

«Индустрия 4.0» предусматривает цифровизацию, инфраструктурную и инструментальную базу цифровой экономики. В нашем представлении цифровизация – это не что иное, как процесс перехода к цифровой экономике. Степень влияние цифровизации на хозяйственную деятельность освещена в сотнях научных трудов и публикаций¹, и мнение авторов едино – она огромна. А целью перехода к цифровой экономике является развитие успешных российских технологических компаний, которые будут производить конкурентоспособные на мировом рынке продукты. Их интересы должны быть защищены государством. Само государство при этом предполагает создать условия для внедрения информационных технологий: усовершенствовать законы и убрать административные барьеры.

Цифровые технологии способствуют инновациям, направленным на минимизацию транзакционных издержек, повышают общую эффективность, так как существующие виды деятельности и услуги становятся дешевле, быстрее или удобнее, и обеспечивают интеграцию посредством доступа людей к услугам, недоступным им ранее. Максимальные дивиденды в рамках применения цифровых техноло-

¹ Андреева Л.Ю., Джемаев О.Т. Влияние цифровой экономики на формирование новых трендов на российском рынке труда / Л.Ю. Андреева О.Т. Джемаев // Государственное и муниципальное управление // Ученые записки СКАГС, 2017. № 3. С. 25-32; Измайлова М.А. Влияние цифровой экономики на трансформацию рынка труда и формирование новых моделей бизнеса / М.А. Измайлова // Экономика в промышленности, 2018. № 3. С. 296-304; Рогатных Е.Б. Влияние цифровизации на развитие современной мировой экономики / Е.Б. Рогатных // Экономика и управление: проблемы, решения, 2017. № 11. Т. 5. С. 64-70; Сильванович В.И. Влияние сектора информационно-коммуникационных технологий на современную экономику / В.И. Сильванович / Технологии информатизации и управления. Вып. 3: в 2 кн. Кн. 1 // Сборник научных статей / Под. ред. А.М. Кадан, Е.А. Свирского. Минск: РИВШ. 2017. С. 172-179; Халин, В.Г., Чернова, Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски / В.Г. Халин, Г.В. Чернова // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 46-63 и др.

гий проявляются в высоких темпах экономического роста, более качественных услугах и в большем числе рабочих мест¹.

Вместе с тем, развитие цифровых технологий несет и негативные последствия: появляются новые виды посягательств на объекты уголовной охраны, совершенствуются способы и методы достижения преступных целей, видоизменяется сама сфера совершения противоправных деяний. Задача государства в данной ситуации – обеспечить своевременные изменения и дополнения в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) в целях правовой охраны прав и интересов граждан². Проведенный анализ позволил выделить некоторые особенности трансформации уголовного права в связи с развитием цифровых технологий.

Начиная с 2003 года, в главу 28 УК РФ начали вноситься первые изменения. Так, увеличивался размер штрафа в зависимости от состава преступления, видоизменялись наказания за указанные преступления, уточнялись формулировки диспозиции статей и санкции за совершенные посягательства. К примеру, с декабря 2011 г., согласно УК РФ, в число посягательств в области компьютерных данных включается незаконный доступ к ним (ст. 272). В эту группу посягательств вошли также разработка, применение и распространение компьютерных программ, содержащих вирусы (ст. 273), несоблюдение условий пользования средствами хранения, обработки либо передачи компьютерных данных и информационно-телекоммуникационными сетями (ст. 274)³. До этого Уголовный кодекс содержал такую формулировку: данные на машинных носителях, в электро-вычислительных машинах, системе ЭВМ либо их сетях.

Названные изменения, внесенные в главу 28 Уголовного кодекса, включались хаотично. Время от времени одни санкции статей изменялись, дополнялись или же из них упразднялись одни формы нака-

¹ Зайцев В.Е. Цифровая экономика как объект исследования: обзор публикаций // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 3. С. 112-113.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.11.2019) / Собрание законодательства РФ. 2019. № 44. 4 ноября. Ст. 6175.

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) / СЗ РФ. 2011. № 50. 12 декабря. Ст. 7362.

зания и усиливались другие. При этом следует отметить, что изменения, вносимые в формулировки составов посягательств в области компьютерных данных и их норм, согласно нынешней терминологии и степени развития научно-технического прогресса, представляют собой позитивный фактор реформирования законодательства¹. Очевидно, что имеющиеся на тот момент криминологические реалии и прогнозы не были основой для уточнения УК РФ, а правоприменительная практика и уровень развития интеграционных процессов еще не были достаточными для формирования обоснованных и продуманных изменений в правовом акте. Эта особенность характерна для исследуемого временного периода.

С 2012 года УК РФ дополнен ст. 159.6 об ответственности за мошенничество в сфере компьютерной информации². Введение специального состава мошенничества в сфере компьютерных технологий является свидетельством трансформации отечественного уголовного права. Как указывает В.Б. Мишкин³, это вынужденная мера, связанная с необходимостью реагирования на новые способы совершения преступления и упорядочения судебной практики. Кроме того, есть мнение, что дополнение УК РФ указанной нормой отображает общую тенденцию к либерализации российского уголовного законодательства, особенно в экономической сфере. По мнению автора, причина такого рода изменений УК РФ – развитие общественных отношений и включение в них взаимодействий с использованием персонального компьютера и, как следствие, предупреждение угроз, связанных с хищениями чужого имущества с помощью компьютерных технологий. В данный исторический период введение указанной нормы действительно обосновано и логично.

С середины 2017 г. УК РФ дополнен ст. 274.1 «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Рос-

¹ Жаркова А.А. Об эффективности изменений, вносимых в гл. 28 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Югорского государственного университета. 2015. № 1. (36). С. 103.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ (ред. от 03.07.2016) / СЗ РФ. 2012. № 49. 3 декабря. Ст. 6752.

³ Мишкин В.Б. Смягчение наказания в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Омск. 2013.

сийской Федерации»¹. Указанное дополнение было вызвано обострением международной обстановки, кибершпионажем, развитием идей хактивизма в виде применения компьютерных сетей для продвижения протестных политических идей, в том числе, посредством осуществления целенаправленных компьютерных атак на государственные структуры, а также использованием информационного оружия со стороны враждебно-настроенных государств, в том числе, вредоносных компьютерных программ². Такого рода преступные посягательства являются новыми для российской уголовной правоприменительной практики, что вызывает сложности доказывания факта преступного посягательства. Вероятнее всего в ближайшее время будет внесено немало поправок и уточнений в указанную норму и в УК РФ в целом, которые будут учитывать постоянное видоизменение угроз в сфере компьютерной информации.

Нормативные правовые акты Российской Федерации содержат синонимичные термины, такие как «компьютерная информация», «цифровая информация» и «электронная информация», что неизбежно приводит к определенной путанице в терминологии, в том числе, применяемой в УК РФ. Следует также иметь в виду, что содержание этих понятий, несмотря на их несомненное сходство, имеет и различия. В то же время наиболее полным из этих терминов является именно «цифровая информация», так как в конечном итоге вся информация, используемая в сетях передачи данных и телекоммуникаций, сводится к использованию нулей и единиц в определенной последовательности. Аналогичная нестабильность в трактовке этого понятия наблюдается и в криминологии, где используются термины «компьютерные преступления», «высокие технологии», «компьютерные информационные преступления».

Следует отметить, что в УК РФ и ведомственных правовых актах МВД присутствует тенденция отождествления преступлений, со-

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»: Федеральный закон от 26.07.2017 № 194-ФЗ / СЗ РФ. 2017. № 31 (Часть I). 31 июля. Ст. 4743.

² Маякова А.С., Шелепова С.А. Компьютерные преступления: отдельные вопросы квалификации / Проблемы экономики и юридической практики. 2017. С. 192.

вершаемых в сфере высоких технологий, с преступлениями, совершенными в сфере компьютерной информации¹. Тогда как очевидно, что компьютерная информация сегодня – это сфера применения высоких технологий. Соответственно, можно с большой долей уверенности сказать о том, что развитие общественных отношений, правоприменительная практика и само по себе развитие цифровых технологий в ближайшем времени будут являться факторами внесения соответствующих изменений в УК РФ.

Приходится констатировать, что официальная статистика не имеет достоверных данных по поводу криминалистических свойств посягательств, осуществленных в нашей стране в области пользования и введения компьютерных технологий, их показателей и системы. Это связано с недостатками самой статистики, а также с большим количеством латентных посягательств.

На данный момент стало очевидным, что зависимость функционирования государственной инфраструктуры от процесса информатизации и присоединения России к глобальному информационному пространству будет расти. В связи с этим противозаконные процессы в области нелегального пользования компьютерными технологиями и так называемые киберпреступления будут становиться все более распространенными.

Киберпреступность представляет собой феномен мировой значимости. На ее показатели напрямую влияет степень развития и введения современных информационных технологий в России и сетевого доступа к этим технологиям. Можно сказать, что активное внедрение развития информатизации в нашей стране дает возможность для применения и внедрения компьютерных технологий в выгодных масштабах, а это таит в себе немалую угрозу информационной безопасности страны. Примером в данном случае является киберпреступность в банковском секторе. Видоизменяются также способы совершения преступлений. К примеру, речь может идти о производстве неоригинальных аналогов кредитных и дебетовых пластиковых карт, при помощи которых впоследствии оплачивается приобретение продуктов в розничных сетях и в Интернете. Кроме того, могут предоставляться сведения пластиковых карт, изготавливаться и продаваться скиммеры – приспособления, считывающие информацию с пластиковых карт.

¹Аносов А.В. Понятие преступлений в сфере высоких технологий // Академическая мысль. 2018. № 4 (5). С. 16.

Кроме того, УК РФ будет уточняться и в части конкретизации диспозиций преступлений, не связанных с компьютерной безопасностью, но совершаемых посредством применения возможностей цифровых технологий.

Таким образом, трансформация УК РФ в связи с развитием цифровых технологий характеризуется развитием видового разнообразия преступных посягательств в сфере компьютерной информации. В начале своего развития она имела несистемный и необоснованный характер, но по мере расширения знаний и правоприменительной практики стала иметь актуальный и продуманный характер. Современный этап становления УК РФ в части регулирования ответственности за исследуемый тип преступлений характеризуется наличием уточнений и нововведений, вызванных чаще всего международными угрозами в сфере цифровизации информации. В будущем, вероятнее всего, УК РФ будет также уточняться в связи с развитием правоприменительной практики и цифровых технологий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.11.2019) / СЗ РФ. 2019. № 44. 4 ноября. Ст. 6175.
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) / СЗ РФ. 2011. № 50. 12 декабря. Ст. 7362.
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ (ред. от 03.07.2016) / СЗ РФ. 2012. № 49. 3 декабря. Ст. 6752.
4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»: Федеральный закон от 26.07.2017 № 194-ФЗ / СЗ РФ. 2017. № 31 (Часть I). 31 июля. Ст. 4743.
5. Андреева Л.Ю., Джемаев О.Т. Влияние цифровой экономики на формирование новых трендов на российском рынке труда // Государственное и муниципальное управление // Ученые записки СКАГС, 2017. № 3.

6. Аносов А.В. Понятие преступлений в сфере высоких технологий // Академическая мысль. 2018. № 4 (5).
7. Жаркова А.А. Об эффективности изменений, вносимых в гл. 28 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Югорского государственного университета. 2015. № 1 (36).
8. Зайцев В.Е. Цифровая экономика как объект исследования: обзор публикаций // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 3.
9. Измайлова, М.А. Влияние цифровой экономики на трансформацию рынка труда и формирование новых моделей бизнеса // Экономика в промышленности, 2018. № 3.
10. Маякова А.С., Шелепова С.А. Компьютерные преступления: отдельные вопросы квалификации // Проблемы экономики и юридической практики. 2017.
11. Мишкин В.Б. Смягчение наказания в уголовном праве: Дисс. ...канд. юрид. наук. Омск. 2013.
12. Рогатных Е.Б. Влияние цифровизации на развитие современной мировой экономики / Е.Б. Рогатных // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. № 11. Т. 5.
13. Сильванович, В.И. Влияние сектора информационно-коммуникационных технологий на современную экономику / Технологии информатизации и управления. Вып. 3: в 2 кн. - Кн. 1 / Сборник научных статей / Под. ред. А.М. Кадан, Е.А. Свирского. Минск: РИВШ. 2017.
14. Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски / Управленческое консультирование, 2018. № 10.

Афанасьева Мария Павловна,
аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин
Астраханского государственного университета.

Afanasieva M. P.
postgraduate student of the Department of state
and legal disciplines
Astrakhan state University.

**ПОТЕНЦИАЛ КОНСТИТУЦИОННЫХ (УСТАВНЫХ)
СУДОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В МЕХАНИЗМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ И СВОБОД
ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА (НА ПРИМЕРЕ ПРАВА
НА ДОСТУП К ПУБЛИЧНОЙ СЛУЖБЕ)**

**POTENTIAL OF CONSTITUTIONAL (STATUTORY) COURTS
OF THE RUSSIAN FEDERATION SUBJECTS IN THE
MECHANISM OF REALIZATION OF HUMAN AND CIVIL
RIGHTS AND FREEDOMS
(FOR EXAMPLE, THE RIGHT TO ACCESS A PUBLIC
SERVICE)**

Аннотация. Статья посвящена исследованию некоторых актуальных проблем организации конституционной и уставной юстиции в субъектах Российской Федерации. Автор доказывает, что потенциал указанных органов еще не исчерпан. Более того, они нуждаются в дальнейшем развитии и совершенствовании. Несмотря на устойчивую тенденцию снижения количества дел, рассматриваемых конституционными (уставными) судами субъектов РФ, имеющиеся суды необходимо сохранить и даже, по возможности, учреждать подобные суды в тех субъектах РФ, в которых они пока отсутствуют. Пересмотру должна подлежать правовая основа комплектования состава этих судов и обеспечения их деятельности с материально-финансовой точки зрения.

Abstract. The article is devoted to the study of some pressing problems of the organization of constitutional and constitutional justice in the constituent entities of the Russian Federation. The author proves that the potential of these bodies has not yet been exhausted. Moreover, they need further development and improvement. Despite the steady tendency to reduce the number of cases considered by the constitutional (charter) courts of the constituent entities of the Russian Federation, existing courts must be preserved and even, if possible, establish such courts in those constituent entities of the Russian Federation in which they are not yet available. The legal basis for manning the composition of these courts and ensuring their activities from the material and financial point of view should be subject to revision.

Ключевые слова: правозащитная деятельность судов, суды общей и специальной юрисдикции, конституционное правосудие, уставные суды.

Key words: human rights activities of courts, courts of general and special jurisdiction, constitutional justice, statutory courts.

В отличие от Конституционного Суда РФ органы конституционной и уставной юстиции учреждены фрагментарно, в меньшинстве (не в большинстве) субъектов РФ. Показательно, что Уставной суд есть в г. Санкт-Петербурге¹, но такого суда нет в г. Москве. Изучение практики работы Конституционного Суда Республики Карелия и Уставного суда Санкт-Петербурга показало, что количество дел, рассматриваемых этими судами, в долгосрочной перспективе имеет существенную тенденцию к уменьшению. Аналогичная картина характерна для других российских судов конституционной (уставной) юрисдикции, за исключением Конституционного Суда РФ. Складывается уникальная картина: в Конституционный Суд РФ граждане обращаются все более активно, количество рассматриваемых дел в Конституционном Суде РФ неуклонно растет (в течение десятилетия после конституционной реформы 1993 г. Конституцион-

¹ Авакьян С.А. Заключение специалиста по делу Уставного суда Санкт-Петербурга о толковании отдельных положений статьи 15, подпунктов 10 и 10.1, пункта 2 статьи 42, подпункта 10 пункта 3 статьи 44 и пунктов 1 и 2 статьи 46 Устава Санкт-Петербурга // Актуальные вопросы конституционного правосудия (по материалам Журнала конституционного правосудия). М.: Волтерс Клувер. 2011. С. 843-876.

ный Суд РФ в среднем выносил примерно двадцать постановлений в год, современный Конституционный Суд РФ выносит примерно 40 постановлений в год). В органах конституционной (уставной) юстиции, напротив, количество рассматриваемых дел снижается вплоть до рассмотрения одного-двух дел в течение одного года.

Конечно, мы далеки от мысли, что нужно каким-то образом «стимулировать» обращения граждан, депутатов и других заинтересованных лиц в конституционные (уставные) суды субъектов РФ. Это совершенно недопустимо в демократическом обществе. В суды обращаются лишь тогда, когда это действительно необходимо, причем внесудебные средства правовой защиты исчерпаны или демонстрируют свою очевидную неэффективность¹. Однако если бы отечественное законодательство имело тенденцию к децентрализации², то с течением времени нагрузка Конституционного Суда РФ «переместилась» бы в пользу конституционных (уставных) судов субъектов РФ. Если же большинство общественных отношений регулируется федеральным законодательством, а законы субъектов РФ становятся все менее ощутимыми в правовой системе, фактически не действующими или декоративными, то, естественно, полномочия конституционных (уставных) судов субъектов РФ реализуются недостаточным образом.

Полагаем, что, несмотря на устойчивую тенденцию снижения количества дел, рассматриваемых конституционными (уставными) судами субъектов РФ, имеющиеся суды необходимо сохранить и даже, по возможности, учреждать подобные суды в тех субъектах РФ, в которых они пока отсутствуют. Пересмотру должна подлежать правовая основа комплектования состава этих судов и обеспечения их деятельности с материально-финансовой точки зрения³. Если конститу-

¹ Гошуляк В.В. Граждане и их объединения как субъекты права обращения в конституционные (уставные) суды субъектов РФ: недостатки правового регулирования // Российская юстиция. 2013. № 6. С. 38-40.

² Якадин Д.Д. Юридическое делегирование полномочий в ракурсе централизации и децентрализации государственной власти (заметки на страницах Отчета Федерального Собрания России о 20-летнем развитии отечественного законодательства) // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1 (25). С. 358.

³ Цалиев А.М. Цели, задачи конституционных (уставных) судов и вопросы их формирования // Российский юридический журнал. 2003. № 3. С. 7. Овчинников В.А. О формировании Уставного суда Санкт-Петербурга //

ционный (уставный) суд состоит из трех судей и рассматривает одно дело в год, выплата денежного содержания этим трем судьям, на наш взгляд, – «непростительная роскошь» для субъектов РФ, особенно тех из них, которые являются дотационными (в таких регионах фактические издержки переносятся на федеральную власть).

Такие судьи должны осуществлять полномочия на непостоянной основе аналогично депутатам законодательных (представительных) органов субъектов РФ, получать денежное вознаграждение за реальную судебную нагрузку, а не за наличие самого статуса судьи. Комплектоваться такие судьи могли бы, например, из числа профессоров права региональных университетов, а также работников юстиции в отставке. Конечно, гарантии независимости судей здесь будут меньшими, чем в случае с профессиональной юстицией, но это, на наш взгляд, лучше, чем регулярно платить из региональной казны денежные средства за фактически «отсутствующую» деятельность.

Роль конституционных и уставных судов федерального и регионального уровней в механизме защиты конституционного права граждан на равный доступ к государственной службе предопределяется юридической возможностью блокирования воли законодателя, который нарушил требования ст. 32 Конституции РФ вследствие каких-либо причин. Понимание законодателя как субъекта, который может считаться правонарушителем, с конституционно-правовой точки зрения, – сравнительно новая концепция, которую было сложно представить в советской или царской России. Традиционные принципы законности и правопорядка не просто опирались на презумпцию конституционности закона: закон вообще нельзя было поставить под сомнение¹. Сегодня в России действует лишь презумпция конституционности закона. Законодатель априори не считается субъектом правомерного поведения, его деятельность может оцениваться конституционным или уставным правосудием негативно вплоть до признания законодательного акта противоправным, потому не действующим и не подлежащим применению.

Конституциональная (уставная) юстиция в субъектах Российской Федерации: концепция и проблемы реализации. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2005. С. 118.

¹ Станкин А.Н. Конституционность и законность как проявления верховенства конституции и закона // Вестник Саратовской государственной академии права. 2007. № 1. С. 36-42. Бланкенагель А. Конституционность закона или законность конституций? // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 3. С. 69.

Защита конституционных прав и свобод Верховным Судом РФ, судами общей юрисдикции и арбитражными судами, разумеется, не исключается¹. Фактически именно эти суды в большинстве случаев эффективно защищают нарушенные права граждан. Но в отличие от судов конституционной и уставной юстиции они, во-первых, полностью связаны нормами законодательства (суд при сомнениях вправе лишь приостановить производство по делу и направить запрос в Конституционный Суд РФ, по своей воле он не может объявить действующий закон неконституционным), во-вторых, они первоначально исследуют фактические обстоятельства дела, лишь затем – юридические (конституционное и уставное правосудие во всех случаях, когда это входит в компетенцию других органов, воздерживается от установления фактических обстоятельств дела; данные суды разрешают преимущественно «вопросы права», не «вопросы факта»)².

Сказанное позволяет сделать вывод, что полноценная защита конституционных прав и свобод невозможна по воле одних лишь органов конституционной (уставной) юстиции. Если действующий закон конституционен и не нарушает права граждан, такой закон подлежит применению Верховным Судом РФ и судами общей юрисдикции. Защита нарушенного или оспариваемого права осуществляется вследствие правомерного закона, вмешательства органов конституционной или уставной юстиции не требуется. Если же законодательство необоснованно ограничивает (т.е. нарушает) конституционное право, правозащитная функция возлагается одновременно на суды конституционной (уставной) и общей юрисдикции. Каждому из них отводится своя роль в правозащитном механизме.

Для обращения в Конституционный Суд РФ с жалобой гражданину необходимо соблюдение условия предварительного рассмотрения его дела в каком-либо суде. Таким образом, первой стадией данного процесса является обращение в суды общей юрисдикции (вследствие действующего процессуального законодательства арбитражные суды не рассматривают обращения государственных служа-

¹ Басова Т.Б. Уголовно-правовая защита конституционного права граждан России на равный доступ к публичной службе / Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект. 2007. С. 472.

² Моисеев Е.А. Конституционно-правовой механизм защиты права граждан Российской Федерации на равный доступ к государственной службе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 3. С. 212.

щих на нарушение их права на равный доступ к государственной службе). Если суд выносит решение против интересов гражданина, у последнего возникает право обратиться с жалобой в Конституционный Суд РФ. Если суд общей юрисдикции, напротив, считает, что право заявителя на равный доступ к службе нарушено законом вопреки нормам действующей Конституции РФ, то он несет публично-правовую обязанность приостановить производство по делу и направить запрос в Конституционный Суд РФ¹.

Вторая стадия исследуемого процесса состоит в разбирательстве в Конституционном Суде РФ. Однако, если защита права граждан на равный доступ к государственной службе осуществляется по запросам государственных органов в порядке абстрактного нормоконтроля (в отличие от жалоб граждан и запросов судов в процедуре конкретного контроля), то эта стадия будет первой, не второй. Если, например, в целях реализации ст. 32 Конституции РФ в Конституционный Суд РФ обращается Президент РФ, депутаты Государственной Думы или законодательный (представительный) орган субъекта РФ, предварительное рассмотрение в судах общей юрисдикции не требуется. Процедура защиты нарушенного или оспариваемого права граждан на равный доступ к государственной службе начинается с момента подачи запроса в Конституционный Суд РФ (первая стадия).

В зависимости от того, кто явился инициатором обращения в высший судебный орган конституционного правосудия (гражданин в форме жалобы или государственный орган в форме запроса), оспариваемое и нарушенное право может считаться защищенным не во всех случаях, когда состоялось и вступило в законную силу постановление Конституционного Суда РФ. Если в Конституционный Суд РФ поступил запрос государственного органа в порядке абстрактного нормо-

¹ Елинский А.В. Форма оспариваемого акта как критерий допустимости его проверки в процедуре конституционного судопроизводства по жалобам граждан и запросам судов в части вопросов, касающихся уголовно-правовой сферы // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 2. С. 13-17. Филиппова А.А. Институт конституционной жалобы как средство защиты прав и свобод человека и гражданина в Конституционном Суде Российской Федерации / Российское правоведение: Трибуна молодого ученого: Сборник статей. Вып. 14. Томск: Изд-во Том. ун-та. 2014. С. 29-30.

контроля¹, то фактические обстоятельства конкретного дела могли и не устанавливаться. Важно, что субъект права запроса обнаружил конституционный деликт в противоправном законодательном регулировании, доказал это в Конституционном Суде РФ и добился, таким образом, восстановления нарушенных прав. В порядке абстрактного нормоконтроля процесс защиты оспариваемого или нарушенного права начинается с первой стадией рассмотрения в Конституционном Суде РФ и этой же стадией заканчивается. Верховный Суд РФ и суды общей юрисдикции в данном процессе участия не принимают. Однако они обязаны в будущем учесть правовую позицию Конституционного Суда РФ вплоть до пересмотра обыкновений правоприменительной практики. Норма закона подлежит применению судами общей юрисдикции в том истолковании, которое считает корректным Конституционный Суд РФ.

Иная картина характерна для случаев, когда в Конституционный Суд РФ обращаются граждане с жалобами и суды с запросами в порядке конкретного нормоконтроля. В этом случае правозащитный процесс охватывает три стадии рассмотрения дела: 1) в суде общей юрисдикции (чтобы возникло право на обращение в Конституционный Суд РФ); 2) в Конституционном Суде РФ (для признания оспариваемой нормы закона неконституционной или ее интерпретации в благоприятном для заявителя смысле); 3) повторно в суде общей юрисдикции (который пересматривает дело по новым или вновь открывшимся обстоятельствам с учетом занятой Конституционным Судом РФ правовой позиции). Права заявителя не могут быть полностью защищены одной лишь правовой позицией Конституционного Суда РФ. Требуется пересмотр конкретного дела в суде общей юрисдикции.

Уникальность содержания конституционного права граждан на равный доступ к государственной службе требует преимущественно конституционной формы защиты, причем в этом процессе могут участвовать суды общей юрисдикции в качестве первоначальной и заключительной инстанции. Эти положения точно не регламентируются ГПК РФ и КАС РФ, поскольку находятся в сфере конкуренции с конституционным судебным процессом, который регламентируется процессуальной частью Федерального конституционного закона «О

¹ Молотов А.В. Абстрактный и конкретный судебный конституционный нормоконтроль в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень. 2003. С. 8-9.

Конституционном Суде Российской Федерации». Данная практика устойчиво сложилась в современной России, о чем свидетельствуют не только резолютивные части соответствующих постановлений Конституционного Суда РФ, но и дела о разъяснении предыдущих правовых позиций конституционного правосудия. Однако эта практика не нашла своего выражения в процессуальном законодательстве.

Первичное рассмотрение дела в суде принято именовать первой инстанцией. Кроме нее существуют апелляционная, кассационная и надзорная инстанции. Пересмотр дел возможен по новым и вновь открывшимся обстоятельствам (это тоже своего рода инстанция). Однако каким образом квалифицировать судебные инстанции в случае, если в правозащитный процесс включается Конституционный Суд РФ на основании жалобы гражданина или запроса суда? Юридически производство в суде общей юрисдикции приостанавливается или возобновляется (при запросе суда), прекращается и возбуждается (при жалобе гражданина). Фактически это единый юрисдикционный процесс, который нуждается в соответствующем правовом регулировании. Для этого необходимо согласование судебно-процессуальных норм: с одной стороны, Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», с другой – ГПК РФ и КАС РФ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Авакьян С.А. Заключение специалиста по делу Уставного суда Санкт-Петербурга о толковании отдельных положений статьи 15, подпунктов 10 и 10.1, пункта 2 статьи 42, подпункта 10 пункта 3 статьи 44 и пунктов 1 и 2 статьи 46 Устава Санкт-Петербурга // Актуальные вопросы конституционного правосудия (по материалам Журнала конституционного правосудия). М.: Волтерс Клувер. 2011. С. 843-876.

2. Басова Т.Б. Уголовно-правовая защита конституционного права граждан России на равный доступ к публичной службе / Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект. 2007.

3. Бланкенгель А. Конституционность закона или законность конституции? // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 3.

4. Гошуляк В.В. Граждане и их объединения как субъекты права обращения в конституционные (уставные) суды субъектов РФ: недостатки правового регулирования // Российская юстиция. 2013. № 6.

5. Елинский А.В. Форма оспариваемого акта как критерий допустимости его проверки в процедуре конституционного судопроизводства по жалобам граждан и запросам судов в части вопросов, касающихся уголовно-правовой сферы // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 2.

6. Моисеев Е.А. Конституционно-правовой механизм защиты права граждан Российской Федерации на равный доступ к государственной службе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 3.

7. Молотов А.В. Абстрактный и конкретный судебный конституционный нормоконтроль в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень. 2003.

8. Овчинников В.А. О формировании Уставного суда Санкт-Петербурга / Конституциональная (уставная) юстиция в субъектах Российской Федерации: концепция и проблемы реализации. СПб.: Изд-во СЗАГС. 2005.

9. Станкин А.Н. Конституционность и законность как проявление верховенства конституции и закона // Вестник Саратовской государственной академии права. 2007. № 1.

10. Филиппова А.А. Институт конституционной жалобы как средство защиты прав и свобод человека и гражданина в Конституционном Суде Российской Федерации / Российское правоведение: Трибуна молодого ученого: Сборник статей. Вып. 14. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014.

11. Цалиев А.М. Цели, задачи конституционных (уставных) судов и вопросы их формирования // Российский юридический журнал. 2003. № 3.

12. Якадин Д.Д. Юридическое делегирование полномочий в ракурсе централизации и децентрализации государственной власти (заметки на страницах Отчета Федерального Собрания России о 20-летнем развитии отечественного законодательства) // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1 (25).

Михайлов Юрий Иванович,
доцент кафедры теории права
и государственно-правовых дисциплин
Международного юридического института.

Mikhaylov Yu. I.
associate Professor of the Department of legal theory
and state legal disciplines
of the International law Institute.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

HUMAN RIGHTS PROTECTION MECHANISMS

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся международных механизмов защиты прав человека и возможности их использования Российскими гражданами в случаях нарушений прав человека.

Abstract. The article deals the questions concerning international mechanisms of human rights protection and possibility of their use by Russian Federation citizens in cases of human rights violations.

Ключевые слова: права человека; нарушения; механизм защиты; комитет; суд.

Key words: human rights; violation; protection mechanisms; a committee; a court.

Необходимость в создании действующих современных международных механизмов защиты прав человека возникла после жестокой и кровавой войны с фашизмом и японским милитаризмом. В современных условиях действуют несколько международных механизмов, защищающих права человека: в рамках двух международных организаций ООН и Совета Европы, в которых граждане России могут реализовать своё право на защиту. Есть и другие механизмы для защиты прав человека, являющиеся региональными, это межамериканская и африканская. В статье кратко уделено внимание только механизмам защиты в рамках ООН и Совета Европы.

Всеобщая система защиты прав человека, которая была создана в рамках ООН, начала функционировать не сразу с момента создания ООН, а после принятия ряда важнейших международных правовых актов – Всеобщей декларации прав человека в 1948 году, Международного Пакта о гражданских и политических правах 1966 года, вступившим в силу в 1976 году (далее - Пакт), которые стали обязательными актами, обеспечивающими и признающими необходимость защиты.

Обращаться за защитой нарушенных прав становилось возможным, если нарушения входили в перечень защищаемых Пактом прав. В соответствии с механизмом, предусмотренном Пактом, любой гражданин России может обратиться в Комитет по правам человека ООН за защитой и получить её при условии, если Комитет по правам человека ООН имеет компетенцию принимать и рассматривать жалобы от лиц, ставших жертвами нарушения какого-либо из прав, изложенных в Пакте. Россия обязалась выполнять требования международных актов и отвечать за нарушения прав человека, предусмотренных Пактом, которые произошли после 1 января 1992 года. Обращаясь в Комитет по правам человека за защитой, заявитель жалобы и государство представляют письменные материалы, по которым дела в последующем рассматриваются в закрытых заседаниях при условии, что заявители являются гражданами стран-участниц Пакта. Рассмотрев жалобу, если она является приемлемой, Комитет выносит решение, в котором о имеющемся нарушении сообщается государству-нарушителю с указанием необходимости устранения данного нарушения. Все решения, вынесенные Комитетом по правам человека ООН, не имеют механизма обеспечения их исполнения, поэтому государства-нарушители практически их могут не исполнять, что свидетельствует о низкой эффективности использования этого механизма. Поэтому подтверждать конкретными примерами эффективность данного механизма в статье не считаем необходимым.

Наиболее эффективным механизмом защиты прав человека является система, сформированная в рамках Совета Европы, которая устанавливает и обеспечивает обязательность исполнения решений. Эта система образована на основе Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод в 1950 году и вступила в силу в 1953 году. В настоящее время Конвенция для России действует в новой редакции с момента её ратификации 30 марта 1998 года (№ 54-ФЗ), в последующем ставшая основанием для принятия Россией обязатель-

ства быть под юрисдикцией Европейского Суда по правам человека. Обращения с жалобами в Европейский Суд по правам человека можно подавать только в соответствие с Конвенцией и её протоколами по предусмотренным и гарантируемым в ней правам и свободам.

За период осуществления деятельности Европейским Судом в течение 60 лет с 1959 года неоднократно происходили изменения в работе Суда. До 1 октября 1994 года первоначально рассматривала жалобы Комиссия и затем принимала решение об их передаче в Суд. После 1 октября 1994 года по 1 ноября 1998 года заявители получили доступ в Суд, если усилия комиссии признавались безрезультатными. И с 1 ноября 1998 года Суд начал работать на постоянной основе (ранее один раз в месяц собирался на недельную сессию).

В связи с произошедшими изменениями активность Суда качественно повысилась. За период своего существования ЕСПЧ вынес более 43 000 правовых решений (на 1 января 2018 года), основное количество из которых было вынесено за последние два десятилетия. В 2018 году россияне пожаловались в ЕСПЧ больше 12 000 раз, а судьи вынесли против России решения по 248 российским делам и признали нарушения в 238 из них. Для сравнения примеры: решения по жалобам граждан Турции в 2018 году – 146, по жалобам граждан Украины – 91 решение, по жалобам граждан Румынии – 82 решения, по жалобам граждан Венгрии – 38 решений. Достаточно большое количество жалоб от граждан России свидетельствует об их высоком уровне доверия к механизму защиты своих прав через ЕСПЧ.

На данный момент Европейский Суд по правам человека состоит из 47 судей, которые избраны из стран, являющихся членами Совета Европы. Деятельность Суда осуществляется через органы, сформированные в Суде: Комитеты, Палаты и Большую Палату. Первоначально жалобы о возможности их принятия рассматриваются в Комитете, решения которого окончательны, и их нельзя обжаловать. Если для рассмотрения в Комитете жалоба является неприемлемой, то она передаётся в Палату. Президент Европейского Суда возглавляет Большую Палату, которая состоит из 17 судей. Она в соответствии с предоставленными ей полномочиями рассматривает следующий круг вопросов: осуществляет пересмотр решений в порядке апелляции, если нет согласия сторон с решением Палаты, принимает к рассмотрению те обращения, при разрешении которых имели место отступления и противоречия с прецедентами Европейского Суда, а также рассматривает межгосударственные жалобы. Решения Европейского Суда яв-

ляются обязательными для государств, являющихся членами Совета Европы, их исполнение обеспечивается Комитетом Министров Совета Европы. За период многолетней деятельности Европейского Суда практически все судебные решения исполнялись. Если решение не исполняется, то приостанавливается членство государства в Совете Европы.

Решения Суда, воздействуя на национальное право и судебную практику, имеют большое практическое значение не только для государства, являющегося ответчиком по делу, так как оно юридически обязательно для него, но и для других государств, являющихся участниками Конвенции 1950 года. Россия, исполняя обязательства, предписываемые Судом, за последние годы внесла существенные изменения в своё законодательство и административную практику. Решения Суда оказывают влияние и на Российскую уголовно-исполнительную систему, воздействуя на реформирование некоторых аспектов судопроизводства и исполнения решений судов. В современных условиях иногда складываются обстоятельства, когда возникает вопрос, должна ли Россия принимать к исполнению те решения ЕСПЧ, которые идут в разрез с Конституцией России. Например, в 2015 году группа депутатов Госдумы России обратилась в Конституционный Суд Российской Федерации по делу ЮКОСа и делу Анчугова и Гладкова, касающихся запрета участвовать в выборах для всех лиц, отбывающих срок лишения свободы. По указанным выше обращениям Конституционный Суд России решил, что Россия, в порядке исключения, может отступить от исполнения возлагаемых на неё обязательств, если такое отступление является единственным возможным способом избежать нарушения основополагающих конституционных принципов.

Подводя итог вышеизложенному, можно констатировать, что в современных условиях сформировались достаточно эффективные механизмы защиты прав человека. Осуществляя защиту прав человека в рамках системы ООН, необходимо учитывать, что решения, выносимые по делу, не являются обязательными для государств и рассмотрение жалоб занимает длительное время (от 4 до 6 лет). Исполнение решений при использовании механизма защиты прав в рамках системы ООН не имеет какого-либо механизма обеспечения, и это даёт возможность государствам не исполнять решения по делу, и заставить их исполнить решения невозможно, соответственно, и назвать эффективным этот механизм защиты прав человека невозможно. А вот дру-

гой механизм защиты прав человека в рамках Совета Европы является уникальным по компетенции и географическому охвату. Около 800 миллионов человек в сорока семи странах Совета Европы, в том числе, и российские граждане, сегодня могут осуществить защиту, обратившись в Европейский Суд по правам человека с жалобами на нарушения важнейших прав. Суд своими решениями в настоящее время воздействует на национальное право практически всех государств-участниц этой системы защиты, вырабатывая стандарты защиты прав человека. Суд работает как дополнительная инстанция, так как главная роль эффективной защиты прав человека принадлежит национальным властям государств, являющихся участниками Конвенции 1950 года.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Устав Организации Объединенных Наций // Действующее международное право. В 3 т. / сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Издательство Московского независимого института международного права, 1999. Т. 1. С. 7–34.
2. Устав Совета Европы 1949 года // СЗ РФ. 1997. № 12. Ст. 1390.
3. Всеобщая декларация прав человека 1948 г. // Действующее международное право. В 3 т. / сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Издательство Московского независимого института международного права, 1999. Т. 2. С. 5–11.
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и Протоколы к ней. (№ 54-ФЗ от 30 марта 1998 г.) // Действующее международное право. В 3 т. / сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Издательство Московского независимого института международного права, 1999. Т. 2. С. 108–139.
5. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. // Действующее международное право. В 3 т. / сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Издательство Московского независимого института международного права, 1999. Т. 2. С. 21–39.
6. Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах // Действующее международное право. В 3 т. / сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Издательство Московского независимого института международного права, 1999. Т. 2. С. 39–43.

Фадеева Екатерина Валерьевна,
преподаватель кафедры гуманитарных и естественных наук
филиала ДИНО государственного университета «ДУБНА».

Fadeeva E.V.

Lecturer Department of Humanities and Natural Sciences
branch of DINO State University "DUBNA".

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

EVOLUTION OF TERRITORIALITY IN THE INTERNATIONAL SYSTEM

Аннотация. В статье представлен анализ факторов, хода и последствий исторической эволюции территориальности в глобальной системе международных отношений. Автор приходит к выводу, что в биполярный и ещё более явственно в постбиполярный периоды оформился новый тип территориальности глобальной системы, который, с одной стороны, относительно эффективно снижает проявления межгосударственных территориальных конфликтов, но с другой – блокирует практически любые формальные изменения территориальной юрисдикции даже в тех случаях, когда они обоснованы, конструктивны и объективно необходимы для обеспечения нормального развития оспариваемых территорий и одобряются их населением.

Annotation. The article presents analysis of factors, course and outcomes of historic evolution of territoriality in the global international system. The author comes to a conclusion that in bipolar and even more vividly in post-bipolar period a new type of global system's territoriality emerged that, on the one hand, relatively efficiently decreases manifestations of interstate territorial conflicts but, on the other, blocks almost any formal changes in territorial jurisdiction even in cases when such changes are justified, constructive and actually necessary for normal development of contested territories and are approved by its population.

Ключевые слова: территориальность, международная система, конфликт, эволюция, статус, нормативные механизмы, территориальная целостность.

Key words: territoriality, international system, conflict, evolution, status, normative mechanisms, territorial integrity.

В основе классической системы международных отношений, состоящей из суверенных национальных государств, лежит особый принцип территориальной организации, а именно, принцип эксклюзивного контроля и управления территорией со стороны единственной для неё инстанции верховной власти. Процесс кристаллизации подобной международной системы, отправной точкой которого принято считать Вестфальский конгресс 1648 г., происходил под влиянием отказа от универсалистских внетерриториальных властных механизмов в пользу партикулярных, то есть территориально ограниченных структур, и потому был неразрывно связан с установлением исключительной юрисдикции правящих монархов над относительно чётко очерченной территорией¹. Государственный суверенитет в этой системе получил обязательное эксплицитное территориальное укоренение². Однако суверенизация как становление полноценных суверенных государств не произошла одновременно в масштабе всей глобальной системы в целом, а представляла собой поступательный длительный процесс, продолжающийся в некотором смысле и в наше время.

Указанные исходные параметры задали во многом дальнейшую системную динамику: в классической международной системе территория превратилась в базовый системный ресурс, определяющий статус государств, а потому выступающий предметом перманентного межгосударственного соперничества; главным компонентом силового потенциала государств стала военная сила как инструмент завоевания и поддержания контроля над территорией, а основной движущей силой, определяющей баланс силового потенциала в системе и его перераспределение, оказались территориальные конфликты между государствами³. Поэтому история международных отношений долгое время представляла собой историю множественных локальных и региональных войн, выливавшихся в передел оспариваемых территорий.

¹ Kratochwil F. Of systems, boundaries, and territoriality. An inquiry into the formation of the state system // *The Puzzles of Politics Inquiries into the genesis and transformation of international relations*. Abingdon. Routledge. 2010. P. 223. ; Ruggie J. G. *Territoriality and Beyond: Problematizing Modernity in International Relations* // *International Organization*. 1993. Vol. 47, No. 1. P. 150.

² Brenner N. Beyond state-centrism? Space, territoriality, and geographical scale in globalization studies // *Theory and Society*. 1999. Vol. 28. P. 45-46.

³ Zacher M.W. *The Territorial Integrity Norm: International Boundaries and the Use of Force* // *International Organization*. 2001. Vol. 55, No. 2. P. 217.

При этом власть государства в отношении территории обуславливалась исключительно способностью поддерживать контроль и осуществлять управление нею. Формы такого контроля варьировали в широком диапазоне и допускали различную степень автономии и зависимости. Однако они не требовали какого-либо единообразного нормативного обоснования и обуславливались, по сути, только лишь политической волей государственной власти или же признанными межгосударственными обязательствами.

Такой тип территориальности непосредственно сказывался на особенностях функционирования системы международных отношений, с одной стороны, повышая её волатильность и неустойчивость к колебаниям силовых потенциалов акторов, а с другой, позволяя быстро адаптироваться к изменениям баланса сил. Системный ресурс мог перераспределяться и аккумулироваться сравнительно легко, не затрагивая при этом структурных основ системы как таковой.

Именно такая модель была заложена в теории политического реализма и доведена до предельной степени абстракции в рамках неореализма Кеннета Уолтца. Правда, представители этой наиболее влиятельной международно-политической теории принимали подобную модель как данность, закономерный результат естественной логики политического развития общества и нормальное состояние имманентно анархичной международной среды и не учитывали то обстоятельство, что эта модель сформировалась во вполне конкретных и далеко не гарантированных условиях превалирования определённого типа территориальной организации системы, причём никак не статичного, а подверженного формальной и сущностной эволюции.

Данная эволюция была обусловлена несколькими факторами. Во-первых, становление и усиление ограниченного круга великих держав в течение XVIII века привело к относительной стабилизации существующего статус-кво, сужению возможностей для произвольных территориальных переделов, повышению их практической цены и, как следствие, возрастанию масштабов и интенсивности территориальных конфликтов в системе. Из локальных, ограниченных и краткосрочных войн, вернее даже точечных столкновений с быстрой фиксацией результата, они превратились в длительные противостояния, выливающиеся в войны континентального, а затем и мирового масштабов.

Во-вторых, развитие юридической и общественной мысли позволяло сформулировать аргументы, обосновывающие легитимность

принадлежности конкретной территории тому или иному государству, а затем и выработать нормативные основы территориального регулирования системы в целом¹. И великие державы, и противостоящие им силы стремились подкрепить свои территориальные претензии как можно более чёткими правовыми основаниями и лишить таковых своих оппонентов. Кроме того, распространение демократических идей, а затем и идей национализма создало увязку между государственной принадлежностью территории и политическими или этническими характеристиками её населения. Благодаря этому, с одной стороны, ограничивались возможности для произвольных территориальных изменений, не подкреплённых какими-либо нормативными доказательствами их легитимности, а с другой, открывались пути для радикального слома существующего территориального порядка как такового и делегитимации ведущих субъектов международной системы – европейских империй – как класса.

И в-третьих, по мере углубления технического прогресса и порождённых им качественных изменений в социально-экономической жизни обществ прямой контроль над территорией с помощью военной силы утрачивал роль главного и единственного системного ресурса. Конкуренция между государствами охватывала новые сферы, в первую очередь, экономическую и информационную, которые представляли рычаги для осуществления неформального и непрямого влияния на те или иные территории без изменения их политической юрисдикции.

Ещё одним побочным следствием кристаллизации нормативного, идеологического и экономического измерений международной системы стали расширение и диверсификация её субъектов. Если территория уже не является единственным и эксклюзивным системным ресурсом, то и территориальные государства также не могут выступать единственными и эксклюзивными её акторами.

Кардинальная трансформация типа территориальности международной системы произошла по результатам обеих мировых войн. Масштаб принесённых ими бедствий и разрушений заставил мировую политическую элиту создать нормативные механизмы, максимально блокирующие возникновение и расширение территориальных конфликтов. Они включали в себя, во-первых, утверждение принципов территориальной целостности государств и недопустимости измене-

¹ Zacher M.W. op. cit. P. 217.

ния государственных границ силовым путём в качестве фундаментальных основ международного права, во-вторых, образование ряда процедур и инстанций, призванных обеспечить мирное разрешение возникающих территориальных споров, а в-третьих, выработку ряда политико-правовых инструментов, призванных обеспечить защиту национальных меньшинств с целью лишить их мотивации к ирредентизму¹.

В довершение картины: послевоенная система международных отношений претерпела несколько волн суверенизации зависимых территорий, итогом которых стала универсализация государственного суверенитета как единственной формы политической организации территории по всему миру, а не только в рамках европейского ядра, как это было ранее. В результате, к моменту окончания холодной войны спектр дифференциации территориальных режимов в глобальной системе сократился до минимума.

Это имело ряд последствий для организации и функционирования глобальной системы. Прежде всего, нормативная легитимизация и фиксация послевоенных границ в Европе существенно снизила конфликтный потенциал ядра глобальной системы и свела к минимуму вероятность возникновения прямых территориальных конфликтов между великими державами на европейском континенте. Поэтому bipolarный период при всей остроте идеологической конфронтации и блокового противостояния так и не обернулся прямым столкновением ведущих системных центров силы и системной войной, как это происходило в предшествующие исторические эпохи. А единственный проблемный вопрос, который можно признать косвенным территориальным конфликтом, а именно вопрос о контроле над Западным Берлином, нашёл решение в виде стабилизации статус-кво в условиях, когда острота противоречия грозила прямым столкновением.

Подобный эффект стабилизации в гораздо меньшей мере проявился на периферии глобальной системы. В различных регионах Азии и Африки, где границы между государствами зачастую оставались в наследство от колониальной зависимости и устанавливались в значительной мере внешними акторами, территориальные конфликты вспыхивали регулярно. Провозглашение и признание политической независимости бывших колониальных владений европейских империй

¹ Anstis S. C. St. J, Zacher M. W. The Normative Bases of the Global Territorial Order // *Diplomacy & Statecraft*. 2010. Vol. 21, No. 2. P. 308.

усиливало конфликтный потенциал соответствующих региональных систем, поскольку новосозданные суверенные государства стремились утвердить свой суверенитет над сопредельными территориями, а их завоевательские «аппетиты» уже не сдерживались внешними игроками. Если добавить к этому довольно высокий уровень милитаризации некоторых регионов, где преодоление колониальной зависимости приняло характер вооружённой борьбы, разворачивание в этих регионах территориальных конфликтов видится закономерным и даже в чём-то неизбежным процессом.

Тем не менее, нельзя сказать, что сформированные универсальные нормативные принципы и механизмы не оказали на данные регионы никакого влияния, и в них сохранялся тот же тип территориальности, что и в классической анархической международной системе Вестфальского типа. Страны мировой периферии активно использовали существующие процедуры мирного разрешения споров для разрешения сложившихся территориальных противоречий между ними и подкрепляли свои территориальные претензии теми или иными историческими, юридическими и социокультурными аргументами. Фактический контроль на основании «права силы» нигде не считался исчерпывающим обоснованием тех или иных территориальных притязаний.

Делегитимация территориальных приобретений, осуществлённых военно-силовым путём, стала повсеместной¹. Благодаря этому, в биполярный период при номинальном наличии немалого числа территориальных конфликтов процент передела территорий по результатам таких конфликтов сократился более чем в два раза по сравнению с предыдущими историческими эпохами².

Таким образом, утверждение принципов территориальной целостности государств и недопустимости силового изменения границ имело неоспоримый стабилизирующий эффект для системы международных отношений. Кроме того, это привело к снижению (но не к полному исчезновению) роли территории как главного и исключительного системного ресурса и, как следствие, уменьшению значения военной силы при оценке силового потенциала акторов и при определении их статусных характеристик в системе. Дистрибутивное изме-

¹ Goertz G., Diehl P.F., Balas A. The Puzzle of Peace. The Evolution of Peace in the International System. Oxford University Press, 2016. P. 105

² Такие данные приведены в Zacher M.Z. The Territorial Integrity Norm: International Boundaries and the Use of Force // International Organization. 2001. Vol. 55, No. 2. P. 218.

рение глобальной системы в целом подверглось значительной релятивизации.

Однако при более нюансированном рассмотрении выясняется, что данные тенденции нельзя квалифицировать как сугубо положительные. Блокирование прямых территориальных переделов не привело к полному отказу акторов от борьбы за контроль над номинально чужими территориями, но перевело её в режим негласной конкуренции с помощью не прямых средств контроля, в том числе, руками формально самостоятельных, но на деле зависимых игроков (так называемых прокси). Непосредственным следствием этого стало возрастание числа внутренних конфликтов, преимущественно этнополитического и идентификационного характера, масштаб и степень насилия в которых не ограничены и не отрегулированы так, как в случае конфликтов между государствами. Невозможность изменения правового статуса территорий подобных конфликтов в договорном, согласованном, эксплицитном порядке внешними игроками выливается в их многолетнее пребывание в режиме «серой зоны» без эффективных механизмов управления вплоть до деградации целых государств до уровня политической недееспособности. Это не только порождает ряд вызовов для сопредельных с такими «серыми зонами» государств, но и несёт угрозу региональной, а иногда и глобальной безопасности. Пролиферация негосударственных форм насилия снижает управляемость глобальной системы в целом и во многом обесценивает международно-правовые механизмы регулирования, созданные в послевоенную эпоху для снижения межгосударственной конфликтности.

Другим важным последствием становления подобных механизмов является размывание параметров дистрибутивного измерения международной системы. В условиях, когда военная сила уже не выполняет функцию основного компонента силового потенциала акторов и не может считаться достаточным критерием статусной дифференциации государств, ранжирование игроков как таковое становится всё более относительным. Устойчивого альтернативного набора компонентов материального потенциала, определяющих статус акторов в системе, не сформировалось. И хотя экономический, культурный, демографический и информационный потенциалы признаются всё более весомыми, с точки зрения повышения субъектности и эффективности игроков на международной арене, единообразной комбинации этих ресурсов, позволяющей произвести оценку субъектных качеств их обладателей, не существует. Статус акторов всё больше определяется их

ролью в рамках действующих нормативно-институциональных механизмах, нежели объёмом и качеством материального силового потенциала, а успешность выбранных политических стратегий демонстрирует всё больше признаков контекстуальной зависимости, нежели прямой обусловленности базовыми параметрами системы.

Такая смешанная природа системной организации и видоизменяемый тип её территориальности коренным образом затрудняют пути качественной трансформации системы, перехода от одной относительно устойчивой структурной конфигурации к другой. Вместо чёткого оформления конкретных принципов функционирования и ведущих центров силы – полюсов системы, мы имеем дело с комбинацией различных параметров, которые выборочно применяются акторами в зависимости от сложившейся ситуации и их интересов в её рамках. Поэтому на протяжении всего постбиполярного периода мы наблюдаем лишь более или менее ощутимые флуктуации системы, не приводящие к её качественной структурной трансформации и последующей стабилизации.

* * *

Изложенные аргументы позволяют сделать вывод, что за несколько столетий после Вестфальского конгресса произошла существенная эволюция принципов территориальной организации системы международных отношений. Сначала различные идеологические течения демократического толка вынесли на повестку дня аспект легитимности территориальной принадлежности, а после двух мировых войн этот аспект приобрёл общесистемное императивное закрепление в виде целого комплекса нормативно-правовых механизмов, призванных ограничить территориальные переделы и порождаемые ими вооружённые конфликты между государствами. В итоге, в биполярный и ещё более явственно в постбиполярный периоды оформился новый тип территориальности глобальной системы, который, с одной стороны, относительно эффективно снижает проявления межгосударственных территориальных конфликтов, но с другой – блокирует практически любые формальные изменения территориальной юрисдикции даже в тех случаях, когда они обоснованы, конструктивны и объективно необходимы для обеспечения нормального развития оспариваемых территорий и одобряются их населением.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Anstis S. C. St. J, Zacher M. W. The Normative Bases of the Global Territorial Order // Diplomacy & Statecraft. 2010. Vol. 21, No. 2.
2. Brenner N. Beyond state-centrism? Space, territoriality, and geographical scale in globalization studies // Theory and Society. 1999. Vol. 28.
3. Goertz G., Diehl P.F., Balas A. The Puzzle of Peace. The Evolution of Peace in the International System. Oxford University Press, 2016.
4. Kratochwil F. Of systems, boundaries, and territoriality. An inquiry into the formation of the state system // The Puzzles of Politics Inquiries into the genesis and transformation of international relations. Abingdon. Routledge. 2010.
5. Ruggie J. G. Territoriality and Beyond: Problematizing Modernity in International Relations // International Organization. 1993. Vol. 47, No. 1.
6. Zacher M.W. The Territorial Integrity Norm: International Boundaries and the Use of Force // International Organization. 2001. Vol. 55, No. 2.

Царик Владимир Станиславович,

старший преподаватель

кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин
Международного юридического института.

Tsarik V.S.

Senior Lecturer

of the Department of General Humanities and Science Disciplines
of the International Law Institute.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗАПАДНЫХ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И АНАЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С «РОССИЙСКОЙ ДЕЗИНФОРМАЦИЕЙ»

ACTIVITY OF WESTERN NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS AND ANALYTICAL INSTITUTES IN COUNTERING 'RUSSIAN DISINFORMATION'

Аннотация. В данной статье сделана попытка систематизировать и проанализировать деятельность западных негосударственных организаций и, в первую очередь, аналитических институтов в сфере

борьбы с «российской дезинформацией». Для этого автором был выделен ряд проектов и ресурсов западных НГО, специализирующихся на разоблачении и нейтрализации «российской дезинформации и пропаганды», изучено содержание их интернет-сайтов. На основе этих данных определено, какие из западных НГО наиболее активно включились в кампанию по борьбе с «российской дезинформацией», и сделано заключение относительно роли и функций структур негосударственного уровня в западной системе информационного противодействия России.

Annotation. The article makes an attempt at systemizing and analyzing activity of Western non-governmental organizations, primarily analytical institutes in the realm of countering ‘Russian disinformation’. To that end the author selected a range of Western NGOs’ projects and resources aimed at disclosing and neutralizing ‘Russian disinformation and propaganda’, explored the content of their websites, proceeding from those cumulative data determined which Western NGOs were more actively involved into campaign of fighting ‘Russian disinformation’ and made conclusion about the role and functions of non-governmental actors in the Western system of countering Russia in the information sphere.

Ключевые слова: негосударственные организации, дезинформация, пропаганда, Россия, Запад, сайт, гибридная война, вмешательство.

Key words: non-governmental organizations, disinformation, propaganda, Russia, the West, website, hybrid warfare, interference.

В 2014 г. в западном политическом пространстве был запущен процесс конструирования и объективизации так называемой «российской информационной угрозы», представляемой как целенаправленная деятельность руководства РФ по дестабилизации и дезориентации обществ сопредельных государств и стран Запада с помощью информационных методов воздействия¹. Одним из наиболее эффективных

¹ Galeotti M. Controlling Chaos: How Russia manages its political war in Europe // European Council on Foreign Relations Policy Brief. – 2017. August. No. 228. URL: https://www.ecfr.eu/page/-/ECFR228_-_CONTROLLING_CHAOS1.pdf; Bergmann M., Kenney C. War by Other Means Russian Active Measures and the Weaponization of Information // Center for American progress. 2017. 6 June. URL: <https://cdn.americanprogress.org/content/uploads/2017/06/08052859/RussiaDisinf>

среди таких методов инициаторы данной кампании называют распространение «российской дезинформации» и фейковых новостей. В рамках их дискурса российские и некоторые связанные с ними западные СМИ якобы намеренно тиражируют искажённые или ложные факты, предвзятые и политически ангажированные их интерпретации и открытопропагандистские сообщения с целью спровоцировать у целевой аудитории эмоциональную реакцию отторжения и посеять недоверие к западным органам власти и модели либеральной демократии как таковой¹.

За прошедшие годы на Западе была постепенно выстроена (и продолжает развиваться далее) целая система противодействия мнимой «российской информационной угрозе», включающая как структуры государственного и межгосударственного уровней, так и специальные меры и организации на негосударственном, общественном уровне политических процессов. На отдельных направлениях данной системы негосударственные организации (НГО) играют немаловажную и довольно заметную роль. Они берут на себя как инициативные функции, привлекая внимание к новоявленной проблеме либо формулируя и запуская в публичное пространство те или иные элементы данного дискурса, так и исполнительные функции, проводя подробные исследования и организуя мероприятия, призванные подкрепить запущенный дискурс формально независимыми авторитетными экспертными оценками и формально же объективными фактологическими материалами.

В данной статье сделана попытка систематизировать и проанализировать деятельность западных негосударственных организаций и, в первую очередь, аналитических институтов в сфере борьбы с «российской дезинформацией» как одним из основных направлений западной системы противодействия «российской информационной угрозе». Для этого мы выделили ряд проектов и ресурсов западных НГО, специализирующихся на разоблачении и нейтрализации «рос-

ormation-report1.pdf ; Richey M. Contemporary Russian revisionism: understanding the Kremlin's hybrid warfare and the strategic and tactical deployment of disinformation // Asia Europe Journal. 2018. Vol. 16, No. 1. P. 109-111.

¹ Hansen F.S. Russian Hybrid Warfare: A Study of Disinformation // Danish Institute for International Studies Reports. – 2017. 18 August. No. 6. [Электронный ресурс] URL: http://pure.diis.dk/ws/files/950041/DIIS_RP_2017_6_web.pdf

сийской дезинформации и пропаганды», изучили содержание их интернет-сайтов, на основе этих данных определили, какие из западных НГО наиболее активно включились в кампанию по борьбе с «российской дезинформацией» и сделали заключение относительно роли и функций структур негосударственного уровня в западной системе информационного противодействия России.

Несмотря на то, что на волне спровоцированного интереса к тематике «российской дезинформации» многие западные аналитические центры и институты проводили исследования и издавали публикации, посвящённые данному феномену, самостоятельные регулярные проекты в этом направлении инициировали только некоторые из них. Наиболее важными нам представляются девять проектов, которые мы рассмотрим подробнее.

1. *The Interpreter* (<http://www.interpretermag.com/>) – проект, запущенный, по утверждению авторов, в мае 2013 г. для перевода публикаций российской прессы на английский язык, а с началом кризиса 2014 г. подключившийся к противостоянию «российской информационной агрессии». Сайт финансируется номинально независимой некоммерческой организацией *CodaStory* (<https://codastory.com/>), руководимой Питером Померанцевым и состоящей из авторитетных американских, российских и грузинских журналистов, стремящихся «объективно» освещать наиболее острые кризисы современности, в том числе, кризис с мигрантами в Европе, кризис с правами ЛГБТ-сообщества в России и дезинформационную кампанию в Евразии.

В прошлые периоды сайт содержал не только аналитику, но и «обычные» текущие новости (соответствующим образом подобранные). Однако на заглавной странице сегодняшней версии сайта нет броских заголовков новостей: его составители теперь не частят с публикациями и полностью сосредоточились на «аналитике» – больших материалах, имитирующих журналистские расследования, в среднем не чаще раза в месяц. При этом, вопреки заявленному в позиционировании сайта намерению публиковать ежедневные переводы собственно российской прессы, никаких следов этой деятельности с весны 2013 г. обнаружить не удалось: в архивах доступны только публикации с августа 2013 г. из рубрики «Война на Украине», уже посвящённые предстоящему кризису, а именно, ограничительным таможенным мерам, предпринятым РФ в этот период. В 2014 г. сайт включился в полноценную информационную войну, прежде всего продвигая концепцию якобы затеянной Россией «гибридной войны» с упором на

концепцию *maskirovka* и продвигая себя как ведущую хронику российской агрессии в режиме реального времени. При этом очевидна тенденция на затухание частоты публикаций. Иными словами, по всем признакам, сайт изначально создавался под освещение грядущего кризиса на Украине и только потом затрагивал расширяющийся список тем, позволяющих дополнительно дискредитировать Россию («Путинская вертикаль», «Сирийская война» и т.д.). Создатель и главный редактор сайта М. Вайс уже в августе 2013 г. знал о масштабах разворачивающегося кризиса на Украине и целенаправленно сфокусировал работу сайта на этой теме.

2. *Kremlin Watch* (<https://www.kremlinwatch.eu>) – стратегическая программа расположенного в Праге *Института европейских ценностей* (*European Values Think Tank*), преследующая цель разоблачить инструменты российского влияния и дезинформационные операции, направленные против западной демократии. Функционирует с 2016 года. В фокусе внимания – российское информационное влияние на страны ЦВЕ, Балтию и Молдавию. На сайте Центра представлены разные типы публикаций по заявленной проблематике: тематические доклады по отдельным концептуальным или практическим аспектам, подборки «фактов» российского вмешательства в политические процессы стран Евросоюза и регулярные брифинги с перечислением новых сообщений и материалов о российском информационном влиянии за прошедшие две-три недели. Центр выпускает также еженедельные обзоры по чешской ситуации на информационном фронте и является, по утверждению его авторов, одним из основных поставщиков материалов для сайта «EU vs. Disinfo» и его «Обзора дезинформации», а также участвует в разработке правительственной программы в Чехии по противодействию иностранному влиянию. Кроме того, центр обобщает последние академические достижения по теме, освещает накопившиеся факты, выпускает рекомендации. Главными своими достижениями создатели считают два доклада «*The Prague Manual*»¹ и «*2018 Ranking of countermeasures by the EU28 to the Kremlin's subver-*

¹ The Prague Manual. How to Tailor National Strategy Using Lessons Learned from Countering Kremlin's Hostile Subversive Operations in Central and Eastern Europe / Kremlin Watch Report. 2018. 30.04. [Электронный ресурс]URL: <https://www.kremlinwatch.eu/userfiles/prague-manual.pdf>

sion operations»¹, в которых представлены методы борьбы с «подрывными операциями Кремля» и обзор уже предпринятых странами ЕС мер в данном направлении. Сайт данного Центра является полноценным агрегатором публикаций по теме «российской информационной угрозы».

3. «Российское влияние в странах ЦВЕ» (“Russia's influence activities in CEE” <http://www.pssi.cz/russia-s-influence-activities-in-cee>) – программа *Пражского института исследований безопасности*. В её рамках реализуется ряд проектов, направленных на изучение «российской дезинформации» в странах Прибалтики и Центральной Европы, в том числе, в 2015 г. – «Инициатива по повышению сознательности относительно пророссийской дезинформации» («Initiative to raise awareness about pro-Russian disinformation»), в 2016 г. – «Информационное оружие в интернете» («Information warfare in the Internet»), в 2016-2017 г.г. – «Повышение сознательности относительно мягкой силы России в Центральной Европе» («Raising awareness of Russian soft power in Central Europe»), в 2016-2018 г.г. – «Мифоборцы: информационное оружие в интернете» («Mythbusters: information warfare in the Internet»), в 2019 г. – «Вакцинация и дезинформация в чешской информационной среде» («Vaccination and disinformation in the Czech information environment»). Данные проекты имели, как правило, краткосрочный характер и были направлены, главным образом, на организацию публичных мероприятий для обсуждения темы «российской дезинформации» и её «угрозы» для стран Центральной Европы, для привлечения к ней медийного внимания. Большинство этих проектов реализовывалось совместно с другими НГО стран ЦВЕ, а также с некоторыми сетевыми структурами, в частности, с украинским сайтом *Stopfake*.

По результатам упомянутых проектов издавались аналитические материалы, систематизирующие основные каналы и ресурсы, якобы распространяющие российскую дезинформацию в странах ЦВЕ, приёмы и техники манипуляций, способы их нейтрализации, в первую очередь, «включение критического мышления» и примеры подобных манипуляций в социальных сетях. При этом в перечень подобных ресурсов зачастую попадали сайты и издания консервативной и конспи-

¹ 2018 Ranking of countermeasures by the EU28 to the Kremlin's subversion operations // Kremlin Watch Report. 2018. 13.06. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kremlinwatch.eu/userfiles/2018-ranking-of-countermeasures-by-the-eu28-to-the-kremlin-s-subversion-operations.pdf>

рологической направленности, не имеющие явной связи с государственными или негосударственными структурами РФ и даже не занимающие открыто пророссийской позиции. Практически весь западный консервативный дискурс, так или иначе, ассоциировался с происками России и её попытками разрушить общественный консенсус вокруг либеральных ценностей.

5. *CEPA STRATCOM PROGRAM* («Анализ связи пропаганды конфликта») (http://infowar.cepa.org/ru?lang_id=5, <https://www.cepa.org/>) – проект CEPA, американского неправительственного *Центра анализа европейской политики*, запустившего весной 2016 г. программу CEPA STRATCOM якобы для противодействия «российской дезинформации» в странах ЦВЕ. В числе инициаторов проекта – идеологи противостояния России Эдвард Лукас и Питер Померанцев.

Русскоязычная версия сайта содержит следующие разделы: тезисное описание методов дезинформации, классификацию материалов по странам (Прибалтика, Польша, Беларусь, Румыния), доклады CEPA (четыре больших доклада с фундаментальным подходом), колонку издателя (48 специально преподнесённых информационных материалов с августа 2016 по январь 2018 г.), отчёты (142 материала: с начала 2016 г. разбор отдельных «случаев дезинформации» со стороны российских СМИ по странам Восточной Европы (только Польша, Румыния, Прибалтика и Беларусь, иногда встречаются пустые страницы), примерно с 2017 г. это уже не анализ точечных фактов, а разбор сюжетов и направлений «дезинформации» в жанре поверхностного новостного блога, где какое-то восприятие происходящих событий либо сюжет в информационном пространстве помещается в контекст, даётся более широкое его толкование, но всё равно в жанре короткой заметки), наконец, раздел «Мероприятия» рассказывает о 12 семинарах или собраниях, проведённых комитетом с апреля 2015 г. по январь 2017 г. Русскоязычная версия перестала обновляться с января 2018 г. В английской версии один-два раза в месяц появляются новые материалы вплоть до марта 2019 г.

5. *DisinfoPortal.org* (<https://disinfoportal.org/>) – запущенный в начале 2018 г. интерактивный онлайн-портал и гид по дезинформационной войне, якобы затеянной Россией, агрегирующий обнаруженные журналистами открытые данные и презентующий их в удобной медиаформе на основе разработок *Атлантического совета* и других партнёров проекта. Очевидно, в данном случае речь идёт об онлайн-проекте, агрегирующем интеллектуальный продукт партнёров, сосре-

доточенных на оффлайн-деятельности. На сайте представлены обзорные аналитические материалы, оформленные в академическом стиле; публицистические материалы, раскрывающие отдельные сюжеты и элементы «российской дезинформации»; ролики по 4-6 минут с нарезкой «дезинформирующих» фрагментов российского ТВ и подстрочным переводом либо комментированием приёма дезинформации, например, представление российской точки зрения на языковой закон на Украине как ложной¹; короткие регулярные видеобзоры появившихся в СМИ новых фейков от эксперта по имени Марко Супрун (очевидного представителя украинской диаспоры) и каталоги, систематизирующие выявленные случаи «российской дезинформации» в различных странах Запада.

5. *Digital Forensic Research Lab* («Цифровая судебная лаборатория» <https://medium.com/dfrlab>), *#DigitalSherlocks* («Цифровые Шерлоки» <https://www.digitalsherlocks.org/>) – две презентации одного и того же проекта *Атлантического совета* (сайты с идентичным наполнением, но сильно отличающимся интерфейсом), инициированного в середине 2016 г. Их названия намеренно придают размещённым на них материалам детективный оттенок, как будто речь идёт не о научных исследованиях или аналитических работах, а о детективных расследованиях неких противозаконных явлений. Сайты содержат довольно подробные обзоры и интернет-расследования на самые разные темы международной политики, но с упором на вооружённые конфликты. Российскому направлению явно уделяется повышенное внимание, ряд публикаций специально посвящён тематике «спонсируемой Кремлём дезинформации и пропаганды».

6. *Polygraph.info* (<https://www.polygraph.info>), *Фактограф.инфо* (<https://www.factograph.info/>) – проекты, запущенные «Голосом Америки» и «Радио Свобода/Свободная Европа» в середине 2016 г.; второй – специально для русскоязычной аудитории. В отличие от некоторых других проектов, разоблачавших «российскую ложь» от любого источника, включая второстепенные российские СМИ, в данном случае чаще рассматриваются конкретные заявления политиков и официальных лиц и только примерно в половине случаев – авторов публикаций

¹ Ukraine's Language Bill: Myths vs Facts // Disinfo Portal. [Электронный ресурс] URL: <https://disinfoportal.org/ukraines-language-bill-myths-vs-facts/>

в российских СМИ, как Russia Today¹, а также заявления космонавтов, политических аналитиков и т. д. Содержание двух проектов неидентично: первый, англоязычный сайт, более ориентирован на шельмование России как таковой перед международной аудиторией, русскоязычный – на освещение внутренней политики РФ. В англоязычной версии, как и на других ресурсах этой инфраструктуры, принято рассматривать в качестве заведомой лжи не фактически ложные утверждения, а интерпретационные заявления, определённую трактовку фактов. Наполнение русскоязычной версии ещё менее добросовестное. На правдивость проверяются даже нормативные высказывания, например, заявление Путина о том, что «наша задача в ближайшие годы... – выйти и закрепиться на средневропейском уровне по всем основным параметрам, отражающим качество жизни и благополучия людей»². Кроме того, «факт-чекингу» подвергают оценочные, экспертные суждения, например, высказывание Максима Орешкина: «Наибольший риск вхождения экономики в рецессию в ближайшие годы связан с проблемами в потребительском кредитовании... Если ничего не делать, то в 2021 году мы можем войти в рецессию»³. Общее антироссийское направление обоих сайтов очевидно: озвученная российскими представителями точка зрения объявляется либо ложной, либо сомнительной, либо говорится «да, но...» и приводятся данные из смежной темы, выставляющие Россию в чёрном свете.

7. *Альянс в защиту демократии* (“Alliance for Securing Democracy” <https://securingsdemocracy.gmfus.org/>) – образованная весной 2017 г. двухпартийная (образованная демократами и республиканцами США) группа для «противостояния попыткам авторитарных режимов использовать положительные стороны демократической системы против неё самой, как это всюду делает Россия против США и других демократий». Финансируется *Германским фондом Маршалла* и рядом частных источников. В состав экспертного совета альянса входят из-

¹ Echols W. RT Loses Plot on Italian Neo-Nazi Missile Bust // Polygraph.info. – 2019. 19 July. [Электронный ресурс] URL: <https://www.polygraph.info/a/fact-check-neo-nazi-italy-missile/30063264.html>

² Качество жизни: когда Россия догонит Европу? / Фактограф. 2019. 12 июня. [Электронный ресурс] URL: <https://www.factograph.info/a/29995324.html>

³ Доходы и долги: много ли стран, где долговая нагрузка населения выше, чем в России? // Фактограф. 2019. 7 июня. [Электронный ресурс] URL: <https://www.factograph.info/a/29987112.html>

вестные политики и бывшие государственные и военные деятели Майкл Макфол, Джон Подеста, Майк Чертофф, адмирал Ставридис. Издаёт длинные и короткие материалы для информирования и анализа по всему спектру случаев «злонамеренного внешнего вмешательства» и вырабатывает рекомендации для устранения уязвимостей и защиты демократических институтов от «авторитаризма».

Альянсом реализуется проект “*Hamilton-68*” (<https://securingdemocracy.gmfus.org/hamilton-68/>) для отслеживания «российского вмешательства» по годам: в нём сосредоточены материалы о вмешательстве за закончившийся год и обобщающий доклад по нему. Также в его рамках разработана специальная технология, позволяющая с помощью специального машинного алгоритма определить принадлежность тех или иных сетевых ресурсов к «русской пропаганде».

8. «*Тролли в вашей ленте*» (“*Trolls in your feed*” <https://www.diis.dk/en/trolls-in-your-feed-russian-disinformation>) – проект негосударственного *Датского института международных исследований*, якобы запущенный с целью просветить молодёжь об опасности российской дезинформации и массового использования троллей. Пока что сайт не отличается масштабным наполнением, зато в ненавязчивой игровой форме представляет базовые сведения по теме, включая видеоматериалы (к примеру, видеоотчёт о выступлении Людмилы Савчук о деятельности так называемой «фабрики троллей» в Санкт-Петербурге¹) и сжатые заметки от скандинавских учёных.

9. *Аналитическая группа по гибридной войне* (“*Hybrid Warfare Analytical Group*” <http://ucmc.org.ua/hybrid/>) – англоязычный проект *Украинского кризисного медиацентра*, инициированный в начале 2018 г. рядом экспертов Министерства обороны Украины, работавших над противодействием «русской пропаганде» в 2015-2017 г.г. Фокусируется на отслеживании содержания российских СМИ, главным образом, российских телеканалов на предмет тиражирования негативного образа Украины и Запада путём распространения ложной информации и отрицательных стереотипов.

Перечисленные проекты, запущенные американскими и европейскими негосударственными организациями, составляют отдельный

¹ Russian “troll-farm” whistleblower visits DIIS / DIIS. 2017. 12 December. [Электронный ресурс] URL: <https://www.diis.dk/en/event/russian-troll-farm-whistleblower-visits-diis>

сегмент противодействия «российской дезинформации», выступающий связующим звеном между официальным государственным уровнем и уровнем СМИ и сетевой пропаганды. Формально независимый статус, аналитическая направленность, большой доступ к медийным ресурсам и присутствие в СМИ позволяют различным НГО и аффилированным с ними экспертам озвучивать те аргументы, которые необходимо вынести в публичное пространство, но пока не от имени государственных органов или международных институтов. При этом именно неправительственные центры и институты сыграли ведущую роль в придании «российской дезинформации» качества полноценной угрозы безопасности, которую необходимо своевременно выявлять и противодействовать ей.

Производимый такими центрами контент становится основой для наполнения сайтов официальных структур и распространяется в СМИ и социальных сетях как заслуживающий доверия аналитический материал. А проводимые упомянутыми центрами публичные мероприятия для обсуждения данной тематики организуются таким образом (в плане выносимых на обсуждение вопросов, используемого терминологического аппарата, подбора приглашаемых экспертов и освещения в СМИ), чтобы создать репрезентацию единодушия, консенсуса и отсутствия серьёзных разногласий в этой сфере в западной академической среде и закрепить в сознании западной общественности тезисы о «российской информационной угрозе» как о само собой разумеющемся, самоочевидном феномене. Кроме того, НГО выступают ключевыми «агентами социализации» представителей политических элит, молодёжи и медийных персон в дискурс о «российской информационной угрозе», благодаря различного рода обучающим мероприятиям, курсам и тренингам, где преподают основы медиаграмотности и методы противодействия фейковым новостям. «Интеллектуальное» давление со стороны неправительственных организаций, играющих немалую роль в формировании медийного фона политических процессов в западных странах, является основным дискурсивным рычагом, стимулирующим официальные государственные и межгосударственные структуры предпринимать конкретные усилия для борьбы с «российской пропагандой»

Таким образом, НГО выступают инструментом программирования политической повестки дня Запада и его общественного мнения в вопросах противодействия «российской дезинформации», фокусирования внимания на вопросах, связанных с Россией, и формулирования

негативных интерпретаций и оценок в отношении нашей страны, закрепляемых благодаря многократному публичному повторению в качестве самоочевидных фактов. Исследование содержимого ряда существующих проектов позволяет выявить некоторые характерные особенности деятельности западных НГО в рассматриваемой сфере.

Деятельность западных НГО в рассматриваемой сфере разворачивалась постепенно – от преимущественно разговорных разовых публичных мероприятий на первых порах к изданию регулярных обзорных работ и созданию платформ для систематического мониторинга и разоблачения российской пропаганды и фейковых новостей в текущем режиме. При этом многие из них получают прямую или непрямую поддержку (в том числе, финансовую) от официальных национальных или международных органов и оказывают им содействие в реализации заданных политических целей.

К изучению и противодействию «российской дезинформации», в первую очередь, подключились экспертные центры стран Центральной Европы, тогда как ведущие европейские аналитические институты, даже британские, не торопятся выделять данную тематику в самостоятельное направление своей деятельности. Американские НГО сначала участвовали в этом процессе опосредствованно, оказывая поддержку центральноевропейским партнёрам, но после президентских выборов в США 2016 г. взяли на себя основную публичную роль в инициировании и реализации различных программ выявления и разоблачения российской пропаганды. С этого момента борьба с «инспирированной Кремлём дезинформацией» помещается в более широкий контекст противодействия якобы деструктивному вмешательству РФ в избирательные процессы западных государств, включая выборы в Европарламент.

Среди американских НГО ведущую роль в аналитическом сопровождении и систематизации фактических данных о «российской дезинформации» играют близкий к Республиканской партии Атлантический совет и близкий к Демократической партии фонд Маршалла. Причём, если первый выделяет данную тематику в самостоятельное направление работы, то второй рассматривает её в контексте вмешательства в американские и европейские выборы. Атлантический совет содержит вертикальную структуру ресурсов различного уровня, в частности, на нижнем уровне развиваются проекты-расследования, будто бы раскрывающие доселе неизвестные факты спонсируемой Кремлём дезинформации, на среднем формируются презентационные

и аналитические материалы, обобщающие раскрытые «факты» и укладывающие их в единую концептуальную канву, и на уровне самого Атлантического совета происходит их тиражирование в качестве академически обоснованных и подкреплённых авторитетом известных экспертов, бывших дипломатов и других публичных фигур. Такая дифференциация проектов и функций позволяет расширить охват аудитории, продвигая нужные тезисы в различных презентационных форматах и подавая их как продукт внешней экспертизы и результат самостоятельных исследований отдельных команд.

Обработанные нами сайты западных аналитических структур содержат гораздо больше конкретных фактологических, эмпирических материалов с перечислением случаев распространения якобы «российской дезинформации», нежели сайты официальных органов НАТО и ЕС. Кроме того, на уровне НГО осуществляется систематизация и каталогизация подобных материалов по странам и регионам, благодаря чему создаётся иллюзия массовости и регулярности вбрасывания «прокремлёвской дезинформации» во всех без исключения странах Запада. Помимо выявления отдельных случаев «российской дезинформации» в российских и западных изданиях западные НГО также дают оценку этим изданиям как тиражирующим «российскую пропаганду» или конспирологию, а проще говоря, занимаются «наведением ярлыков», позволяющим дискредитировать данные издания, а в дальнейшем инициировать те или иные ограничительные меры в их отношении со стороны официальных государственных органов. Однако официальными структурами и неправительственными организациями спектр акторов, вовлечённых в процесс тиражирования дискурса о «российской дезинформации», не ограничивается. В этой сфере задействован также целый ряд индивидуальных и коллективных, в том числе, анонимных игроков, позиционирующих себя в качестве добровольных борцов с «кремлёвской пропагандой», не представляющих какую-либо формальную организацию и не претендующих на глубокое концептуальное осмысление данного феномена. Роль подобных волонтерских проектов и инициатив в системе противодействия «российской информационной угрозе» требует отдельного комплексного исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Доходы и долги: много ли стран, где долговая нагрузка населения выше, чем в России? / Фактограф. 2019. 7 июня. [Электронный ресурс] URL: <https://www.factograph.info/a/29987112.html>.

2. Качество жизни: когда Россия догонит Европу? / Фактограф. 2019. 12 июня. [Электронный ресурс] URL: <https://www.factograph.info/a/29995324.html>.

3. 2018 Ranking of countermeasures by the EU28 to the Kremlin's subversion operations // Kremlin Watch Report. 2018. 13.06. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kremlinwatch.eu/userfiles/2018-ranking-of-countermeasures-by-the-eu28-to-the-kremlin-s-subversion>

4. Bergmann M., Kenney C. War by Other Means Russian Active Measures and the Weaponization of Information // Center for American progress. 2017. 6 June. [Электронный ресурс] URL: <https://cdn.americanprogress.org/content/uploads/2017/06/08052859/RussiaDisinformation-report1.pdf>.

5. Echols W. RT Loses Plot on Italian Neo-Nazi Missile Bust // Polygraph.info. 019. 19 July. [Электронный ресурс] URL: <https://www.polygraph.info/a/fact-check-neo-nazi-italy-missile/30063264.html>.

6. Galeotti M. Controlling Chaos: How Russia manages its political war in Europe // European Council on Foreign Relations Policy Brief. 2017. August. No. 228. 18 p. [Электронный ресурс] URL: https://www.ecfr.eu/page/-/ECFR228_-_CONTROLLING_CHAOS1.pdf.

7. Hansen F.S. Russian Hybrid Warfare: A Study of Disinformation // Danish Institute for International Studies Reports. – 2017. – 18 August. No. 6. [Электронный ресурс] URL: http://pure.diis.dk/ws/files/950041/DIIS_RP_2017_6_web.pdf.

8. Richey M. Contemporary Russian revisionism: understanding the Kremlin's hybrid warfare and the strategic and tactical deployment of disinformation // Asia Europe Journal. 2018. Vol. 16. No. 1.

9. Russian “troll-farm” whistleblower visits DIIS // DIIS. 2017. 12 December. [Электронный ресурс] URL: <https://www.diis.dk/en/event/russian-troll-farm-whistleblower-visits-diis>.

10. The Prague Manual. How to Tailor National Strategy Using Lessons Learned from Countering Kremlin's Hostile Subversive Operations in Central and Eastern Europe // Kremlin Watch Report. 2018. 30.04. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kremlinwatch.eu/userfiles/prague-manual.pdf>.

11. Ukraine's Language Bill: Myths vs Facts / Disinfo Portal. [Электронный ресурс] URL: <https://disinfoportal.org/ukraines-language-bill-myths-vs-facts/>.

Карташова Людмила Эдуардовна,
кандидат философских наук, доцент кафедры
общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин
Одинцовского филиала
Международного юридического института
Kartashova L.E.
PhD in philosophy,
associate professor at the Department of all-humanitarian and
natural-science disciplines Odintsovo branch
of the International Law Institute.

**ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КЛАССИЧЕСКОГО
СТРУКТУРАЛИЗМА.
СУТЬ ПОЛЕМИКИ К. ЛЕВИ-СТРОССА И В. ПРОППА**

**THE BASIC CLASSICAL STRUCTURALISM'S PROVISIONS.
THE MAIN POINT OF C.LEVI-STRAUSS AND V. PROPP
DISPUTE**

Аннотация. В статье рассматриваются истоки становления классического структурализма и его принципиальные положения. На примере полемики К. Леви-Стросса и В.Я. Проппа описывается методология структурализма и его отношение к вопросу взаимосвязи структуры и содержания в семиотическом исследовании.

Abstract. The paper dwells on the root of classical structuralism and its principal points. By showing C.Levi-Strauss and V.Propp dispute, paper describes structuralism methodology and its attitude to the question of the structure's and substance's correlation in the semiotical research.

Ключевые слова: структурализм, семиотика, неорационализм, форма и содержание, методология исследования.

Key words: structuralism, semiotics, neo-rationalism, form and substance, methodology of the research.

Структурализмом принято называть направление в философии и конкретно-научных исследованиях, возникшее в в 20-30-е годы XX века и получившее широкое распространение в 1950-60 г.г., особенно

во Франции. В его основе лежит особый подход к анализу знаковых объектов. Для исследований структуралистов особенно характерно тесное переплетение непосредственно философского дискурса с изучением конкретных предметов. Таким образом структуралисты хотели уйти от спекулятивности, опереться на научную практику и осмыслить её методологические основания.

Структурализм продолжает рационалистическую традицию французской философии. Он рассматривает культуру, выраженную в виде языков и текстов, как систему знаков, что позволяет ему применить к изучению культурных феноменов те же приемы, что и при исследовании наук о природе. Структуралисты проводят аналогии между семиотическими моделями языка и эволюционной биологией и генетикой (исследования Ф. Жакоба и Ф. Леритьера), математикой (Ж.-Ф. Дезанти) и другими точными науками. Подобный подход закономерным образом привел к сближению естественных и гуманитарных наук и распространению структурализма за пределы чисто философского дискурса.

Первоначально структурализм сложился в языкознании и литературоведении в связи с появлением структурной лингвистики, основы которой разработал Фердинанд де Соссюр. Идеи Соссюра, изложенные в его «Курсе общей лингвистики» стали основополагающими для всего последующего языкознания. В том или ином виде они были использованы всеми виднейшими лингвистами, независимо от того, находились ли они в оппозиции к структурализму Соссюра или двигались в его русле.

В качестве методологического принципа построения своей теории Соссюр использует редукционизм, в соответствии с которым предлагает выделять в предмете только наиболее существенные черты, отказываясь от второстепенного и незначительного. Лингвистику Соссюр относит к ведению социальной психологии, в рамках которой он предлагает выделить особое подразделение – семиологию, науку, призванную изучать знаковые системы, важнейшей из которых является язык¹.

Внутри семиологии Соссюр выделяет лингвистику, занимающуюся языком как знаковой системой особого рода, наиболее сложной по своей структуре и организации. Далее он разграничивает внешнюю

¹Фердинанд де Соссюр. Труды по языкознанию. Курс общей лингвистики. М.: Прогресс. 1977. С.53.

лингвистику – изучение географических, экономических, исторических условий формирования бытового языка – и внутреннюю лингвистику, исследующую строение языка как такового в отвлечении от всех внешних факторов. Именно эту внутреннюю лингвистику Соссюр признаёт наиболее важной для внимания исследователя.

Затем Соссюр проводит ещё одно различие, ставшее знаковым для последующих поколений лингвистов. В рамках внутренней лингвистики он выделяет лингвистику языка и лингвистику речи¹. Язык автор определяет как систему знаков, для которой характерны, в первую очередь, отношения между её элементами, а не свойства этих элементов самих по себе. Элементы обладают каждый своим смыслом, значением и своей значимостью, ценностью, исходя из того, какое место данный элемент занимает в системе. Фактически Соссюр предлагает теорию ценности, которая выходит за рамки непосредственно лингвистического исследования.

Основой теории ценности Соссюра является принцип дифференциации, провозглашающий «положительным» содержанием языкового элемента то, чем он отличается от других. Таким образом, ценность возникает, если сравнивать элемент по двум осям сходных и несходных элементов. Одной осью различий будет являться цель соотношений «означающих», другой – система понятий. Из понятия ценности Соссюр выводит всю концепцию языка как системы, в которой отношения элементов даны до самих элементов. Любопытно, что Соссюр признаёт наименее важным вопрос, каким образом реализуется языковой знак, каковы его материальные характеристики, фактически выводя фонологию за пределы лингвистической науки.

Язык, согласно Соссюру, имеет психический и социальный статус, то есть субъект языка всегда является коллективным. Речь же для Соссюра имеет психофизиологический и индивидуальный характер. Основными достижениями Соссюра, сыгравшими первостепенную роль для всего последующего структурализма, стали различения:

- языка и речи;
- означающего (акустического образа) и означаемого (понятия);
- синхронического (оси одновременности) и диахронического (оси последовательности) пластов исследования явлений².

¹Там же. С.57-58.

² Фердинанд де Соссюр. Труды по языкознанию. Курс общей лингвистики. М.: Прогресс. 1977. С.51-52.

Таким образом, классический структурализм, опираясь на достижения лингвистики, сформулировал ряд принципиальных положений, ставших основой его методологии.

Во-первых, структурализм провозглашает, что все культурные явления определяются не своим содержанием как таковым, а только местом, которое они занимают в общей социальной и культурной системе. Иными словами, культурные феномены определяются друг относительно друга, а не сами по себе. Из этого логичным образом проистекает представление, что за любыми внешними проявлениями культуры всегда лежит более глубинный пласт взаимозависимостей.

Во-вторых, структурализм определяет культуру как систему знаков, превращая, таким образом, культуролога в своеобразного «дешифратора» кода. Социальные и культурные явления при этом предстают перед нами не как объекты, а как тексты, которые необходимо прочесть. Здесь большую методологическую роль сыграло развитие фонологии, продемонстрировавшей, что и в области гуманитарного знания возможен строгий математический подход по образцу естественных наук. В идеале структурный метод должен был вести к созданию своеобразной «грамматики» исследуемой области.

Структурализм выступал категорически против попыток объяснить культурные феномены с исторических позиций. Структурное объяснение не исследует развитие объекта во времени, не включает его в каузальную цепочку, а объясняет, почему тот или иной объект обладает значением, соотнося его со скрытой системой норм и категорий. Это замещение диахронического синхроническим чрезвычайно важно для структурализма. Его следствием является ещё один основополагающий принцип данной методологической программы: структурные смыслы объявляются объективными и имеющими по отношению к нам принудительную силу. Так, К. Леви-Стросс описывает это на примере языка: мы знаем родной язык, можем производить на нём новые высказывания, но на самом деле сложная грамматическая система, которой мы пользуемся, нам недоступна и всё ещё не описана лингвистами. Но если даже изучить все правила данного языка, это очень мало повлияет на нашу манеру говорить, так как сами правила «говорения» останутся неизменными и будут для нас принудительными.

Для прояснения некоторых особенностей структуралистского подхода интересно обратиться к полемике К. Леви-Стросса, одного из виднейших деятелей структурного подхода, и В.Я. Проппа, русского фольклориста, этнографа и одного из основоположников современной теории текста. Формально полемика шла по поводу книги Проппа «Морфология волшебной сказки» и была сосредоточена в двух статьях «Структура и форма. Размышления по поводу одной работы Владимира Проппа» и «Структурное и историческое изучение волшебной сказки (ответ К. Леви-Строссу)»¹. Основой же спора стала необходимость прояснить некоторые положения структурализма и чётко акцентировать его отличие от формальной школы.

В самом начале своей статьи Леви-Стросс обозначает причину её написания: частые обвинения структуралистов в формализме. На примере работы Проппа, которого он считал приверженцем формальной школы, французский мыслитель решил показать основное отличие формализма от структурного метода и подчеркнуть качественное своеобразие последнего.

Справедливости ради следует сказать, что, несмотря на то, что Пропп действительно часто работал в тесном контакте с ведущими представителями русской формальной школы, центры которой находились как в Москве, так и в Петербурге (Р.О. Якобсоном, Г.О.Винокуром, О.М.Бриком, В.Б.Шкловским и др.), было бы явным преувеличением считать его типичным представителем формализма: будучи молодым литературоведом, он заинтересовался новыми методами литературной критики, которые предлагала в 20-е годы XX-ого века отечественная формальная школа.

При этом многие русские ученые с разной степенью обоснованности обвиняли фольклориста в формализме, подвергая жесткой критике, утверждая, что «Пропп изучение архитектуры как искусства подменяет инженерным трактатом о несущих балках конструкции или изучение человека как живого организма – рентгеновскими снимками

¹Леви-Стросс К. Структура и форма. Размышления об одной работе Владимира Проппа. / Семиотика: Антология. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 423-452; Пропп В. Структурное и историческое изучение волшебной сказки (Ответ К.Леви-Строссу)./ Семиотика: Антология. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 453-471.

или рассматриванием скелета».¹ Известно, что сам Пропп скорее относил себя к структуралистам, утверждая особую близость к главным принципам структурализма: системности, типологии, диалектической соотнесенности целого и частей. При этом ученый неоднократно предостерегал от опасности излишне досконального изучения формы, утверждая, что идя по этому пути, легко «перегнуть палку».

Обратимся к сути полемики между Леви-Строссом и Проппом. Прежде всего, Леви-Стросс разграничивает понятия формы и структуры: форму он описывает как определяющуюся через «свою противопоставленность инородному ей материалу», структура же суть неотличима от содержания, она и есть «содержание в его логически организованном виде»².

Разбирая концепцию Проппа, Леви-Стросс замечает, что, говоря о морфологии сказки, русский исследователь совершенно разделяет форму и содержание сказки. Иными словами, Пропп выделяет устойчивую композицию, в основе которой лежит ограниченное число функций, которые могут выполняться ограниченным числом персонажей. При этом сами персонажи, дополнительные обстоятельства являются величинами переменными и не составляют существа исследования. То есть форма составляет существенный аспект исследования, поскольку «поддаётся морфологическому изучению»,³ а содержанию отводится второстепенная роль в связи с его переменчивостью. Именно на этом постулате Леви-Стросс делает акцент. Он подчёркивает, что для структурализма невозможным является разведение содержания и формы, поскольку они «обладают одной природой». Структурой обладает именно содержание.

Основной трудностью формализма Леви-Стросс объявляет неспособность воссоздать то эмпирическое содержание, которое послужило ему отправной точкой. Иными словами, в результате приведённого Проппом анализа содержание сказки было полностью утеряно. Пропп приходит к выводу, что в самом общем смысле можно говорить об одной-единственной сказке, разными вариациями которой и является то многообразие сказок, которое мы встречаем в

¹ Мартынова А.Н. Владимир Яковлевич Пропп: Жизненный путь. Научная деятельность. СПб.: Дмитрий Буланин. 2006. С.83.

² Леви-Стросс К. Структура и форма. Размышления об одной работе Владимира Проппа / Семиотика: Антология. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга. 2001. С. 423.

³ Там же. С. 439-440.

реальности. Но Леви-Стросс замечает, что исследованию это по сути ничего не добавляет: понятие формы становится предельно широким и теряет объяснительную силу. С точки зрения французского учёного, «если раньше мы не знали, что общего у всех сказок, то теперь мы не можем сказать, чем они отличаются»¹. Эта ошибка, по мнению Леви-Стросса, проистекает из ошибочного представления о том, что содержание сказки является случайной величиной. Структурализм ни в коем случае не согласен с такой постановкой вопроса. Он объявляет содержание величиной переменной, но отнюдь не случайной. То есть становится возможным за видимым разнообразием отношений проследить их устойчивость. Леви-Стросс поясняет ошибки формализма в отношении формы и содержания на примере изучения языка: невозможно изучить язык на основе лишь его грамматики, поскольку словарь языка будет от неё в достаточной степени независим. Эти задачи должны решаться одновременно, иначе результат будет весьма однобоким и не будет существенно обогащать исследование. По сути, здесь поднимается вопрос комплиментарности означающего и означаемого, поставленный ещё Соссюром. То есть формализм и структурализм расходятся в одном из базовых основоположений.

В. Пропп, отвечая на статью Леви-Стросса, предлагает иную трактовку соотношения формы и содержания. Он полностью согласен с французским мыслителем, что форма и содержание являют собой неделимое целое, и что довольно трудно отличить, где в произведении форма, а где – содержание. Но в таком случае, говорит Пропп, тот, кто анализирует форму, анализирует и содержание. Он настаивает, тем не менее, на том факте, что содержательный аспект будет вторичен, так как невозможно его изучение, пока не будут выявлены и изучены закономерности в области художественной формы². Иными словами, выявление смыслов возможно, по мнению Проппа, только на последующих этапах исследования. Это то, с чем категорически не может согласиться Леви-Стросс и весь структурализм вообще: для них

¹ Леви-Стросс К. Структура и форма. Размышления об одной работе Владимира Проппа / Семиотика: Антология. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга. 2001. С. 448.

² Пропп В. Структурное и историческое изучение волшебной сказки (Ответ К.Леви-Строссу)/ Семиотика: Антология. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга. 2001. С. 458.

смыслы задаются именно структурными оппозициями, они являются производными и от самого знака, и от его места в общей системе.

Таким образом, полемика Леви-Стросса и В. Проппа позволяет прояснить некоторые принципиальные положения классического структурализма, резко отграничив его от других школ, в частности, от русской формальной школы. Учеными был прояснён вопрос о соотношении формы и содержания исследуемого явления, вопрос, являвшийся краеугольным для определения структурной методологической программы. В позднейших вариантах структурализма были намечены и другие модели решения этих проблем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Леви-Стросс К. Структура и форма. Размышления об одной работе Владимира Проппа / Семиотика: Антология/ Сост. Ю.С. Степанов. Изд. 2-е. испр. и дополн. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга. 2001.

2. Мартынова А.Н. Владимир Яковлевич Пропп: Жизненный путь. Научная деятельность. СПб.: Дмитрий Буланин. 2006.

3. Пропп В. Структурное и историческое изучение волшебной сказки (Ответ К. Леви-Строссу)/ Семиотика: Антология/ Сост. Ю.С. Степанов. Изд. 2-е. испр. и доп. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга. 2001.

4. Фердинанд де Соссюр. Труды по языкознанию. Курс общей лингвистики. М.: Прогресс, 1977.

СЛОВО СТУДЕНТУ

Ерофеев Герман Олегович,
студент магистратуры
Международного юридического института.
Erofeyev H. O.
master student International law Institute.

СРАВНИТЕЛЬНО–ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВ РОССИИ И АНГЛИИ О ВЫМОРОЧНОМ ИМУЩЕСТВЕ

COMPARATIVE-LEGAL ANALYSIS OF THE LAWS OF RUSSIA AND ENGLAND ON ESCHEAT

Аннотация. В статье раскрывается понятие выморочного имущества, а также рассмотрены положения о выморочном имуществе как в России, так и в Англии. Автором предложен проект закона, определяющего правовой режим выморочного имущества.

Summary. The article discusses the provisions on escheating property in Russia and England, and also proposes a draft law in the law of succession. The author proposed a draft law defining the legal regime of escheated property.

Ключевые слова: государство, наследование, выморочное имущество, бенефициар.

Key words: state, inheritance, escheat, beneficiary.

Наследование – это процесс, включающий в себя множество правоотношений, целью которого является предоставление возможности реализовать права наследника в отношении имущества, переходящего по наследству.

Издавна сложилось так, что в качестве правового инструмента, обеспечивающего баланс как между общественными, так и между частными интересами в области, связанной с имущественными отношениями, выступают наследственные правоотношения. В современных реалиях такие отношения выступают не только как один из наиболее важных способов получения права собственности, но и яв-

ляются основополагающим условием для защиты интересов семьи наследодателя, связанных с имуществом.

Конституция РФ (ст.35)¹, Гражданский кодекс РФ (ст.18, 1118 – 1120, 1152)² дают гражданам РФ право наследовать, а также право завещать свое имущество. Понятие наследования имеет довольно много определений, но в целом – это процесс перехода имущества от одного лица к другому в порядке универсального правопреемства. Важно знать, что в ситуациях, когда у наследодателя отсутствует человек (наследник), которому он может завещать свое имущество, он может оставить свое наследство Российской Федерации, субъектам РФ и даже муниципальным образованиям (речь идет о так называемом выморочном имуществе).

Выморочное имущество – это часть наследственного процесса, в котором предполагается передача недвижимого имущество человека, умершего без наследников, во владение, пользование и распоряжение государству в качестве наследуемого имущества. В законодательстве отмечено, что Российская Федерация не может отказаться от принятия наследства, так как при отказе от принятия наследства такое имущество получает статус бесхозного имущества, и оно автоматически переходит в собственность РФ. Такое имущество, получая статус федеральной собственности, переходит в казну государства. Будущая судьба имущества зависит от его вида. Порядок наследования и учета выморочного имущества, а также порядок предоставления его в собственность субъектов РФ или муниципальных образований определяются законом (п. 3 ст. 1151 ГК РФ).

Изучая международный опыт, автор заметил, что в Англии существует отдельный закон (Закон о несостоятельности 1986) о выморочном имуществе (escheat)³. В Англии это – возвращение собственности государственному органу в отсутствие законных заявителей или наследников. Выморочное имущество (escheat) – это конфискация всего имущества (включая банковские счета) в государственную казну

¹ Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ).

² Гражданский кодекс РФ. [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

³ Escheat (выморочное имущество). [Электронный ресурс]. URL: <https://definitions.uslegal.com/e/escheat/>

при отсутствии наследников, потомков или названных бенефициаров, которые могли бы забрать имущество после смерти последнего известного владельца. Бенефициаром можно назвать человека, который указан как получатель денежных средств и в адрес которого производится денежный платеж. В роли получателя может быть обозначено как физическое, так и юридическое лицо. Одна из главных задач бенефициаров – определение того, куда пойдут активы после смерти владельца.

Имущество, которое может быть передано государству в Англии, включает: сберегательные и расчетные счета, невыплаченные платежные ведомости или кассовые чеки, денежные переводы и дорожные чеки, депозитные сертификаты, депозиты или переплаты клиентов, оплаченные полисы страхования жизни, страхование от несчастных случаев, непокрытые чеки на смерть, подарочные сертификаты и Рождественские клубные счета, запасы и дивиденды, коммунальные депозиты, нефтегазовые лицензионные платежи.

Мы видим, что толкование понятия выморочного имущества в целом как в России, так и в Англии имеет много общего, однако есть существенные различия. Общим является тот факт, что в Англии можно назначать бенефициаров, в то время как в России имущество переходит только к Российской Федерации или к городам федерального значения (Москва, Санкт-Петербург и Севастополь). Однако бенефициар может отказаться принять это имущество. В сложившейся ситуации бенефициар будет отличаться от наследника по завещанию тем, что наследник – это кровный родственник умершего, а бенефициар – это лицо или организация. Однако в такой ситуации бенефициар в Англии будет идентичен исполнителю завещания в России, согласно ГК РФ (статья 1134 – Исполнитель завещания). Существенным же различием является тот факт, что в РФ в качестве выморочного имущества являются только лишь жилые помещения, земельный участок с расположенными на данной территории зданиями. В Англии же, как отмечалось выше, выморочным имуществом признаются расчетные счета, страхование и т.д.

Немаловажным фактором является также проблема добросовестного приобретателя, который может купить выморочную квартиру у аферистов. О праве на такое жилое помещение должна сообщить администрация, однако зачастую уполномоченные лица ненадлежащим образом выполняют свои обязанности. В результате бесхозное имущество переходит к мошенникам. Чтобы пресечь подобные ситуа-

ции и защитить права граждан, автор предполагает, что введение подобного законопроекта по защите прав просто необходимо.

Таким образом, основываясь на опыте английского законодательства, автор полагает возможным дополнение действующего российского законодательства рядом положений. Так, в частности, возможно законодательное разделение наследственного имущества по составу наследственной массы, что способствовало бы защите прав граждан, поскольку в настоящий момент не совершается каких-либо мер по реальному поиску возможных наследников. С введением такой поправки первоочередной задачей будет розыск наследников, а при их отсутствии – признание имущества выморочным. В связи с тем, что признание имущества выморочным происходит по решению суда, по мнению автора, такие меры являются своеобразной гарантией защиты прав наследников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гражданский кодекс РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/10164072/>
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.constitution.ru/>
3. Закон о наследовании 1975 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1975/63>
4. Бегичев А.В. Наследственное право России: учебное пособие / А.В. Бегичев. М.: Логос, 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iprbookshop.ru/70698.html>
5. Закон об управлении наследственным имуществом 1925 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.wikiwand.com/en/Administration_of_Estates_Act_1925
6. Escheat (выморочное имущество). [Электронный ресурс]. URL: <https://definitions.uslegal.com/e/escheat/>
7. Бенефициар. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.audit.ru/terms/agreements/benefitsiar.html>

Зуева Елена Анатольевна,
студентка магистратуры
Международного юридического института.
Zueva E.A.
master student International law Institute.

ЗАЩИТА АВТОРСКИХ ПРАВ ДИССЕРТАНТОВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

LEGAL PROTECTION OF COPY RIGHTS AND/OR INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS OF THESIS DEFENDERS IN THE INTERNET

Аннотация. В статье анализируются источники права и внутреннее законодательство Российской Федерации в области защиты авторских прав в сети Интернет, выявлены пробелы законодательства в части защиты авторских прав, даны варианты решения защиты авторского права диссертантов в сети Интернет.

Abstract. This article analyzes the sources of legislation of the Russian Federation in terms of legal protection of copy rights and/or intellectual property rights of thesis defenders in the Internet and provides conclusions demonstrating collisions available in the law concerning this issue.

Ключевые слова: защита авторских прав, законодательство РФ, Интернет, незаконное воспроизведение, Российский Союз Правообладателей.

Key words: copy rights and/or intellectual property rights, legislation of the RF, Internet, Russian Intellectual Property Rights Association (RIPRA).

Поскольку сеть Интернет стала средством ведения бизнеса, появилась возможность предоставления доступа, несанкционированного распространения объектов, защищенных авторскими правами, с целью получения прибыли. Виновные в несанкционированном использовании и распространении таких объектов остаются безнаказанными и не несут ответственности по действующему законодательству. Объектом несанкционированного распространения является диссертация – квалификационная работа на присуждение академической или учёной

степени. Права авторов должны сохранять свою актуальность вне зависимости от технических достижений и уважаться в реальном и виртуальном пространствах¹. Поэтому возникает необходимость поиска гражданско-правовых методов и средств защиты авторских прав в сети Интернет.

Апарышев И., Петренко Е.Г., Новикова О.В. отмечают, что из-за отсутствия специальных норм, которые квалифицировали бы конкретные нарушения авторского права в сети, нет положения по защите авторских прав в сети Интернет. Из-за этого происходят нарушения прав авторов научных работ, аудио- и видеoinформации и других произведений².

Диссертация – научно-квалификационная работа, имеющая значение для соответствующей отрасли знаний и/или существенное значение для развития страны³. Поскольку она является результатом творческой деятельности человека и объектом авторского права, обращение с ней регулируется положениями Конституции, частью IV Гражданского кодекса РФ, Уголовного кодекса РФ, международными нормативно-правовыми актами, федеральными законами, положениями, регламентирующими порядок защиты и присвоения научных званий, законами о защите информации. Согласно статье 1229⁴ ГК РФ, авторское право включает исключительное право гражданина или юридического лица использовать результат интеллектуальной деятельности по своему усмотрению любым не противоречащим закону способом. При этом другие лица не могут использовать соответствующие результат интеллектуальной деятельности без согласия правообладателя. Наиболее распространенными нарушениями авторских

¹Декларации Комитета министров Совета Европы о правах человека и верховенстве права в информационном обществе/МОО «Информация для всех» [Электронный ресурс] <http://www.ifap.ru/ofdocs/eu/dhrrlis.pdf>

²Петренко Е.Г., Новикова О.В. Международно-правовая защита авторских прав в сети Интернет / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] <http://www.consultant.ru>

³Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 (ред. от 01.10.2018) «О порядке присуждения ученых степеней» (вместе с «Положением о присуждении ученых степеней») / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] <http://www.consultant.ru>

⁴Гражданский кодекс Российской Федерации (ч.4) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 18.07.2019) / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] <http://www.consultant.ru>

прав в сети Интернет являются: изменение внешнего вида произведения, размещение на сайте без согласия автора, полное и/или частичное копирование и публикация в сети Интернет без согласия автора.

С учетом проведенного анализа считаю, что научно-квалификационные работы могут попадать в сеть Интернет только из библиотек организаций, в которые поступают в период предзащиты диссертаций и остаются там после их защиты. Согласно статье 1275 ГК РФ, в библиотеках могут находиться электронные копии этих работ в открытом доступе, и, следовательно, можно производить дополнительные копии этих работ. Механизм осуществления контроля в части соблюдения условий отсутствия цели извлечения прибыли при копировании на данном этапе неясен.

Проект закона «О внесении изменений в Федеральный закон “Об обязательном экземпляре документов”»¹ не предусматривает разработку порядка хранения, использования и обеспечения безопасности диссертационных материалов с целью их защиты от незаконных копирования и иного использования². Электронное копирование печатного издания должно осуществляться с согласия правообладателей³.

Согласно статье 1273 ГК РФ, копирование произведения без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты вознаграждения возможно только в личных целях; копирование произведения с целью получения прибыли без согласия правообладателя недопустимо. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 10⁴ указано, что нарушением исключительного права на произведение является неправомерное доведение произведения до всеобщего сведения, в том

¹Постановление ГД ФС РФ от 17.06.2016 № 9298-6 ГД «О Федеральном законе «О внесении изменений в Федеральный закон “Об обязательном экземпляре документов”»» (проект № 794026-6)/СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] <http://www.consultant.ru>

² Решение Комитета по культуре от 14.10.2015 № 9-4 «О проекте Федерального закона № 794026-6 “О внесении изменений в Федеральный закон “Об обязательном экземпляре документов”»/СПС «Консультант-Плюс» [Электронный ресурс] <http://www.consultant.ru>

³Там же

⁴Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»/СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] <http://www.consultant.ru>

числе, при неправомерном размещении в сети Интернет. Допускается некоммерческое использование экземпляра произведения без согласия правообладателя для удовлетворения собственных потребностей или потребностей обычного круга семьи этого гражданина¹. Невозможно определить, выполняется ли копия произведения для личного пользования или в коммерческих целях.

В случае нарушения или оспаривания прав авторов научно-квалификационной работы используются юрисдикционные и неюрисдикционные способы защиты. Могут применяться также технические средства защиты информации от несанкционированного доступа. Основные неюрисдикционные способы защиты и закрепления авторства в Российской Федерации: максимально ранняя фиксация факта создания продукта конкретным лицом, сохранение всех исходных материалов, которые использовались при создании продукта, регистрация произведений в специальных организациях, электронное депонирование авторства, знак охраны авторских прав или наименования правообладателя². В последние годы появилась практика использования нотариального заверения на произведение³, технология блокчейн⁴, бессрочное блокирование информационного ресурса, на котором размещен противоправный контент, которое осуществляется в судебном порядке⁵.

Для защиты авторского права могут быть применены юрисдикционные способы, такие как: признание права, восстановление положения, существовавшего до нарушения права, пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, компенсация морального вреда, публикация решения суда о допущенном

¹ Там же

²Методические рекомендации по отнесению архивных документов к объектам авторского и смежных прав, доступу и порядку использования таких документов/утв. Росархивом/ [Электронный ресурс] / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] <http://www.consultant.ru>

³Лысенко П.М. Основные проблемы и вопросы, стоящие перед современным авторским правом //Общество и право. 2009. № 1. С. 5.

⁴Сушкова О.В. Актуальные вопросы практики защиты авторских прав в бизнесе в сети Интернет /Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2019. № 3. С. 7-11.

⁵Осипов М.Ю. Защита авторских прав в сети Интернет: основные особенности и проблемы/СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] <http://www.consultant.ru>

нарушении, защита чести, достоинства и деловой репутации, пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, возмещение убытков, взыскание неустойки, прекращение или изменение правоотношений.

Чаще всего авторы для защиты своих прав обращаются в суд за предварительным обеспечением защиты авторских прав путем подачи публично-правового иска в Суд по интеллектуальным правам о запрете распространения на территории РФ противоправного контента. Наибольшую популярность в настоящее время приобретает оформление соответствующей открытой лицензии на произведения литературы, науки и искусства (статья 1286.1 и статья 1233 ГК РФ). Лицензиар может предоставить лицензиату право на использование принадлежащего ему произведения для создания нового результата интеллектуальной деятельности.

Но следует отметить, что все указанные выше средства защиты информации не являются достаточно эффективными, поскольку, во-первых, при реализации авторских произведений через Интернет очень сложно, иногда невозможно отследить всех субъектов, получивших доступ и занимающихся распространением авторского произведения с целью дальнейшего получения прибыли, поскольку после защиты и присуждения ученой степени по всем научным специальностям обязательный экземпляр диссертации направляется в Российскую государственную библиотеку, в Центральную научную медицинскую библиотеку Московской медицинской академии имени И.М. Сеченова¹. В случае судебной защиты прав авторов решение о предварительном обеспечении чаще всего не выносится, поскольку сайты, размещающие авторские произведения с нарушением авторских прав, чаще всего являются анонимными².

Во-вторых, бремя финансирования решения вопроса по защите авторских прав всегда возлагается на правообладателя, а не на правонарушителя. Правонарушитель вообще не подвергается наказанию,

¹Новикова Н.А. Комментарий к Федеральному закону от 29 декабря 1994 года № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» (постатейный) (Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2014) / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] <http://www.consultant.ru>

²Данилин С.Н., Борисов А.Н. Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса РФ (постатейный)/СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] <http://www.consultant.ru>

поскольку не все правообладатели имеют возможность финансировать защиту своих прав.

В-третьих, отсутствие четких законодательных требований к порядку регистрации субъектов, публикации, лицензирования и контроля доступа и использования документов, защищенных авторскими правами, усложняет доказательство и оценку ущерба, оформление требования о денежной компенсации ответчиком ущерба, причиненного автору научно-исследовательской работы в результате ее несанкционированного предоставления в сети Интернет неограниченному кругу лиц.

В-четвертых, невозможно отследить, с какой целью осуществляется воспроизведение гражданином: в личных целях без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты вознаграждения или в целях получения прибыли. Механизм регулирования данного вопроса в части защиты прав авторов не отработан, поэтому невозможно установить обязанности в отношении возмездного или безвозмездного использования авторского произведения, отсутствует процедура оценки размера авторского вознаграждения.

В подтверждение отсутствия эффективного механизма регулирования вопросов защиты авторских прав диссертантов можно упомянуть о размещении в сети Интернет диссертации по филологии арабского языка на соискание ученой степени доктора наук Спиркина А.Л. «Идентификация функциональных стилей и речевых жанров современного арабского языка», которая уже в течение длительного времени размещена в сети Интернет с целью получения прибыли. Неюрисдикционные средства защиты авторских прав в отношении данной диссертации применялись, то есть были публикация, депонирование, знак охраны авторского права. Однако данный научный труд до сих пор размещен в сети Интернет, несмотря на то, что от имени правообладателя было письменное обращение к владельцу сайта с требованием удалить данную работу из сети.

При этом, несомненно, в последнее время делаются попытки по защите авторских прав в сети Интернет. Например, группа компаний, занимающихся контентом и сайтами с информацией, которую вводят сами пользователи, разработала ряд правил поведения UGC Principles для повышения уровня защиты авторских прав путем применения

технологий фильтрации и эффективных мер по удалению незаконно используемых авторских произведений¹.

Помимо того, в настоящий момент представляет интерес система лицензий международной некоммерческой организацией Creative Commons. Система предусматривает деление лицензий на две группы: свободные и несвободные. Лицензии предусматривают сохранение авторских прав на произведение, получение разрешения автора на любую из вещей, которые автор решит ограничить, сохранять любые уведомления об авторских правах нетронутыми на всех копиях произведения. Лицензии действительны во всех странах мира². Положения этих лицензий нашли отражение в статьях 1286.1, 1233, 1282 Гражданского кодекса РФ в обобщенной форме³. Имеет смысл более детально изучить и проанализировать опыт применения этих лицензий в практике защиты прав авторов с целью их возможного применения в России.

На основании вышеизложенного считаю, что для защиты прав пользователей системы Интернет необходимо ввести закон об Интернете, который должен определять порядок лицензирования и технологические стандарты, регламентировать вопросы защиты интеллектуальной собственности и потребителей, ответственность провайдеров, меры пресечения преступлений в сети. Для этого в законе следует отразить вопросы защиты авторских прав путем введения специальных лицензий по типу Creative Commons, допустить размещение диссертаций на одном сайте, например ВАК, запретить электронное копирование работ в течение нескольких лет, ввести оценку результата интеллектуальной собственности для определения размера авторского вознаграждения, совершенствовать процедуру досудебного разбирательства споров по защите прав авторов, наделив для этого необходимыми полномочиями Российский Союз Правообладателей (РСП), что позволило бы сократить сроки решения вопросов защиты авторских прав и снизило бы финансовую нагрузку на правообладателей.

¹Рекомендации ИСС по интеллектуальной собственности. Обзор актуальных вопросов для предпринимателей и органов власти/СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] <http://www.consultant.ru>

²Соснин К.А Creative Commons: правовые аспекты применения в Российской Федерации /СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] <http://www.consultant.ru>

³ Там же

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч.4) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 18.07.2019) / СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 29.12.1994 № 77-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об обязательном экземпляре документов» / СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 / СПС «КонсультантПлюс».
4. Декларации Комитета министров Совета Европы о правах человека и верховенстве права в информационном обществе / МОО «Информация для всех».
5. Данилин С.Н., Борисов А.Н. Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса РФ (постатейный) / СПС «КонсультантПлюс».
6. Засурский И. Новая модель регулирования авторских прав. Общественное достояние и концепция общего блага. Издание третье, дополненное и исправленное. М., Екатеринбург: ассоциация интернет-издателей «Кабинетный ученый». М. 2018.
7. Лысенко П.М. Основные проблемы и вопросы, стоящие перед современным авторским правом. // Общество и право. 2009, № 1.
8. Методические рекомендации по отнесению архивных документов к объектам авторского и смежных прав, доступу и порядку использования таких документов (утв. Росархивом) / СПС «КонсультантПлюс».
9. Новикова Н.А. Комментарий к Федеральному закону от 29 декабря 1994 года № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» (постатейный) / СПС «КонсультантПлюс».
10. Осипов М.Ю. Защита авторских прав в сети Интернет: основные особенности и проблемы / СПС «КонсультантПлюс».
11. Рекомендации ИСС по интеллектуальной собственности. Обзор актуальных вопросов для предпринимателей и органов власти / СПС «КонсультантПлюс».
12. Решение Комитета по культуре от 14.10.2015 № 9-4 «О проекте Федерального закона № 794026-6 “О внесении изменений в Федеральный закон “Об обязательном экземпляре документов” ”» / СПС «КонсультантПлюс».

13. Рекомендации ИСС по интеллектуальной собственности. Обзор актуальных вопросов для предпринимателей и органов власти/ СПС «КонсультантПлюс».

14. Соснин К.А Creative Commons: правовые аспекты применения в Российской Федерации / СПС «КонсультантПлюс».

15. Сушкова О.В. Актуальные вопросы практики защиты авторских прав в бизнесе в сети Интернет / СПС «КонсультантПлюс».

Лосяков Андрей Викторович,
студент магистратуры
Международного юридического института.
Losyakov A.V.
master student International law Institute.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ В СЛУЧАЕ ПЕРЕМЕНЫ (ИЗМЕНЕНИЯ) ПОЛА ОДНИМ ИЗ СУПРУГОВ

LEGAL PROBLEMS OF MARRIAGE RELATIONS IN RUSSIA IN CASE OF CHANGE (CHANGE) OF THE SEX OF ONE OF THE SPOUSES

Аннотация. Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме сохранения брачных отношений в России в случае перемены (изменения) пола одним из супругов. На данный вопрос отсутствует четкий ответ как в законодательстве страны, так и правовой доктрине. Автор рассматривает ключевые аспекты по этой теме и предлагает определенные нововведения в семейное законодательство.

Abstract. The article is devoted to the current problem of preserving marriage relations in Russia in the event of a change (change) of the sex of one of the spouses. There is no clear definition of this issue in the legislation of the country and there is no single position among academic legal scholars. The author examines the key aspects of this issue and proposes certain innovations in family law.

Ключевые слова: перемена (изменение) пола, брачные отношения, семейное законодательство, органы ЗАГС.

Key words: gender change, marital relations, family law, registry of-
fice bodies.

Наше общество постоянно развивается, появляются новые технологии, медицинские препараты, разные носители информации и т.д. С развитием общества появляются и новые виды прав человека, которые раньше были незаметны или государство им не уделяло должного внимания.

Одним из таких прав стало право на перемену (изменение) пола. Данное право относится к новому поколению прав – личностным (соматическим) правам. Этот термин в России в начале 2000-х годов впервые ввел в научный оборот В.И. Крусс¹. Основной идеей этого вида прав является модернизация собственного тела или возможность распоряжаться своим телом. К этому поколению прав можно отнести: право на эвтаназию, на перемену пола, на аборт, на трансплантацию органов, на стерилизацию и т.д. Научное сообщество не сразу приняло данный вид прав, а автора обвинили в псевдонаучности. Это поколение прав не нашло своего закрепления в Конституции РФ, но перечисленные права являются производными от личных прав. Их можно отнести к категории физической и духовной свободы человека². В отличие от России за рубежом эти права признаны уже давно.

Возвращаясь к теме нашего исследования, стоит отметить, что первой страной в мире, официально закрепившей за своими гражданами право на перемену пола, стала Швеция³. Это произошло в 1972 году. Помимо Швеции перемена (изменение) пола законодательное закрепление получила в Италии, Голландии, Испании, Китае, Германии, Австралии, США, Великобритании и еще целом ряде стран⁴. В

¹ Крусс В.И. Личностные (соматические) права в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. 2000. № 10. С. 43-50.

² Вечканова Н.В. Конституционное регулирование и судебная защита личных прав и свобод в странах СНГ: Дис. ... канд. юрид. наук. М. 2014. С. 27.

³ Как это было: первые операции по смене пола. [Электронный ресурс] / URL: <https://birdinflight.com/ru/mir/kak-eto-vyglyadelo-pervye-operatsii-po-smene-pola.html>

⁴ Отставнова Е.А. Вопросы смены пола в международном праве и российском законодательстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 3(116). С.50-55.

перечисленных странах действует отдельный закон, иногда даже не один, регулирующий перемену (изменение) пола.

К сожалению, в России такого широкого законодательного закрепления данного права нет. На сегодняшний день нормативный акт, где упоминается перемена пола, – это Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» и только в одной статье 70 ч. 3¹. Еще одним актом является приказ Министерства здравоохранения № 850Н от 23 октября 2017 г. «Об утверждении формы и порядка выдачи медицинской организации документа об изменении пола»².

Очевидно, что недостаточное нормативно-правовое регулирование перемены (изменения) пола приводит к различного рода проблемам. Чаще указанные проблемы возникают в отрасли семейного права и, в основном, это касается брачно-семейных отношений. Одним из главных вопросов для нашего законодательства остается вопрос сохранения брака после перемены (изменения) пола, если такой брак до этого был зарегистрирован. Должен ли он быть прекращен? Допустимо ли его сохранение? У отечественных цивилистов на этот счет нет единого мнения. Существуют предложения от объявления «социальной смерти» лица в связи с переменой пола и, соответственно, прекращения брака до признания такого брака гражданским партнерством или некой семейной общностью. Но для этого нужно кардинально поменять принципы семейного законодательства.

Кандидат юридических наук А.Ю. Беспалов предлагает признавать такой брак недействительным с момента выдачи медицинской организацией заключения о смене пола, и такое действие должно совершаться после сообщения медицинской организацией³. Этот порядок действий мог бы быть актуальным раньше до введения приведенного выше приказа. Правда, он не указывает, куда должна сообщить медицинская организация о безвозвратной смене пола: в прокуратуру

¹ Федеральный закон №143-ФЗ от 15.11.1997 «Об актах гражданского состояния» Гл. 9. Ст. 70 ч. 3. /Собрание законодательства РФ. 1997. № 47. Ст. 5340.

² Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 23 октября 2017 г. № 850н «Об утверждении формы и порядка выдачи медицинской организацией документа об изменении пола» / Официальный портал правовой информации [Электронный ресурс] <http://pravo.gov.ru>.

³ Беспалов А.Ю. Недействительность брака по семейному законодательству Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М. 2013 С. 116.

или сразу в суд. Ведь признать брак недействительным уполномочен только суд, требовать недействительности в некоторых случаях может прокурор. Как правило, до приведенного выше приказа Министерства здравоохранения регистрация перемены пола в органах ЗАГС проходила обязательно через суд, и часто требовалось заключение медицинской организации о безвозвратной перемене пола после хирургической операции. Сейчас может проводиться только гормональное лечение без операции, и теоретически лицо может вернуться в прежнее свое состояние. По сути дела после получения справки у лица остается выбор сменить запись акта гражданского состояния и соответственно свой паспортный пол или остаться с половой принадлежностью по рождению. Поэтому, на наш взгляд, право о сообщении медицинской организации куда-либо про выдачу документа о перемене пола будет необосновано.

В Семейном кодексе РФ дается исчерпывающий перечень обстоятельств, когда брак признается недействительным. В данном случае фактически появившийся однополый брак противоречит российскому законодательству, и суд должен принимать решение в соответствии со ст. 5 СК РФ по аналогии права, а возможность требовать недействительности брака – прокурор, в соответствии со ст. 45 ГПК. Но здесь следует оговориться в том, что супруг может поменять пол фактически, но по документам остаться с тем полом, который у него был по рождению. И в этом случае уже юридических оснований для требования брака недействительным не будет.

Ученый А.Ю. Беспалов отмечает и другую ситуацию, которая может возникнуть на практике, когда лицо, сменившее свою половую принадлежность, вправе вступить в брак с лицом того пола, который у него был до медицинского вмешательства¹. Никаких правил на этот счет российское семейное законодательство не содержит. Здесь наше государство может исходить из правовых позиций Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), который признает все социальные права человека в соответствии с его половой принадлежностью, возникающие у него уже после перемены (изменения) пола². Соответственно,

¹ Беспалов А.Ю. Недействительность брака по семейному законодательству Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М. 2013. С. 116.

² Василевич Д.Г. Взаимодействие соматических и иных прав и свобод человека и гражданина// Вестник экономической безопасности. 2018. № 4. С.30-35.

нет ограничений на вступление в брак, если по документам он является лицом противоположного пола по отношению к своему будущему супругу.

Иногда встречаются ситуации, когда юридически брак регистрируется между разнополыми лицами, а фактически между лицами с одинаковой половой принадлежностью. В 2014 году в Санкт-Петербурге прошло бракосочетание, которое вызвало большой общественный резонанс. По документам брак состоялся между мужчиной и женщиной, но фактически между двумя женщинами. На тот момент один из будущих супругов находился в процессе перемены (изменения) пола. Это бракосочетание привело к волне возмущения и законодательной инициативе депутатов Государственной Думы с целью внесения изменений в ст. 14 СК РФ, где в обстоятельства, препятствующие заключению брака, предлагалось включить изменение половой принадлежности до заключения брака и в процессе регистрации брака¹. Если бы данную инициативу поддержали, она бы носила спорный характер, так как юридических оснований для препятствий к браку не было. По документам брак регистрируется между мужчиной и женщиной, а насколько физиологически мужчина соответствует своему полу, органы ЗАГС оценивать явно не уполномочены. Единственное изменение, которое здесь можно предложить законодателю, – это внесение дополнения в ст. 15 СК РФ ч.3., где добросовестный супруг может обратиться в суд для признания брака недействительным как из-за сокрытия венерического заболевания другим супругом, так и из-за сокрытия одним из супругов перемены пола по рождению. В соответствии с п.4 ст. 169 СК РФ и ст. 181 ГК РФ иск о признании брака недействительным может быть предъявлен в течение одного года со дня, когда он узнал или должен был узнать о сокрытии этого заболевания и аналогично о сокрытии перемены (изменении) пола по рождению². Если сокрытия не было, то и оснований признать брак недействительным не должно быть.

Таким образом, рассмотрев данную проблему, можно прийти к выводу, что отечественное семейное законодательство нуждается в определенных корректировках в соответствии с новым появившимся

¹ Мониторинг законопроектов РФ, ГД. [Электронный ресурс] URL: <https://lawmon.ru/law/790069-6.html>

² Семейный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в действующей ред.) Раздел 2. Гл. 5. Ст. 15 ,28., Раздел 8. Ст. 169. / Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

правом. Введение приказа Министерства здравоохранения № 850н «Об утверждении формы и порядка выдачи медицинской организации документа об изменении пола» еще раз подтвердило законодательное признание права на перемену (изменение) пола у наших граждан. Очевидно, что всего лишь одна статья в федеральном законе, которая говорит об этом праве, не может решить всех вопросов. К сожалению, точной статистики в России, сколько процентов людей сменили пол или на пути к этому, нет. Но если наша страна признает это право и является правовым государством, то она должна обеспечить равные возможности всем своим гражданам, а общественным отношениям, которые еще не урегулированы, придать надлежащую правовую форму.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Семейный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в действующей ред.) / СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
2. Федеральный закон №143-ФЗ от 15.11.1997 «Об актах гражданского состояния» Гл. 9. Ст. 70 ч. 3. / СЗ РФ. 1997. № 47. Ст. 5340.
3. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 23 октября 2017 г. № 850н «Об утверждении формы и порядка выдачи медицинской организацией документа об изменении пола» /Официальный портал правовой информации [Электронный ресурс] <http://pravo.gov.ru>.
4. Беспалов А.Ю. Недействительность брака по семейному законодательству Российской Федерации: дис. ...канд. юрид. наук./ А.Ю. Беспалов. М. 2013.
5. Вечканова Н.В. Конституционное регулирование и судебная защита личных прав и свобод в странах СНГ: дис. ...канд. юрид. наук /Н.В. Вечканова. М. 2014.
6. Василевич Д.Г. Взаимодействие соматических и иных прав и свобод человека и гражданина // Вестник экономической безопасности. 2018. № 4.
7. Крусс В.И. Личностные (соматические) права в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. 2000. № 10.
8. Как это было: первые операции по смене пола. [Электронный ресурс] URL: <https://birdinflight.com/ru/mir/kak-eto-vyglyadelo-pervye-operatsii-po-smene-pola.html>

9. Мониторинг законопроектов РФ, ГД. [Электронный ресурс]
URL: <https://lawmon.ru/law/790069-6.html>

10. Отставнова Е.А. Вопросы смены пола в международном праве и российском законодательстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 3 (116).

Лужаева Оксана Владимировна,
студентка магистратуры
Международного юридического института.
Luzhayeva O.V.
master student International law Institute.

К ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГО-ВОЗРАСТНЫХ УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

TO THE QUESTION OF PSYCHOLOGICAL AND AGE CONDITIONS ORMATION OF CRIME OF MINORS

Аннотация. Статья посвящена анализу психолого-возрастных условий формирования преступности в среде несовершеннолетних. Автором на основе комплексного криминологического анализа выявлены ведущие детерминанты делинквентного поведения несовершеннолетних. В работе уточнено содержание основных категорий в рамках исследуемой проблемы с учетом современных научных разработок, а также фундаментальных и прикладных подходов.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the psychological and age-related conditions for the formation of crime among minors. Based on a comprehensive criminological analysis, the authors identified the leading determinants of delinquent behavior of minors. The paper clarifies the content of the main categories within the framework of the problem under study, taking into account modern scientific developments, as well as fundamental and applied approaches.

Ключевые слова: несовершеннолетние, преступность несовершеннолетних, девиантное поведение, делинквентность, психолого-возрастные характеристики.

Key words: minors, juvenile delinquency, deviant behavior, delinquency, psychological and age characteristics.

Как известно, из всех проявлений делинквентности наиболее полно изучена преступность. В этот процесс значительный вклад внесены криминологами, социологами, психологами, а также представителями некоторых естественных наук. Однако в науке по-прежнему сохраняются дискуссии, нацеленные на выявление соотношения понятий «делинквентность» и «преступность» (или «криминальное поведение»). Например, А.И. Кравченко утверждает, что делинквентность характеризует специфически подростковую форму отклоняющегося поведения. Термин же «криминальное поведение» (преступность), по его мнению, выступает характеристикой поведения исключительно взрослых людей. Исследователь указал, что именно в степени профессионализма или закоренелости и состоит различие между ними. Действительно, взрослая преступность и, тем более, рецидивная (повторная), предполагает определенный уровень профессионализма, в то время как юношеская делинквентность является в большей степени любительским занятием, проступком, совершаемым впервые¹.

В схожем контексте разбирает указанную проблему и В.Ф. Анурин. По его мнению, если, с точки зрения криминологии, рассматривать делинквентное поведение в качестве исключительно молодежного (юношеского) правонарушения, то следует признать наличие высокого уровня правонарушений, совершаемых несовершеннолетними в возрасте от 12 до 18 лет и подлежащих судебному и административному преследованию². Криминолог Я.И. Гилинский, напротив, убежден, что некорректно увязывать преступность с устойчивыми социально-возрастными условиями и детерминантами. Согласно его позиции, «преступность, не имеет естественных границ в реальности»³. Однако, по его мнению, преступность как деструктивный социальный фактор проявляется в виде «отклоняющегося поведения, достигшего

¹ Кравченко А.И. Социология: Учебник. М.: Проспект. 2003. С. 254.

² Анурин В.Ф. Основы социологических знаний: курс лекций по общей социологии. Н.Новгород: НКИ, 1998. С. 72.

³ Гилинский Я.И. Объяснение преступности // Предупреждение преступности. 2002. № 2 (4). С. 79.

общественной опасности»¹. Основываясь на данном тезисе, можно заключить, что преступность не может быть характерна для какой-либо конкретной социальной группы. В данном случае имеется в виду старшая возрастная группа. Ведь общественная опасность на практике может исходить и от отдельно взятого подростка, и от группы несовершеннолетних. Следовательно, как полагаем, разумных аргументов для выделения возрастной преступности не имеется.

Напротив, логично выглядит утверждение о прямой зависимости и тесной взаимосвязи «взрослой» преступности с правонарушениями подростков. Это подтверждается данными статистики. Так, Э.С.-М. Ахьядов в своем исследовании указал, что более половины (53 %) профессиональных преступников первое преступление совершили в возрасте 14-16 лет, 35 % – в возрасте 17-18 лет².

Считаем, что юридический термин «подростковая делинквентность» был введён для обозначения деяний юных правонарушителей для того, чтобы не клеймить их как преступников и не ломать их психику. Тем самым, можно попытаться выделить несовершеннолетних из основной массы и построить общение с ними иначе, нежели со взрослыми преступниками. Следовательно, имеет смысл говорить о преступности несовершеннолетних как об особой форме криминальных правонарушений вообще.

Согласно Уголовному кодексу РФ, несовершеннолетними преступниками признаются лица, которым на момент совершения преступления исполнилось 14, но не исполнилось 18-ти лет³. Психологами установлено, что усвоение моральных и правовых запретов заканчивается в подростковом возрасте. Из этого и исходил законодатель, когда устанавливал частичную уголовную ответственность с возраста 14 лет. К их числу относятся убийство, грабёж, разбой, изнасилование, умышленное причинение тяжких телесных повреждений, особо злостное хулиганство. Полная же уголовная ответственность за

¹ Гилинский Я.И. Понятие преступности в современной криминологии // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ. 2001. № 3. С. 78.

² Ахьядов Э.С.-М. Криминологическая характеристика и профилактика преступлений несовершеннолетних и молодежи // Молодой ученый. 2013. № 12 (59). С. 621.

³ П. 1. ст. 87 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018 № 569-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954; 2018. № 53. Ч. I, ст. 8495.

все преступления, предусмотренные уголовным законом, наступает с шестнадцатилетнего возраста. Можно с уверенностью констатировать, что именно уголовное наказание проводит границу между делинквентным и преступным поведением. Подростки, стоящие на учёте в комиссии по делам несовершеннолетних, являются делинквентами, а не преступниками. Таковыми они становятся, попав за решётку и начав своё «взросление» в условиях зоны.

Понятие преступности среди несовершеннолетних связано с возрастом 14-17 лет. Однако в современном обществе неуклонное омоложение преступности является, по мнению криминологов, да и простых граждан, очень тревожной тенденцией. Всё чаще даже представители младших возрастных групп попадают в сферу преступного воздействия. Сегодня деятельность несовершеннолетних уже в возрасте 8-10 лет требует особого внимания, с точки зрения своего криминального характера.

А.И. Долгова предложила разграничить период несовершеннолетнего возраста на два этапа: 14-15 и 16-17 лет. Лишь так, на её взгляд, их криминальные характеристики можно подвергнуть дифференцированному анализу, а также выявить психолого-возрастную обусловленность преступного поведения¹. Действительно, коэффициент криминальной активности в первой группе в 2,6 раза ниже, чем у старших подростков. Удельный вес 16-17-летних на протяжении последних лет устойчиво составляет около 70 %².

Выводы последних психологических исследований позволяют определить степень возрастной обусловленности в формировании преступности. Как известно, возраст 15-16 лет является переходным периодом, а поэтому и самым сложным из переломных этапов. Ведь подросток в этот возрастной период перестаёт быть ребёнком, но ещё не успевает включиться во взрослую социальную среду. Эта возрастная группа пока ещё слишком уязвима, для неё характерны социальная незрелость и физиологические особенности формирующегося организма. Для неё характерно гипертрофированное стремление испытать острые ощущения и быть независимым. В то же время этим подросткам свойственно неумение в большинстве случаев адекватно

1 Криминология: Учебник / Под общ. ред. проф. А.И. Долговой. М.: Норма. 2008. С. 790.

2 Преступность и правонарушения. 2012. Статистический сборник. М. 2013. С. 50.

оценивать последствия своих действий, что зачастую приводит к переоценке своих пока ещё весьма скромных возможностей.

Подросток часто не соответствует требованиям, которые предъявляет к нему общество. Окружающие возлагают на него определенные ожидания, но он не готов к выполнению новых для себя социальных ролей. В то же время, несовершеннолетний субъект считает, что не получает от общества того, на что вправе рассчитывать. В итоге биологическая и социальная незрелость подростков неизбежно приводит к противоречиям с требованиями общества. Скрытая опасность этих противоречий состоит в том, что зачастую они становятся реальным источником криминальных девиаций. Всё это в совокупности с трудной экономической ситуацией в государстве более чем когда-либо побуждает подростков совершать преступления такие, как мелкие и крупные кражи, торговля наркотиками и т.д. Негативную лепту в преступное созревание несовершеннолетних добавляют свойственные для них такие черты поведения и качества, как несформированность устойчивых нравственных позиций, импульсивность, повышенная эмоциональная возбудимость, неуравновешенность, критический негативизм, юношеский максимализм.

Последствиями этих характерных черт несовершеннолетних подростков становится то, что, не сумев самоутвердиться в сфере обучения, в положительной роли сына-дочери, брата-сестры и т.д., часть подростков находят в качестве компенсаторных позиций разного рода девиантные и делинквентные формы поведения. Как точно отразил проблему Я.И. Гилинский, неудовлетворённая потребность подростков в социальном признании и самоутверждении приводит к попыткам реализовать себя не только в положительных формах активности, но и в её негативных формах – насилии, преступлениях и т.д.¹.

Специалисты отмечают, что подростки-правонарушители, самоутверждающиеся подобным образом, выступают носителями специфических характеристик. Среди них: самоуверенность, дерзость, неприязненное отношение к власти, обидчивость, враждебность и недостаточный самоконтроль. Такие подростки, как правило, не хотят брать на себя ответственность за свои действия, а в своих неудачах стремятся обвинить окружающих и внешние обстоятельства². Не слу-

¹ Гилинский Я.И. Криминология. СПб. 2009. С. 336.

² Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. СПб.: Питер. 2000. С. 565.

чайно такие психологические установки рано или поздно материализуются в виде ранней алкоголизации, агрессии и самоагрессии, сексуальных девиаций, сопровождаются уходом из дома и бродяжничеством.

Однако необходимо иметь в виду, что перечисленные особенности личности включаются в практику и начинают действовать в механизме преступного поведения не автоматически, а при конфликтных ситуациях в семье, в дружеском окружении, безнадзорности, беспризорности, т.е. при соответствующих для этого благоприятных условиях. Криминальная делинквентность подростков в подавляющем большинстве случаев имеет сугубо социальные причины. В первую очередь, к ним относятся недостатки воспитания. От 30 до 85 % несовершеннолетних правонарушителей, по данным разных авторов, вырастают в неполной семье, т.е. без отца или в семье деформированной – с недавно появившемся отчимом или, реже, мачехой. Именно там происходят первые уходы из дома вследствие безразличного отношения к детям или из-за боязни наказания. Как правило, уход из дома мотивируется тем, что «дома противно», «у мамы пьянки», «я им не нужен» и т.д. Серьезная психологическая травма несовершеннолетнему причиняется и в результате развода родителей. В этом случае, как верно отметили Д.А. Столяров и Г.В. Банникова, неизбежно происходит разрушение личной экосистемы ребенка¹.

Таким образом, отсутствие понимания и поддержки со стороны взрослых членов семьи подросток стремится компенсировать в лице уличных компаний, при помощи уличного времяпровождения и досуга. Пагубность такого пути не вызывает сомнения. Ведь свойственные отдельным личностям отрицательные черты уродливо трансформируются в психологию группы, преступной толпы. То, в правильности чего не уверена отдельная личность, будучи принято группой, начинает восприниматься как норма. Не случайно, высокая подверженность групповым воздействиям является той чертой поведения несовершеннолетних, которая обращает на себя внимание специалистов.

Некоторые авторы склонны полагать, что в совершении подростками правонарушений далеко не всегда следует в качестве мотива

¹ Столяров Д.А., Банникова Г.В. Гарантии защиты прав и интересов несовершеннолетних детей в бракоразводном процессе: состояние и перспективы развития // Вестник Международного юридического института. 2016. № 3 (58). С. 5.

стереотипно указывать корысть и стремление удовлетворить свои потребности. Ряд несовершеннолетних правонарушителей совершает их потому, что «привлекает сам процесс совершения преступления», «за компанию», «чтобы не прослыть трусом» и т.д.¹. Можно с уверенностью сказать, что происходит определённая романтизация преступного поведения. Довольно значительная доля преступных проявлений несовершеннолетних вызвана преступными посягательствами на них самих. Как показывает практика, зачастую несовершеннолетние, совершившие преступления, сами длительное время были жертвами чьей-либо агрессии. Повторяя эффект распрямления сжатой до предела пружины, подростки вследствие этого в группе или в одиночку вымещали свою злобу, обиду на других людях и, тем самым, удовлетворяли уязвлённое самолюбие.

Преступность, как и любая другая форма девиантного поведения, обуславливается особенностями личности несовершеннолетнего. В этом вопросе существует прямая взаимосвязь: чем менее устойчивой является психика подростка, тем более глубоким будет деструктивный след, нанесённый его личности в условиях неблагоприятных сопутствующих обстоятельств: конфликтности в семье, низком уровне воспитания и культуры, пагубного влияния Интернета, улицы и т.д. Эта проблема была предметом дискуссий, состоявшихся в 2012 г. среди социологов и криминологов в Краснодаре². Участниками были сделаны существенные выводы о том, что провоцирующими условиями формирования преступности несовершеннолетних являются также особенности подростковой социализации, которая, как правило, не отличается устойчивостью адаптации к различным проблемным ситуациям.

Американский психолог К. Роджерс в этой связи сделал вывод о том, что характер будущего поведения несовершеннолетних правонарушителей во многом определен социальными негативами (психоло-

¹ Янченко П.А. Социологический анализ подростковой преступности как одной из форм проявления делинквентного поведения несовершеннолетних: региональный аспект // Научные исследования СПбГУ. Психология. Из-во СПбГУ. 2011. С. 307.

² На пути к преступлению: девиантное поведение подростков и риски взросления в современной России (опыт социологического анализа). Коллективная монография / Под науч. ред. М.Е.Поздняковой и Т.А. Хагурова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т; М.: Институт социологии РАН, 2012. С. 23-24.

гической атмосферой в семье, условиями школьного обучения, степенью влияния знакомых, физическим развитием, наследственностью и т.п.). Однако еще более оказывает влияние фактор объективного самопознания – чёткости и реалистичности осознания себя и своего окружения¹. Конечно, подобные негативы увеличивают степень риска формирования делинквентности и преступного мировоззрения. В то же время, имеются весьма не единичные примеры, когда дети, находившиеся в трудных жизненных обстоятельствах, но своевременно «вызволенные» из них, аккумулируют в себе устойчивость к восприятию социальных аномалий. Они не будут выпивать, как мать-алкоголичка или отчим, а, напротив, стремятся работать, чтоб не паразитировать, как отец, брат и т.д.

Современная психиатрия, изучающая поведение подростков, не случайно относит их деформационные проявления к числу наиболее актуальных проблем. Исследования демонстрируют наличие взаимосвязи многих видов психических заболеваний среднего и старшего школьного возраста с проявлениями хулиганства, вандализма, отказа от учёбы, связи с асоциальными компаниями, различными формами делинквентности. Такие случаи внешне проявляются как трудновоспитуемость. Вместе с тем психиатрический аспект девиантного поведения наиболее остро выражен у олигофренов².

Отставание в умственном развитии имеет высокую социальную опасность. Ведь это затрудняет процесс социализации, препятствует формированию и закреплению социально значимых потребностей и интересов, отрицательно влияет на поведение. Такие дети преждевременно бросают школу либо остаются на второй год. По оценкам психологов, в России в среде несовершеннолетних правонарушителей насчитывается 69 % подростков с различными типами умственных отклонений. В общей численности данной возрастной группы их количество колеблется в пределах 10%³. Следует учитывать, что умственное отставание сопровождается психическими отклонениями, а

¹ Винокуров Л.Н. Основы педагогической диагностики и профилактики нервно-психических нарушений у детей и подростков. Кострома. 1994. С. 186.

² Шумицына А.И. Биологические и социальные факторы нарушения поведения у детей и подростков. СПб. 2009. С. 93-95.

³ Афиногенов В.А. Семейные отношения как фактор генезиса асоциальных установок у несовершеннолетних // Национальное здоровье. 2019. № 1. С. 102.

также заторможенностью развития психики в целом. Всё это неизбежно влечет за собой формирование неблагоприятного социально-психологического фона у подростка.

Изучая специфику личности несовершеннолетних, имеющих аномалии психического развития, обнаруживаем интересные данные. Лишь у 22,5% подростков психические деформации начали проявляться в раннем возрасте, причём, в большинстве случаев, это сопровождалось алкоголизмом их родителей. 68,3% случаев расстройств психики возникло как следствие неблагоприятных условий семейного воспитания¹. Добавим в этот перечень постоянные конфликтные и стрессовые ситуации, жестокое обращение со стороны родителей, уход из семьи одного из родителей и т.п. Не подлежит сомнению, что за последние годы в связи с комплексом причин данные показатели претерпели устойчивый рост.

Таким образом, с причинной обусловленностью формирования психологии преступного поведения в среде подростков из неблагополучного семейного социума всё относительно ясно. Однако делинквентные отклонения сегодня всё чаще поражают подростков из вполне благополучных семей. Здесь выявить условия, детерминирующие такое поведение, гораздо сложнее. Внешне вокруг таких детей все благополучно: полная и с нормальным материальным достатком семья, они учатся, получая образование, а их окружение не является явно асоциальным. В этом случае, как представляется, условия формирования преступного поведения проистекает из завышенной самооценки подростка и его необоснованных амбиций. В том случае, если она не поддается объективной коррекции, то такая самооценка материализуется в неадекватность реакций, ригидность, негибкость, зачастую – в социальную деградацию.

Причины и условия формирования несовершеннолетнего правонарушителя, вышедшего из сравнительно благополучной среды, давно уже стали предметом изучения американской психологии. Так, например, Ф. Райс выделил шесть качеств, наиболее значимых среди таких лиц:

- умение не сболтнуть лишнего в полицейском участке;
- умение быть жёстким и настойчивым;
- умение «дать сдачи»;
- умение быстро заработать деньги;

¹ Там же. С. 103.

- умение всех перехитрить;
- умение устанавливать связи с преступным миром¹.

Как видим, в данной ситуации сопутствующие условия формирования преступности несовершеннолетних существенно отличаются. Здесь портрет подростка-правонарушителя иной: он предстаёт субъектом, вполне трезво оценивающим свои действия, рационально мыслящим, расчётливым. Мотивацией социальных отклонений в этом случае являются нехватка денег, нежелание работать, стремление к лёгкой наживе, стрессы, отсутствие условий для культурного отдыха.

Примечательно, что причинно-следственная связь преступного поведения студенческой молодёжи мало чем отличается от ценностных приоритетов и принципов подростков, выросших в среде правонарушителей. Это позволяет нам говорить об очевидной закономерности. Смысл ее состоит в том, что индивид тем больше усваивает образцы сильно деформированного социального поведения, чем чаще с ними сталкивается и чем меньше его возраст. Определенную роль в оформлении личности делинквента и преступника играет, без сомнения, степень его психического здоровья и уровень морально-психологической устойчивости. В то же время эти нюансы нивелируются в результате воздействия общественной среды и моральных ценностей, характерных для неё в качестве нормы. Следовательно, необходимо вести речь об особых детерминантах, обуславливающих криминальный подъём в среде подростков различных социальных оттенков и ведущих, в целом, к преступности несовершеннолетних.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018 № 569-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954; 2018. № 53. Ч. I, ст. 8495.
2. Анурин В.Ф. Основы социологических знаний: курс лекций по общей социологии. Н. Новгород: НКИ, 1998.
3. Афиногенов В.А. Семейные отношения как фактор генезиса асоциальных установок у несовершеннолетних // Национальное здоровье. 2019. № 1.

¹ Райс Ф. Указ. соч. С. 410-412.

4. Ахъядов Э.С.-М. Криминологическая характеристика и профилактика преступлений несовершеннолетних и молодежи // Молодой ученый. 2013. № 12 (59).
5. Винокуров Л.Н. Основы педагогической диагностики и профилактики нервно-психических нарушений у детей и подростков. Кострома, 1994.
6. Гишинский Я.И. Криминология. СПб. 2009.
7. Гишинский Я.И. Объяснение преступности // Предупреждение преступности. 2002. № 2 (4).
8. Гишинский Я.И. Понятие преступности в современной криминологии // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ. 2001. № 3.
9. Кравченко А.И. Социология: Учебник. М.: Проспект. 2003.
10. Криминология: Учебник / Под общ. ред. проф. А.И. Долговой. М.: Норма, 2008.
11. На пути к преступлению: девиантное поведение подростков и риски взросления в современной России (опыт социологического анализа). Коллективная монография / Под науч. ред. М.Е.Поздняковой и Т.А. Хагурова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т; М.: Институт социологии РАН, 2012.
12. Преступность и правонарушения. 2012. Статистический сборник. М. 2013.
13. Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. СПб.: Питер, 2000.
14. Столяров Д.А., Банникова Г.В. Гарантии защиты прав и интересов несовершеннолетних детей в бракоразводном процессе: состояние и перспективы развития // Вестник Международного юридического института. 2016. № 3 (58).
15. Шумицына А.И. Биологические и социальные факторы нарушения поведения у детей и подростков. СПб. 2009.
16. Янченко П.А. Социологический анализ подростковой преступности как одной из форм проявления делинквентного поведения несовершеннолетних: региональный аспект // Научные исследования СПбГУ. Психология. Издательство СПбГУ, 2011.

Разумова Валентина Вадимовна,
студентка магистратуры Юридического института
Орловского государственного института им. И.С. Тургенева.
Razumova V. V.
master student Law Institute
Oryol state Institute. I. S. Turgenev.

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕВЫШЕНИЕ
ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ
В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ**

**RESPONSIBILITY FOR ABUSE OF POWER IN THE
DOMESTIC CRIMINAL LAW IN HISTORICAL RETROSPECT**

Аннотация. В статье автор приходит к выводу, что на протяжении всего советского периода уголовное законодательство эволюционировало путем постепенного повышения его уровня, в том числе, уровня проработки состава преступления, регламентирующего ответственность за превышение должностных полномочий. Современный российский Уголовный кодекс в этой части имеет значительное сходство именно с советским конструированием этого состава преступления, вобрав в себя его коллективный опыт. В нем также применено прояснение денотатов «должностное лицо» и «превышение должностных полномочий», сходных с установкой в этом вопросе советских уголовных кодифицированных законов.

Abstract. In the article the author comes to the conclusion that throughout the Soviet period the criminal legislation evolved: there was a gradual increase in its level, including the level of elaboration of the corpus delicti regulating responsibility for abuse of power. The modern Russian criminal code in this part has a significant similarity with the Soviet construction of this corpus delicti, having absorbed its collective experience, it also applied the clarification of the denotation of the concepts of "official" and "abuse of power", similar to the installation in this matter of the Soviet criminal codified laws.

Ключевые слова: превышение должностных полномочий, злоупотребление должностными полномочиями, должностная преступность, служебная преступность, должностное лицо.

Key words: abuse of power, abuse of power, official crime, official crime, official.

Практически все криминологи, предметно занимающиеся вопросами должностных преступлений, солидаризируются во мнении о необходимости изучения определенного уголовно-правового института, составов преступлений и т.п. в историко-правовом аспекте. Ученые полагают, что исследование уголовно-правовых явлений в исторической ретроспективе не только лучше позволяет понять имеющиеся в современном уголовном законодательстве институты/нормы, но и воспринять при необходимости нормы (элементы норм), которые уже успешно были апробированы в процессе правоприменения ранее действовавшего уголовного законодательства, имплементировав отдельные их элементы. Применительно к исследуемой нами проблематике важность изучения исторического опыта в конструировании состава такого должностного преступления, как превышение полномочий, была подчеркнута Г.В. Ткачевой¹, П.П. Балыком², М.А. Романенко³ и другими исследователями.

Наше исследование показывает, что в научной среде не выработано единой консолидированной позиции по вопросу, с какого момента следует вести отсчет по установлению ответственности за превышение полномочий должностными лицами. Е.В. Тарасова, например, считает, что необходимо рассматривать развитие норм не только с того периода, когда они приобретают характерные близкие черты к современному законодательству, но и с начала их зарождения, когда они не были еще уголовными в собственном смысле⁴. Можно с уверенно-

¹ Ткачева, Г.В. Уголовная ответственность за превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ): дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ткачева Галина Викторовна. Ростов н/Д. 2004.

² Балык, П.П. Исторический аспект развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за превышение должностных полномочий / П.П. Балык // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. №1 (20). С.73.

³ Романенко, М.А. Особенности правового регулирования уголовной ответственности должностных лиц за превышение полномочий в советский период / М.А. Романенко // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2005. №11. С.62.

⁴ Тарасова, Е.В. Квалификация преступлений, совершаемых должностными лицами путем использования своего служебного положения:

стью говорить о возникновении злоупотреблений полномочиями или их превышении, исходя из специфики человеческой природы, с момента возникновения государственности. Выполнение функций государства влечет за собой создание управленческого аппарата, который и осуществляет власть, реализуя данные ему полномочия (иногда с нарушениями). Поэтому нам представляется спорным утверждение П.П. Балыка о том, что изучение этой темы «правильно начать с XVI столетия», с эпохи правления Ивана IV. Нам же представляется необходимым начинать освещение этого вопроса с начала зарождения русской государственности, которую традиционной относят к IX столетию.

Этот период характеризовался наличием целой совокупности княжеств. Очевидно, что применительно к князю говорить о превышении полномочий некорректно, исходя из специфики его власти, которая была неограниченной, а, значит, неограниченными были и реализуемые им полномочия. Первым прообразом превышения должностных полномочий как противоправного деяния можно считать отступление от уставных грамот, выдаваемых от имени князя воеводам, которые выполняли различные управленческие функции, в том числе, занимались и сбором налогов, реализуя княжескую волю. Текст таких грамот как раз и описывал «должностные полномочия» воеводы, которые были весьма обширны. Но наказание для воевод как для должностных лиц наступало только за взимание налогов сверх предписанного объема, регламентированного уставными грамотами. Вероятно, воеводы, превысившие объем предоставленных полномочий в вопросе сбора налогов, подвергались наказанию, согласно княжескому усмотрению, которое было индивидуализированным и персонифицированным в каждом конкретном случае.

Анализ текста «Русской правды» как собрания норм обычного права показывает отсутствие правовой регламентации этого вопроса в этом нормативно-правовом акте. Это дало повод некоторым исследователям говорить, что по своему характеру «Русская правда», будучи актом раннефеодального права, выводила за рамки правового поля привилегированный в социальном отношении субъектный состав, распространяя своё действие только на простолюдинов (Н. Ланге). Таким образом, о начале уголовно-правовой регламентации ответствен-

ности за превышение полномочий, если вред наступал для простолюдинов, в этот период говорить вообще нельзя. А привилегированные слои, хоть и несли наказание за превышение полномочий, но только в тех случаях, когда своими действиями, выполняя служебные/должностные обязанности, причинили вред государству и/или лично князю, который и определял для них объем и пределы наказания за совершение данного деяния.

Первым письменным закреплением ответственности за превышение полномочий следует считать Судебник 1550 г¹. В Судебнике 1589 г. круг субъектов данного должностного деяния был расширен. За должностные преступления могли теперь наказываться старосты, на которых были возложены полномочия по проведению «сыска», т.е. расследованию воровства (и в виде кражи, и в виде грабежа)². За совершение таких преступлений предусматривалась смертная казнь, т.е. самое суровое наказание. Затем круг таких преступных деяний был еще раз расширен в 1607 году. Он стал касаться превышения полномочий при взимании пошлин³. Однако вплоть до 1649 года, до появления Соборного Уложения, не было сделано попыток дифференциации ответственности по субъектному критерию, исходя из сферы деятельности должностного лица, превысившего полномочия. Только в этом нормативно-правовом акте появилось разграничение должностных лиц на два разряда: стали выделять людей ратных и субъектов, осуществляющих правосудие. Последние подвергались наказанию именно за вынесение бессудных судебных решений, однако отдельными статьями лихоимство в процессе превышения полномочий было криминализировано для служащих более мелкого уровня, мздоимство же вообще не считалось ни коррупционным, ни должностным преступлением. Отдельными составами были криминализированы несвоевременная выдача проезжих грамот, ответственность за данное деяние несли воеводы. В целом, несмотря на увеличившееся число должностных преступлений и расширения составов, устанавливающих ответственность за превышение полномочий, а также увели-

¹ Сквозников, А.Н. Ответственность за преступления против правосудия и интересов государственной службы по Судебникам 1497 и 1550 гг. / А.Н. Сквозников // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2012. № 1 (11). С. 82-83.

² Чупова, М.Д. Забытые Судебники (1589 и 1606/07) / М.Д. Чупова // История государства и права. 2017. № 2 (123) февраль. С. 194-200.

³ Там же.

чение круга субъектов таких преступлений, не произошло институционализации должностной преступности, не было сделано попыток и ее систематизировать иным образом. Однако, по мнению В.И. Динки, положения этого нормативно-правового акта помогли в значительной степени ограничить царивший произвол превышающих свои полномочия должностных лиц по отношению к населению¹.

Эта задача не была в полной мере решена и в период правления первого российского императора, который, хотя и сохранил субъектное разграничение виновных в совершении этого преступления, а также увеличил общее количество норм, устанавливающих ответственность за превышение должностных полномочий, отнеся их к числу государственных преступлений, однако не представил их в едином нормативно-правовом акте, регламентирующем определенную сферу общественных отношений, что, по-видимому, было и невозможно, исходя из современного ему уровня законодательной техники.

Как таковой отдельной отраслевой регламентации в эпоху Петра не было, и нормы, касающиеся превышения полномочий, для которых в петровскую эпоху появился термин «чин все употребил», были расположены как в Артикуле воинском 1715 г (например, арт.33, в котором запрещалось беспричинное насилие по отношению к военнослужащим со стороны их начальников), так и в Генеральном регламенте коллегий. Примечательно, что в последнем нормативно-правовом акте была сделана попытка разграничить превышение полномочий как преступное деяние по форме вины, сконструировав его, и как умышленное (совершенное «вымыслом»), и как неосторожное преступление (совершенное «оплошкой»), установив за них разные наказания, т.е. дифференцировать ответственность, исходя из состава преступления. Да, в обоих случаях наказание было весьма суровым, как и за множество других преступлений в это жестокое время. Но значительно жестче было наказание за рецидив должностной преступности для тех, кто совершал превышение полномочий систематически. За умышленное превышение полномочий была предусмотрена альтернативная санкция: выбор у судьи был между смертной казнью и пожизненной ссылкой на галеры в качестве основных наказаний и применением вырезания ноздрей и конфискации имущества в качестве

¹ Динка В.И. Уголовная ответственность за превышение власти или служебных полномочий сотрудников органов внутренних дел: автореф. дисс... канд-та юрид. наук: 12.00.08. М. 1992. С.7.

дополнительных наказаний. Отдельное разграничение наказания за вышеупомянутое преступное деяние было для тех субъектов преступлений, кто совершал его впервые. За него было предусмотрено самое мягкое наказание в виде штрафа, хотя и большого, и лишения чина.

На протяжении всего XVIII века терминологическое сочетание «превышение власти/полномочий» в нормативно-правовых актах не употреблялось. Впервые этот термин был законодательно закреплен в начале XIX века в Общем учреждении министерств. Понимался он как нарушение иерархии нормативных актов юридической силы. Соответственно, превышением власти, допущенным министром, считалась как отмена министерским распоряжением и/или постановлением нормы закона, так и замещение издания закона в тех случаях, когда требовалось только законодательное регулирование определенной сферы общественных отношений, и самовольное, в обход определенного порядка, издание предписания, осуществленное с выходом за рамки полномочий министра.

Пройдя успешный опыт практического применения в 1811 году, это терминологическое сочетание оказалось закреплено в 1832 году в ст. 278 пятнадцатого тома Свода законов с расширением круга субъектов преступления, т.е. с распространением и на нижестоящих чиновников, состоящих на государственной службе. Этот состав преступления был сохранен и при составлении проекта Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Вместе с тем уровень законодательной техники этого нормативно-правового акта, несмотря на наиболее полную правовую регламентацию должностных преступлений и создание новых их составов, по-прежнему был недостаточно высок: дефинирование как прием законодательной техники не использовалось, поэтому раскрытие понятия «превышение власти» было казуистичным и производилось путем перечисления способов совершения этого преступления, а также конкретных примеров, что именно следует считать таким превышением. «Чиновник или иное должностное лицо признается превысившим власть ему вверенную, когда, выступив из пределов и круга действий, которые предписаны ему по его званию, должности, месту или особому поручению, чинит что-либо в отмену или же вопреки существующим указаниям, учреждениям, уставам или даннм ему наставлениям, или же вопреки установленному порядку предпишет или примет такую меру, которая может быть принята не иначе как на основание нового закона, или присвоив себе право, ему принадлежащее, самовольно решит какое-либо дело, или

же позволит себе какое-либо действие или распоряжение, на которое, не испросив онго надлежащим образом»¹.

Примечание как часть уголовно-правовой нормы тоже было задействовано нечасто. В частности, обстоятельства освобождения чиновников, превысивших свои полномочия, от уголовной ответственности были очерчены не в примечании к ст. 367, где казуальным способом осуществлялась криминализация этого деяния, а устанавливались отдельной 369 статьёй этого законодательного акта. Думается, что состав этого преступного деяния был сконструирован как материальный, поскольку назначение вида наказания прямо зависело от тяжести наступивших из-за превышения полномочий последствий. Кроме того, этот состав имел квалифицирующие признаки, к которым, например, относилась важность дела и отягчающие обстоятельства, совершение преступления с применением оружия и/или насилия. Одной из самых суровых санкций за это преступление была ссылка с применением дополнительного наказания – лишения всех прав состояния, что для сословного общества той эпохи было весомым наказанием.

В целом, система санкций за превышение полномочий была громоздкой и, по мнению дореволюционных правоведов, могла привести к парализации деятельности государственного аппарата и побуждению чиновничества к служебному бездействию из страха стать субъектами этого должностного преступления. Ввиду этого смягчение наказания в новой редакции этого акта 1885 года для состава этого преступления, не имеющего отягчающих обстоятельств, было позитивно встречено как криминологами, так и общественностью².

Успешная правореализационная практика позволила сохранить в проекте Уголовного уложения 1903 г.³ не только аналогичное наименование главы, в которой были размещены должностные пре-

¹ Уложение о наказаниях 1845 года / Сайт музея истории российских реформ имени П.А. Столыпина [Электронный ресурс]. URL: <http://музейреформ.рф/node/13654>

² Свод законов Российской империи. В 15т. Т. 15: Уложение о Наказанияхъ Уголовныхъ и Исправительныхъ. М. 1885. С.304.

³ Уголовное Уложение 22 марта 1903 года. С мотивами, изложенными из объяснительной записки редакционной комиссии, представленной Мин. Юстиции в Государственный Совет и журналов – особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. Издание Н.С. Таганцева. СПб., 1904. 1124с.

ступления «по службе государственной и общественной», но и учесть содержательные недостатки Уложения 1885 года. Кроме того, уровень законодательной техники значительно повысился, что не могло не сказаться позитивным образом на качестве подготовки проекта нового уложения, к сожалению, так и не вступившего полностью в законную силу. Дореволюционные криминологи считали, что под превышением власти надо понимать нарушающие закон и находящиеся за пределами власти действия должностного лица, причинившие вред обществу, государству, отдельному субъекту или «вверенной части». Криминологам казалось важным упомянуть, что совершаться это преступное деяние должно без умысла учинить какое-либо иное преступление при помощи власти как средства преступления. Важно акцентировать внимание и ещё на одном факте: в имперском уголовном праве не появилось понятия злоупотребления полномочиями, которое было бы смежным преступным деянием по отношению к превышению полномочий. Это новелла советского периода развития уголовного законодательства.

Создавалось оно в сложных условиях – в период захвата власти большевиками, ожидания ими мировой революции и перехода к строительству государства нового типа, которое должно было отмереть при установлении власти пролетариата и беднейшего крестьянства во всемирном масштабе при создании земшарной республики рабочих и крестьян. Такие условия не только привели к отмене всего массива имперских законов и подзаконных актов, включая действовавшее уголовное Уложение, с заменой их «заборным законодательством» (именно так иронично-пренебрежительно называли обыватели вывешиваемые на заборах декреты новой власти), но и к ревизионистским попыткам пересмотра концептуальных подходов к преступности, которая, как считалось в развиваемых П. Стучкой утопично-идеалистических представлениях, вскоре отомрет, а бывшие преступники совершать преступления в государстве нового типа больше не будут, поскольку их толкал к преступной деятельности «прогнивший строй». Преступность, однако, не только не отмерла, а, напротив, в постреволюционный период в условиях цивилизационной катастрофы приобрела еще большие масштабы, включая такую ее разновидность, как должностные преступления. Поэтому в реальных условиях с ней приходилось бороться.

Уже в начале правления новой власти в декабре 1917 года появилась инструкция Народного комиссариата юстиции, где был упо-

треблен термин «злоупотребление властью», понимавшийся расширительно и считавшийся изменой революции: это понятие включало в себя и ее превышение, и бездействие, и попустительство субъектами, которым дал власть «революционный народ»¹. В дальнейшем злоупотребление полномочиями станет самостоятельным составом преступного деяния. И на протяжении советской, а также постсоветской истории их разграничение с превышением полномочий как смежных составов будет важной научной уголовно-правовой проблемой.

В Положении о революционных военных трибуналах от 20 ноября 1918 года² был употреблен термин «превышение власти», под которым понимался выход должностного лица за пределы полномочий, предоставленных ему законом. Однако перечень лиц, относимых к должностным, в этом акте не конкретизировался.

В первом уголовном кодифицированном акте 1922 года³ была сделана попытка систематизации должностной преступности, и первыми составами главы, ей посвященной, были именно «злоупотребление полномочиями» и «превышение полномочий». Располагались они рядом (ст. 105 и ст. 106, соответственно) и были связаны содержательно, поскольку статья 105 не только содержала примечание, в котором давалось легальное толкование понятия «должностное лицо», но и включала в себя перечень наказаний, равным образом относящихся как к ст. 105, так и к ст. 106 УК РСФСР 1922 года, которые были альтернативными и включали не только лишение свободы, но и принудительные работы, и увольнение с должности. Сама ст. 106 санкцию не содержала, однако имела в своей структуре описательную диспозицию и квалифицированный состав, квалифицирующим признаком для которого выступало совершение этого преступления с применением оружия, использованием насилия или если оно сопровождалось действиями, оскорбляющими достоинство. Самым интересным квалифицирующим признаком были «мучительские» действия

¹ Инструкция НКЮ от 19.12.1917г. «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке введения его заседаний» / СУ РСФСР. 1917. № 12. С. 170. (утратила силу).

² Постановление ВЦИК от 20.11.1918 г. «О революционных военных трибуналах» / СУ РСФСР. 1919. № 58. (утратило силу).

³ Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. (утратил силу) [Электронный ресурс]. URL: <http://constitutions.ru/?p=5341>

по отношению к потерпевшему. Квалифицированный состав подразумевал самые суровые наказания в виде высшей меры наказания.

Примечательно, что в этот период, на который пришлось становление НЭПа, к должностным лицам были отнесены не только госслужащие на предприятиях и/или государственных учреждениях, которые могли быть приняты на работу как временно, так и постоянно, но и субъекты, занимавшие должности в коммерческих организациях. Какие именно это должности, в законе конкретизировано не было, однако там был установлен перечень задач, которые выполняли такие лица. В этом акте была сделана попытка ввести ответственность за превышение полномочий в различных сферах общественной деятельности. В ст. 209 УК РСФСР 1922 года был специальный состав, где ответственность устанавливалась для военных должностных лиц. Это преступление могло быть совершено как неосторожно, так и умышленно, существовала дифференциация ответственности по формам вины и цели совершения данного преступного деяния, по наступлению вредных последствий, которые могли быть довольно разнообразными, их перечень приводился в анализируемой статье. К ним относился и бунт, и разглашение тайны, и общая дезорганизация войск.

Принятие УК РСФСР 1926 года¹ было обусловлено образованием Советского Союза, в соответствии с актами которого требовалось привести уголовный закон РСФСР. В новом кодифицированном акте криминализация должностной преступности сохранялась, хотя изменилось ее структурное расположение (она переместилась из второй в третью главу) и нумерация статей. Помимо этих редакционных правок, законодатель внес и ряд содержательных изменений. В частности, из числа лиц, привлекаемых к ответственности за превышение полномочий, исключались все ранее обозначенные в качестве таковых субъекты, кроме занимающих должности в государственных учреждениях и на государственных предприятиях. Однако толкование дефиниции «должностное лицо» было, наоборот, расширено. Помимо перечисленных в примечании к ст. 105 УК 1922 года к ним стали относиться еще и профсоюзные работники, наемные служащие и даже контрагенты, вступившие с предприятием в гражданско-правовые отношения. Такое рассогласование говорит о невысоком уровне законодательной техники нового акта.

¹ Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. (утратил силу) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://coollib.com/b/124310/read>

В УК 1926 года превышение полномочий было криминализовано в ст. 110, которая в описательной диспозиции практически дословно повторила текст аналогичной статьи УК 1922 года, включая саму дефиницию «превышение полномочий», разъяснив, что именно надо понимать под «явным» выходом за пределы прав и полномочий со стороны должностного лица, таким образом, оставив в определении данное оценочное понятие, законодательно трактуемое тройственным образом. Первый случай: должностное лицо совершало действия в пределах своей компетенции и полномочий, но они не могли быть реализованы в конкретном случае; во втором варианте должностное лицо осуществляло полномочия, реализация которых была возможна только при наступлении особых обстоятельств (явный выход за пределы полномочий тут был из-за отсутствия таких обстоятельств); третья ситуация предполагала, что должностное лицо совершило действия, которые не были ему предписаны и не могли им совершаться ни при каких обстоятельствах.

Состав, как и ранее, был сконструирован как материальный, т.е. для квалификации имело значение наступление вредных последствий, которые могли быть четырех видов: нарушение правил работы учреждений или предприятия, причинение имущественного ущерба предприятию или учреждению, нарушение общественного порядка, нарушение охраняемым законом прав и интересов отдельных граждан. В правоприменительной практике как криминообразующие признаки рассматривались систематичность совершения этого преступного деяния и корыстный мотив, а также иная личная заинтересованность. Кроме того, суду необходимо было выяснить, действовал ли виновный в совершении преступления субъект как лицо частное или совершил преступное деяние, оставаясь на службе, квалификация по ст. 110 была возможна только в последнем случае. Наказание за совершение преступления, предусмотренного основным составом, ужесточилось: лишение свободы на полгода теперь было со строгой изоляцией (санкция по-прежнему была в предыдущей статье, регламентирующей ответственность за злоупотребление полномочиями), а вот за квалифицированный состав осталось прежним – расстрел. Квалифицирующие признаки также остались прежними.

В УК 1926 г. оказалась декриминализована ответственность за превышение полномочий военными, она была восстановлена толь-

ко в 1958 году отдельным законом¹, соединившим в структуре одной своей нормы и халатность, и превышение полномочий, и злоупотребление ими.

Примечателен тот факт, что разработчики нового УК 1926 года решили отдельной нормой ввести ответственность для должностных лиц центральных аппаратов (ст. 112).

При принятии УК РСФСР 1960 г.² законодатель счел возможным изменить трактовку понятия должностного лица, сделав акцент на выполняемых им функциях и на их общественной полезности. Однако при конструировании материального состава преступления, расположенного в статье 171, регламентирующей ответственность за анализируемый состав преступления, был допущен ряд нарушений законодательной техники. В частности, было нарушено правило, согласно которому в составе одной нормы нельзя объединять два преступных деяния. Но именно так и получилось в ст. 171 УК 1960 года. Там было упомянуто и превышение власти, и превышение полномочий. Анализ этой статьи показывает, что, исходя из предусмотренных в санкции этой статьи наказаний, – это тяжкое преступление, имеющее и квалифицированный состав, составляющий вторую часть анализируемой статьи. Примечательно, что квалифицирующие признаки взяты из более ранних советских кодифицированных актов, оставшись прежними. Однако смертная казнь как наказание за совершение преступления, квалифицированного по части второй ст. 171, уже не применялась и не упоминалась в санкции.

Ввиду отсутствия в данном кодифицированном акте принципа, прямо запрещающего применять аналогию закона, для прояснения смысла простой диспозиции ст. 260 УК 1960 г., устанавливающей ответственность за должностные преступления военнослужащих, обладающих властно-распорядительными полномочиями, включая, наряду с еще тремя составами, объединенными в этой статье, и превышение ими полномочий, применялось обращение к ст. 171 УК РФ, чтобы прояснить объективную сторону этого деяния в этой части. За исключением специального субъекта преступления, отличий в объективной стороне состава преступления, предусмотренного ст. 260, не было.

¹ Закон Верховного Совета СССР от 25.12.1958 г. «Об уголовной ответственности за воинские преступления» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 10. (утратил силу)

² Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591. (утратил силу)

Однако за совершение этого преступления в боевой обстановке могла быть применена высшая мера наказания.

Итак, проведенный анализ показал: несмотря на то, что должностная преступность, включая превышение полномочий должностными лицами, существовала с момента зарождения государственности, но ответственность за нее, формализованная в уголовно-правовых нормах, а не в индивидуальном усмотрении субъекта, олицетворявшего собой верховную власть по отношению к виновным в превышении полномочий должностным лицам, стала устанавливаться только в шестнадцатом столетии. Государством всегда осознавалась большая степень общественной опасности этого преступления, поэтому наказания за него были самыми суровыми, вплоть до высшей меры, за исключением краткого периода либерализации общественных нравов во второй половине XIX века и попыток внедрения элементов правового государства, закончившихся с переходом страны к построению социализма. Уровень законодательной техники, значительно усовершенствовавшийся к началу XX века, отразившийся в проекте Уложения 1903 года в появлении дефинирования как приема законодательной техники, в переходе от казуального к абстрактному регулированию общественных отношений, подробной проработке квалифицирующих признаков составов преступлений, с падением Российской Империи оказался утрачен не только из-за принципиальной отмены прежней системы законодательства, но и отсутствия квалифицированных кадров, способных к эффективной законотворческой деятельности по составлению нового законодательства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Балык П.П. Исторический аспект развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за превышение должностных полномочий / П.П. Балык // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. №1 (20).
2. Динка, В.И. Уголовная ответственность за превышение власти или служебных полномочий сотрудников органов внутренних дел: автореф. дисс... канд-та юрид. Наук. М. 1992.
3. Закон Верховного Совета СССР от 25.12.1958 г. «Об уголовной ответственности за воинские преступления» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 10.

4. Инструкция НКЮ от 19.12.1917г. «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке введения его заседаний» / СУ РСФСР. 1917. № 12 (утратила силу).

5. Постановление ВЦИК от 20.11.1918 г. «О революционных военных трибуналах» / СУ РСФСР. 1919. № 58. (утратило силу).

6. Романенко, М.А. Особенности правового регулирования уголовной ответственности должностных лиц за превышение полномочий в советский период / М.А. Романенко // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2005. №11.

7. Свод законов Российской империи. В 15т. Т. 15: Уложение о Наказанияхъ Уголовныхъ и Исправительныхъ. М. 1885.

8. Сквозников, А.Н. Ответственность за преступления против правосудия и интересов государственной службы по Судебникам 1497 и 1550 гг. / А.Н. Сквозников // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2012. № 1 (11).

9. Тарасова, Е.В. Квалификация преступлений, совершаемых должностными лицами путем использования своего служебного положения: дисс. ... канд-та юрид. Наук. СПб. 1999.

10. Ткачева, Г.В. Уголовная ответственность за превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ): дисс. ... канд. юрид. Наук. Ростов н/Д, 2004.

11. Уголовное Уложение 22 марта 1903 года. С мотивами, изложенными из объяснительной записки редакционной комиссии, представленной Мин. Юстиции в Государственный Совет и журналов – особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. Издание Н.С. Таганцева. СПб. 1904.

12. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) / Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591. (утратил силу).

13. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. (утратил силу). [Электронный ресурс]. URL: <http://constitutions.ru/?p=5341>

14. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. (утратил силу). [Электронный ресурс]. URL: <http://coollib.com/b/124310/read>.

15. Уложение о наказаниях 1845 года / Сайт музея истории российских реформ имени П.А. Столыпина [Электронный ресурс]. URL: <http://музейреформ.рф/node/13654>

16. Чупова, М.Д. Забытые Судебники (1589 и 1606/07) // История государства и права. 2017. № 2 (123).

Саратова Виктория Александровна,
студентка магистратуры Юридического института
Орловского государственного института им. И.С. Тургенева.
Saratova V.A.
master student Law Institute
Oryol state Institute. I. S. Turgenev.

СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЙ СТ. 151.2 УК РФ: КОНСТРУКТИВНЫЕ НЕДОСТАТКИ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

CORPUS DELICTI UNDER ARTICLE 151.2 OF THE CRIMINAL CODE: DESIGN FLAWS AND PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT

Аннотация. В статье автором анализируются конструктивные недостатки ст. 151.2 УК РФ и предлагаются пути их исправления. Автор полагает, что ряд из них может быть преодолен путем нормативно-го толкования, предложенного высшей судебной инстанцией страны.

Abstract. In the article the author analyzes the constructive shortcomings of article 151.2 of the criminal code and suggests ways to correct them. The author believes that a number of them can be overcome by the normative interpretation proposed by the highest court of the country.

Ключевые слова: преступления против несовершеннолетних и семьи, преступления против развития несовершеннолетних, вовлечение несовершеннолетних в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, уголовно-правовая охрана детей.

Key words: crimes against minors and the family, crimes against the development of minors, involvement of minors in the Commission of actions that pose a danger to the life of a minor, criminal and legal protection of children.

Защита прав несовершеннолетних уголовно-правовыми средствами и ответственность за преступные деяния против них – тема, привлекающая многих исследователей. Общим местом стало утверждение необходимости повышенной защиты детей, оказавшихся особенно

уязвимыми из-за негативных явлений, связанных с экономическими преобразованиями постсоветского периода. В УК РФ появилась двадцатая глава, где права несовершеннолетних на развитие и их права в семье оказались видовым объектом и имеют приоритетное значение как объект уголовно-правовой охраны. Исследователи полагают, что наличие этой главы выполняет важную предупредительную функцию, частично обеспечивая так называемую «двойную превенцию», т.е. способствует как предупреждению преступности самих несовершеннолетних, так и преступных деяний, совершаемых против них (но, по подсчетам Ч.Ш. Купировой, нормы, выполняющие двойную превенцию в отношении несовершеннолетних, сейчас сосредоточены в 50 статьях российского уголовного законодательства)¹. Однако недостаточность исследований по проблемам правовой регламентации ответственности за преступления против несовершеннолетних и семьи, ввиду сравнительно недавно принятых изменений в УК РФ (ст. 151.2 УК РФ), требуют продолжение освещения этой тематики.

Изначально появление ст. 151.2. УК РФ «Вовлечение несовершеннолетних в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего» считалось необходимым и актуальным средством противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению. Это было отражено и в наименовании Федерального закона, которым были внесены эти изменения и дополнения в УК РФ в 2017 году². В этот период действительно в рамках общенациональной дискуссии активно обсуждались «группы смерти», появившиеся в социальных сетях («Беги или умри», «Синий кит» и пр.), результатом членства в которых были самоубийства подростком как итог квестов, выполняемых под воздействием организаторов таких групп. Широта медийного обсуждения возник-

¹ Купирова Ч.Ш. Ответственность за преступления против несовершеннолетних (по материалам следственно-судебной практики Приволжского Федерального Округа): автореф. дисс ... канд-та юрид. Наук. Екатеринбург. 2015. С.17.

² Федеральный закон от 07.06.2017 № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» / СЗ РФ. 2017. № 24. Ст. 3489.

шей проблемы и склонность к требованию усиления мер уголовной репрессии по любому поводу со стороны общественности (при этом слабо разбирающейся в уголовном праве) привели к появлению этой нормы. Мнения об имеющемся уголовно-правовом механизме (ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства») противодействия таким случаям услышаны на тот момент не были. Однако в период разработки конструкции этой статьи законодатель, формулируя диспозицию, всё же счел возможным оговорить в ней невозможность квалификации по данной статье случаев склонения к совершению самоубийства, а также деяний, охватываемых составами статей 150 и 151 УК РФ.

Несмотря на это, с юридико-технической точки зрения, описательная диспозиция весьма далека от совершенства и содержит в себе целый ряд недостатков. Во-первых, в начале формулировки объективной стороны преступления термины «вовлечение» и «склонение», по-видимому, все же используются как синонимичные – «склонение или иное вовлечение» (без упоминания склонения в наименовании статьи). Анализируя соотношение этих терминов, мы пришли к выводу, что их следует трактовать как разные деяния: одно из них – вовлечение – приводит и к возбуждению желания совершения действия, и к совершению конкретного действия, опасного для жизни несовершеннолетнего как моменту окончания преступления. Другое – склонение – только к возбуждению желания совершить это действие, но без перехода к его реальному воплощению. Их синонимичное употребление в рамках рассматриваемой диспозиции невозможно. Поэтому наименование и диспозицию статьи следует исправить, добавив в наименование термин «склонение» и убрав из диспозиции определительное местоимение «иное».

Во-вторых, при составлении описательной диспозиции нарушен правотворческий принцип законодательной экономии текста, поскольку законодатель, с одной стороны, избрал способ перечисления различных способов совершения этого преступления, а с другой стороны, оставил его открытым, не достигнув цели определенности и окончательности при конкретизации этих способов. Однако там, где пояснение было необходимо, законодатель, наоборот, текст экономил, нарушив принципы ясности, стройности и четкости изложения, на что справедливо указала О.А. Васильева, отметившая в своей работе законодательную неопределенность «действий, представляющих

опасность для жизни»¹, не устраненную до сих пор. Перечень таких действий мог бы быть дан в примечании (но оно в данной статье вообще отсутствует), определен путем помещения его в диспозицию аналогично диспозиции ст.151 УК РФ (но его тоже нет) и, наконец, прояснен путем нормативного толкования, которое предлагает высшая судебная инстанция, пока этого не сделавшая в отношении данного состава преступления. Как мы уже указывали, в ожидаемом Постановлении Пленума необходимо также пояснить термин «склонение» и его соотношение с «вовлечением», поскольку их разграничение сейчас устанавливается путем доктринального толкования, не имеющего силы источника права.

Отсутствие законодательной определенности в вопросе установления перечня действий, представляющих опасность для жизни, с одной стороны, порождает конкуренцию составов (ст.ст. 212 и 230 УК РФ и принятой в 2017 году новеллы), на что в своем отзыве инициаторам законопроекта справедливо, хотя и безрезультатно, указал заместитель председателя правительства РФ ещё на этапе обсуждения этой законодательной новации, а, с другой, это, безусловно, влечет за собой правоприменительные проблемы в вопросах о том, кто сейчас будет определять такие действия и что входит в их перечень. Пока небольшое их перечисление есть только в пояснительной записке к законопроекту, где отмечалось, что, к примеру, руфинг, зацепинг во всех формах, включая трейнсерфинг, относятся к таким действиям. Но как ответить на вопрос, относится ли к таким действиям, например, вовлечение детей в порнографические съёмки или склонение к ним, принимая во внимание, что из-за возрастного недоразвития органов малого таза естественное сношение для детей действительно опасно для жизни. Соответственно, могут ли действия вовлечателя в таких случаях быть квалифицированы по ст. 151.2 УК РФ, или требуется криминализация таких деяний отдельным составом преступления, как это и предлагается в работах отдельных криминологов? Без нормативного толкования мы не можем дать однозначного ответа на этот и другие вопросы, демонстрирующие сложности с процессом квалификации, возникшие из-за недоработок законодателя и ошибок в законодательной технике.

¹ Васильева О.А. Быть или не быть: о необходимости исключения статьи 151.2 из уголовного законодательства // Молодой ученый. 2018. №44. С. 123-124. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/230/53492/>

Ответ на этот вопрос не может дать и судебная практика. Наш анализ показал отсутствие приговоров по данной статье в «СудАкте». О.А. Васильева все же отмечает один случай вынесения приговора по ст. 151.2 УК РФ: «19-летняя жительница Пензенской области была привлечена к уголовной ответственности за то, что вовлекла 16-летнюю девушку в употребление паров газа из баллончиков для заправки зажигалок. В свою очередь, систематичное вдыхание паров газа могло привести к состоянию токсического опьянения, острой дыхательной и сердечной недостаточности, гипоксии организма и смерти. Приговором суда девушке назначено наказание в виде 6 месяцев исправительных работ с удержанием 10 % заработной платы в доход государства условно с испытательным сроком на 1 год»¹.

Итак, исследование показало, что недостаточная научная проработка составов и принятие их под давлением общественности ведут к правореализационным проблемам и малоприменимости вновь принятых норм. Часть из правореализационных проблем, возникших из-за действия разных факторов, могут быть купированы нормативным толкованием, данным высшей судебной инстанцией. Анализируемая норма ст. 151.2. УК РФ «Вовлечение несовершеннолетних в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего» нуждается в дальнейшем совершенствовании. Требуется:

- конкретизировать в примечании к ст. 151.2. УК РФ «Вовлечение несовершеннолетних в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего» перечень действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (вариант а) в диспозиции; вариант б): путем нормативного толкования высшей судебной инстанцией);

- определить путем нормативного толкования (или примечания к ст. 151.2 УК РФ) вовлечение, помимо возбуждения желания к совершению преступления, еще и как обязательный переход к противоправным действиям/приготовлениям к ним/покушению на совершение преступления, а склонение – как подготовительные действия к вовлечению в виде возбуждения желания, не реализованного практически, совершения законодательно запрещенных деяний, но без осуществления конкретных действий, хотя бы в виде приготовления;

- убрать из описательной диспозиции ст. 151.2 УК РФ для соблюдения правотворческого принципа законодательной экономии текста

¹ Васильева О.А. Указ. соч.

перечисление различных способов совершения этого преступления, конкретизировав их в пленарном постановлении Верховного Суда РФ, и следует принять такое Постановление.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральный закон от 07.06.2017 № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» //Собрание законодательства РФ. 2017. № 24. Ст. 3489.

2. Васильева, О.А. Быть или не быть: о необходимости исключения статьи 151.2 из уголовного законодательства // Молодой ученый. 2018. №44. С. 123-124. [Электронный ресурс] URL: <https://moluch.ru/archive/230/53492/>

3. Купирова, Ч.Ш. Ответственность за преступления против несовершеннолетних (по материалам следственно-судебной практики Приволжского Федерального Округа): автореф. дисс ... канд-та юрид. наук. Екатеринбург. 2015.

Сафина Диана Рамилевна,
студентка Института права
Башкирского государственного университета.
Safina D. R.
student Institute of law Bashkir state University.

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ НАСЕЛЕНИЯ В САМОУПРАВЛЕНИИ

TO THE QUESTION OF POPULATION PARTICIPATION IN SELF-GOVERNMENT

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопрос участия населения в самоуправлении, его формы и проблемы реальности самоуправления, проблема пассивности граждан и самих органов самоуправления, а также изучается проблематика современной системы

самоуправления. Выясняется причина данной пассивности и предлагается решение для улучшения функционирования местного самоуправления при взаимодействии с населением.

Abstract. This article discusses the issue of population participation in self-government, its forms and problems of the reality of self-government, the problem of passivity of citizens and self-government bodies, and also examines the problems of the modern self-government system. The reason for this passivity is clarified and a solution is proposed for improving the functioning of local self-government in interaction with the population.

Ключевые слова: население, местное самоуправление, избирательное право, граждане, органы местного самоуправления.

Key words: population, local government, suffrage, citizens, local governments, issues.

Выступая инструментом общественного развития, самоуправление является важной частью жизни современного общества. Сама идея самоуправления реализует демократическую суть государственной власти и является средством волеизъявления народа с учетом интересов всех граждан [1, с. 23]¹.

Изучение местного самоуправления как института народовластия обусловлено многими противоречивыми факторами развития современного общества. В наше время граждане не проявляют инициативы работы с органами местного самоуправления и не изъявляют желания знать о нынешних общественных проблемах. Кроме того, и сами должностные лица и государственные органы местного самоуправления не проявляют инициативы в содействии населению в реализации институтов демократии. Это проблема двух сторон. И если даже одна из сторон будет проявлять огромный интерес, а вторая не будет отвечать взаимностью, то проблема не решится.

Деятельность самоуправления на местном уровне выражается в нескольких аспектах:

- 1) она направлена на представительство интересов общества;

¹Аминов И.Р. Актуальные проблемы и перспективы развития самоуправления городского округа город Уфа Республики Башкортостан/ Аминов И.Р // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2017. № 3.

2) это политическая деятельность, отражающаяся в распределении власти и борьбе за нее;

3) участие в данной деятельности обуславливается требованиями, предъявляемыми к жизни каждого гражданина и общества в совокупности.

Данные аспекты дают понять, что действие каждого человека является частью системы общественных отношений и элементом групповой деятельности. Поэтому каждый человек при существовании интереса может изменить и внести что-то новое. А это обязательная часть демократического аспекта.

Уважаемый автор С. Соловьев предполагает, что причиной различных проблем, которые возникают в современной системе местного самоуправления, является ее конституционное отделение от государственной власти¹. Он считает, что органы местного самоуправления должны быть неразделимы с государственной системой. А советский и российский ученый-правовед С.А.Авакьян имеет большие сомнения по поводу существования местного самоуправления в России, так как на практике его деятельность имеет малую популярность, что приводит к многочисленным сомнениям и лишь существованию местного самоуправления фактически².

В связи с постоянными изменениями действующего законодательства у работников местного самоуправления практически не остается времени на работу с населением и его правовое просвещение, что, в свою очередь, вызывает пассивное отношение и незаинтересованность к ним у граждан. В результате всего этого население воспринимает органы местного самоуправления как представительство государственной власти, предъявляя им претензии, зачастую даже не входящие в их компетенцию.

Современная система управления в городах базируется на копировании полномочий и функций между государственной властью и местным самоуправлением, и не каждый сразу разберется, куда, как и к кому обращаться³. А это является огромной проблемой, требующей

¹Соловьев С. Местное самоуправление и государственная власть: от разделения к объединению // Самоуправление. 2014. № 5.

²Авакьян С. А. А есть ли в России местное самоуправление? / Размышления конституционалиста. Избр. статьи. М. 2015.

³Кутафин О.Е., Фадеев В.И. Муниципальное право Российской Федерации: учебник 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект 2014.

незамедлительного решения. Ведь несерьезное отношение граждан к участию в местном самоуправлении влечет разрушение демократического понятия в нашей стране. А сами представители органов местного самоуправления должны в обязательном порядке проводить правовое просвещение граждан, ведь это является их обязанностью, от которой зависит проявляемый интерес общества. Иногда общество не проявляет никакой инициативы лишь потому, что не знает, каким образом можно осуществлять свои права.

В связи со всем вышесказанным можно сделать вывод о необходимости реализации местного самоуправления и привития интереса к его предназначению. Среди населения необходимо воспитывать и развивать политическую и правовую грамотность для большей заинтересованности в деятельности органов местного самоуправления. Должна быть обоюдная взаимосвязь граждан и работников местного самоуправления для идеального баланса и функционирования структуры местного самоуправления. Демократическая основа должна применяться на практике, а не просто существовать фактически. Нам дается возможность способствовать помощи. Так почему же не использовать это?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аминов И.Р. Актуальные проблемы и перспективы развития самоуправления городского округа город Уфа Республики Башкортостан / Аминов И.Р. // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2017. № 3.

2. Соловьев С. Местное самоуправление и государственная власть: от разделения к объединению // Самоуправление. 2014. № 5.

3. Авакьян С. А. А есть ли в России местное самоуправление? / Размышления конституционалиста. Избр. статьи. М. 2015.

4. Кутафин О.Е., Фадеев В.И. Муниципальное право Российской Федерации: учебник 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект. 2014.

5. Аминов И.Р. Развитие законодательства в России: вызовы современности / В сборнике: Юриспруденция как интегративный феномен современного российского общества и государства Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию Юридического института НИУ «БелГУ». 2018.

6. Васильев В.И. Муниципальное право России: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. 2015.

Турянская Алиса Дмитриевна,
студентка магистратуры
Международного юридического института.
Turyanskaya A. D.
master student International law Institute.

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СУБЪЕКТОВ КОНТРАКТНЫХ
ПРАВООТНОШЕНИЙ,
ВОЗНИКАЮЩАЯ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**RESPONSIBILITY OF SUBJECTS OF CONTRACT LEGAL
RELATIONSHIP ARISING WHEN IMPLEMENTING THE
PUBLIC AND MUNICIPAL PURCHASES IN THE RUSSIAN
FEDERATION**

Аннотация. В статье раскрывается понятие закупок, их роль в жизни общества. Рассмотрены виды ответственности, предусмотренные законодательством Российской Федерации в целях защиты, сохранения, восстановления и обеспечения законных прав и обязанностей субъектов государственных и муниципальных закупок. Заключительная часть статьи посвящена особым правилам, придерживаясь которых работник защитит себя от наступления неблагоприятных последствий в виде ответственности.

Abstract. The article reveals the concept of procurement and their role in society. The types of liability provided for by the legislation of the Russian Federation with the aim of protecting, preserving, restoring and ensuring the legal rights and obligations of state and municipal procurement entities are considered. The final part of the article is devoted to special rules, adhering to which the employee will protect himself from the onset of adverse consequences in the form of liability.

Ключевые слова: контрактная система, государственные закупки, государственный контракт, ответственность субъектов, предмет контракта, неустойка, штраф, пеня.

Key words: contract system; state procurements; government contract; responsibility of subjects; subject of contract; forfeit; fine; penalty.

Государственные и муниципальные закупки – приобретение товаров и услуг для удовлетворения нужд государственных и муниципальных заказчиков. Тема государственных и муниципальных закупок является сейчас одной из часто обсуждаемых не только из-за возникающих в них проблем, но и потому что на проведение таких закупок ежегодно выделяются средства из бюджета в большом объеме; субъектам предпринимательской деятельности эта сфера может дать рост и поддержку для бизнеса; государственные и муниципальные службы всегда заинтересованы в проведении качественной и своевременной поставке товаров для обеспечения своих нужд; немалый интерес вызван и у простого гражданского населения, поскольку на закупки расходуются средства, в том числе, от налоговых поступлений граждан.

Нормативно-правовая база, регулирующая отношения по осуществлению государственных и муниципальных закупок, претерпела немало изменений за свое недолгое существование. Основным законом, регулирующим контрактные отношения, является Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ¹.

Права и обязанности субъектов проведения государственных и муниципальных закупок будут зависеть от предмета закупки и регулируются в общем порядке в соответствии с конкретными главами Гражданского кодекса Российской Федерации. Гражданско-правовая ответственность субъектов контрактных отношений строится также на общих началах гражданского законодательства и закреплена в ФЗ-44 в ст. 34 как обязанность поставщика выплатить неустойку (штраф или пеню) в случае просрочки исполнения обязательств, а также в иных случаях неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства.

По нормам нашего законодательства пеня начинает начисляться сразу со следующего дня после дня истечения установленного срока исполнения обязательств контрактом. Размер пени устанавливается контрактом. Пеня составляет одну трехсотую действующей на дату уплаты пеней ключевой ставки Центрального банка Российской Федерации от неуплаченной в срок суммы. Штрафы начисляются за ненадлежащее исполнение обязательств, за исключением просрочки испол-

¹ Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ

нения обязательств, размер которых устанавливается в контракте. Если сторона контрактных правоотношений докажет, что неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств никак не зависело и не могло быть исправлено (произошло вследствие непреодолимой силы) или по вине другой стороны, то она может быть освобождена от уплаты пеней или штрафа.

Рассматривая ответственность субъектов контрактных отношений, следует отметить, что для защиты правоотношений существует гражданско-правовая, административная и уголовная ответственность за правонарушения и преступления, совершенные в сфере государственных и муниципальных закупок в соответствии с законодательством РФ. К административной ответственности по Федеральному закону «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в 2019 можно привлечь за: неправильный выбор способа закупки, условий процедуры (ст. 7.29 КоАП РФ)¹; неверный расчет начальной максимальной цены контракта (ст. 7.29.1 КоАП РФ); отказ от заключения контракта (ст. 7.29.2 КоАП РФ); нарушение правил планирования закупок (ст. 7.29.3 КоАП РФ); нарушение порядка осуществления закупок (ст. 7.30 КоАП РФ); несоблюдение регламента ведения реестра контрактов (ст. 7.31 КоАП РФ); нарушение сроков возврата обеспечения (ст. 7.31.1 КоАП РФ); нарушение порядка подписания госконтракта (ст. 7.32 КоАП РФ).

Какой тип административной ответственности будет применен за правонарушения в сфере госзакупок, зависит от конкретного совершенного нарушения. Например, включение заведомо недостоверной информации в реестр недобросовестных поставщиков влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от пятидесяти тысяч рублей. В случае, если контракт заключен по результатам определения поставщика с нарушением объявленных требований, то это влечет за собой негативные последствия в виде наложения на должностных лиц штрафа в размере 1 процента от начальной (максимальной) цены контракта, но не менее 5 и не более 30 тысяч рублей, а на юридических лиц – штрафа в размере 1 процента от начальной (максимальной) цены контракта, но не менее 15 и не более 300 тысяч рублей.

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 12.11.2019).

С 04 мая 2018 года перечень преступлений коррупционной направленности дополнен тремя новыми специальными составами преступлений, которые предусматривают уголовную ответственность за коррупционные правонарушения в сфере государственных и муниципальных закупок. Это дополнение говорит о необходимости применения таких составов, а значит, о большом количестве совершенных нарушений. Список статей, которые дополнили уголовную ответственность в рамках сферы применения законодательства, регулирующего государственные закупки: статья 200.4. – злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд; статья 200.5. – подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок; статья 304. – провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок для обеспечения государственных или муниципальных нужд¹.

К субъектам, на которые распространяются новые дополнения, можно отнести работников контрактной службы, контрактных управляющих. К ним также относятся члены комиссии по осуществлению закупок, лица, осуществляющие приемку товаров, работ, услуг, и иные уполномоченные лица, которые представляют интересы заказчика в сфере госзакупок.

Тип уголовной ответственности будет зависеть от конкретно совершенного деяния. В качестве основных наказаний можно выделить: штрафы, штрафы в размере заработной платы или иного дохода за определенный период, принудительные работы, исправительные работы и лишение свободы с лишением права занимать определённые должности или заниматься определенной деятельностью. Однако немаловажным является тот факт, что, в соответствии со статьей 200.5 УК РФ, лицо, совершившее преступление, освобождается от уголовной ответственности, если оно активно способствовало раскрытию и/или расследованию преступления, либо в отношении его имело место вымогательство предмета подкупа, либо это лицо добровольно сообщило о совершенном преступлении в орган, имеющий право возбудить уголовное дело.

Преступность в сфере государственных и муниципальных закупок носит латентный характер. В большинстве случаев основанием

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.11.2019)

для возбуждения уголовного дела по указанным составам преступлений будут являться материалы оперативно-розыскной деятельности. Это такой вид деятельности, который осуществляется гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств. Оперативно-розыскную деятельность осуществляют применительно к сфере закупок товаров, работ, услуг, для обеспечения государственных и муниципальных нужд органы внутренних дел РФ, органы ФСБ России. Результаты оперативно-розыскной деятельности могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, представляться в орган дознания, следователю или в суд, в производстве которого находится уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств, и в иных случаях, установленных настоящим Федеральным законом.

Для предотвращения наступления возможных неблагоприятных последствий необходимо уметь правильно использовать меры предосторожности и тактику защиты, которые, несмотря на индивидуальность каждой ситуации, работают по общему принципу. Три основные правила, которые должны стать для всех основой верного принятия решения: видеть, предвидеть и учитывать.

Правило №1 «Видеть». Работник должен правильно оценивать каждое свое действие со стороны правомерности и законности. Работник, знающий, какие меры уголовной ответственности будут к нему применены в случае совершения преступлений, и внимательно относящийся к выполнению своих ежедневных обязанностей и особых поручений начальства, никогда не станет случайным участником преступления. Запомните, что бдительность нельзя терять в любой ситуации.

Правило №2 «Предвидеть» редполагает способность обезопасить себя еще до наступления негативных последствий. Работник, имеющий сомнения по поводу законности и правомерности распоряжений руководства, которому он обязан подчиняться, должен обезопасить себя и попросить письменное распоряжение руководства,

подтверждающее и закрепляющее все действия. К сожалению, указания руководства не всегда носят законный характер. В соответствии со статьей 42¹ Уголовного кодекса РФ «не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лицом, действующим во исполнение обязательных для него приказа или распоряжения». Предвидеть наступление негативных последствий можно и необходимо. Не позволяйте втягивать себя в незаконных схемы.

Правило №3. «Учитывать» означает способность соотносить все действия с риском. В этом случае речь идёт не только об административной, но и об уголовной ответственности. Любая потеря работы лучше привлечения к уголовной ответственности. Если работник видит, что коллеги совершают неадекватные и опасные действия, но не хочет иметь к этому отношения, то лучше вовремя соотнести все «за» и «против», оставшись при своем законопослушном мнении, не взирая на слова и поступки коллег, которые рано или поздно будут наказаны и предстанут перед законом.

Сфера государственных и муниципальных закупок страдает из-за негативного влияния коррупционных преступлений, борясь с которыми мы становимся ближе к цели развития и совершенствования стабильной экономической ситуации в обществе и стране.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 12.11.2019) [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/adbefccc8d538d42038164bb81d886c76e719d63/.

2. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ/ [Электронный ресурс] Консультатн.ру: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.11.2019).

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 04.11.2019).

Научно-информационный журнал «Вестник Международного юридического института»

- публикуется на сайте Международного юридического института:
<http://lawacademy.ru/plan/nauchno-informatsionnyy-zhurnal-vestnik-myui>;

- размещается на портале научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, который является крупнейшим российским информационно-аналитическим порталом в области науки, технологии, медицины и образования;

- поставляется в Российскую книжную палату экземпляр на государственную регистрацию в информационной системе «Государственная библиография».

